

ISSN 0868–5819

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

*Журнал Московской городской организации
Союза писателей России*

Основан М.П. Погодиным в 1826 году при участии А.С. Пушкина.
Возобновлён Московской писательской организацией СП РСФСР
в 1990 году

№ 4
2024

Главный редактор:
Иван Юрьевич ГОЛУБНИЧИЙ

Ответственный редактор:
Марина Анатольевна ЗАМОТИНА

Адрес редакции: 121069, Москва, ул. Б. Никитская, 50а/5
Контактный телефон: 8 (495) 697-00-60
e-mail: glukoza2010@yandex.ru

*Уважаемые коллеги! Просьба присылать материалы
в электронном виде с фотопортретом и краткой
биографической справкой автора. Редакция не вступает
в переписку с авторами и не рецензирует присланные
произведения.*

Общественная редколлегия:
М.А. ЗАМШЕВ, В.Н. КРУПИН,
М.М. ПОПОВ, В.В. СОРОКИН,
А.П. ТОРОПЦЕВ, А.А. ТРАПЕЗНИКОВ,
В.Г. ФРОЛОВ

Подготовка к печати: Издательство «У Никитских ворот»

Вёрстка: У.Д. Иващенко
Корректурa: В.И. Русаков

Тираж 400 экз. Заказ № 3040

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Свидетельство о регистрации № 015738 от 19.02.1997 г.

Учредитель и издатель: Региональная общественная организация
«Московская городская организация Союза писателей России»

ISSN 0868–5819 «Московский Вестник», 2024, № 4

© Редакция журнала «Московский Вестник»

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора. *Иван Голубничий*..... 5

СТИХИ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА, ОЧЕРК

Юрий Яхонтов
Фисгармония слышна... *Стихи* 8

Юрий Рыченков
Дождливый июль. *Новелла* 22

Полина Рожнова
Русский образ. *Стихи* 38

Геннадий Киселёв
Как я служил в ансамбле ТОФ. *Повесть* 50

Евгений Карунин
Услышь, Господь, мою молитву... *Стихи*..... 73

Ирина Шубина
Кукольных дел мастер. *Повесть* 82

Любовь Земная
Молитвой душа моя дышит... *Стихи*..... 173

Игорь Родин
Пузыри. *Рассказ*..... 181

Ирина Косова
Прекрасной осени мгновения... *Стихи*..... 204

Игорь Зуев
Просветление. *Рассказ* 215

Вероника Алеева-Недоброво
Теперь я знаю – счастье есть... Стихи.....227

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Светлана Замлелова
По ту сторону двери. Сказка 236

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Последний в завершающемся году номер журнала даёт основания для подведения некоторых итогов, а также для определения целей и задач на грядущий год. Если говорить об отечественном литературном процессе в целом, то в уходящем году нашли выражение тенденции, которые можно назвать здоровыми и обнадёживающими. Продолжение Специальной военной операции и неразрывно связанная с ней необходимость для каждого литератора определиться в своей гражданской позиции сделали возможным освобождение литературного пространства от балласта, на протяжении многих лет представлявшего на международном уровне российскую литературу и занимавшего при этом откровенно антигосударственную позицию. Проблема эта не решена полностью, более того, она приняла новые формы («переобувание в воздухе» и т.д.), но важно, что о ней заговорили в полный голос. Проявило свои, скрытые прежде, возможности гражданское общество, общественное мнение стало напрямую влиять на творческие репутации. Ситуация меняется в лучшую сторону, хотя, может, не так быстро, как хотелось бы. В произведениях многих современных авторов громко зазвучала патриотическая тема, и хотя не во всех случаях эта тема звучит в должной мере совершенно, но важно, что это произошло. В дальнейшем решающей становится роль государства, от которого ожидается более внятная корректировка внутренней политики в области культуры, и в частности – литературы. Здесь не место говорить о конкретных действиях, но следует подчеркнуть, что общество ждёт более решительного освобождения от либеральной повестки в отечественной культуре и большей профессионализации патриотического дискурса. Это неизбежно связано с необходимостью повышения статуса литературы как таковой – утверждения её как важнейшей и требующей пристального внимания части государственной политики.

Если говорить о достижениях журнала «Московский Вестник», то прежде всего следует отметить признаки создания в творческой системе координат МГО СП России своего рода сегмента литературного процесса, принципиально не связанного с литературным шоу-бизнесом и либеральной средой. Отбирая произведения для очередного номера, редакция стремится реализовать концепцию традиционного русского литературного издания, представляющего классическое направление развития отечественной словесности. Приветствуются все стили и формы, имеющие корни в нашей традиции. Приемлется творческий эксперимент, если он не служит разрушению и не идёт вразрез с традицией. По мере возможности создаётся полифония дарований и стилей. За два года, прошедших с момента возобновления регулярного выхода журнала, на его страницах было опубликовано более ста двадцати авторов, причём творчество каждого автора было представлено достаточно масштабно для того, чтобы было можно составить обоснованное суждение о нём. Писатели стали читать друг друга как участники единого литературного процесса, находящего выражение на страницах номеров нашего журнала. И, что скрывать, сотрудникам редакции бывает приятно слышать от писателей – читателей «Московского Вестника»: «Какой интересный и талантливый рассказ (стихотворение, статью...) мы прочитали в свежем номере! А прежде и не знали об этом авторе!». Это и есть литературный процесс, хотя и в масштабе отдельно взятого московского писательского издания. Для этого мы и работаем, в этом видим свою цель и задачу.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

**СТИХИ, ПРОЗА,
ПУБЛИЦИСТИКА,
ОЧЕРК**

Юрий ЯХОНТОВ

Юрий Александрович Яхонтов – поэт, прозаик, член МГО СП России. Лауреат Международного славянского форума «Золотой витязь» за 2016 год. Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалями им. А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, А.П. Чехова, И.А. Бунина, «Литературный Олимп», «Серебряный крест», и др.

Живёт в Москве.

ФИСГАРМОНИЯ СЛЫШНА...

* * *

И корить-то себя без толку,
Что, ныряя на глубине,
Головой угодил под ёлку,
Замурованную на дне.

И тогда осознал парнишка,
Хоть и был, в общем, не слабак:
Неподъёмна нагрузка слишком,
И не вырвется он никак;

Что прожил на земле он мало,
Что не сделал-то ничего,
И как горько заплачет мама,
В этом мире и без него.

И стремительно воздух тает,
Так его утекает жизнь.
Но душа-то не принимает,
Что недолго осталось жить!

И в немыслимом том движеньи
Вверх колени он подтащил,
И в отчаянном напряженьи,
Так рванул, что есть было сил...

И когда он пришёл усталый,
То ему рассказала мать:
«Час назад мне вдруг плохо стало,
Отчего? – Было не понять...»

* * *

Для души – отдохновенье,
Звук забытый – старина.
В доме, в маленьком селенье,
Фисгармония слышна.

Так и вижу – захолустье,
В городке уездном бал.
Инструмент сей нежной грустью
Душу многим согревал.

Запах леса, листьев шелест,
Звук старинный – словно сон.
Но возник крутой пришелец –
Чей-то там магнитофон.

Пианист замолк, бедняга,
Ощувив, наверно, стресс...
Не всегда, как видно, благо,
Нам технический прогресс.

ИВОЛИКА С КРОШЕЧКУ

*В 1563 году Иван IV вместе с царицей
Марией Темрюковной ездил на богомолье
в Суздаль, а оттуда в Ростов. С ними был
брат царицы Черкасский князь Матрюк.*

Князь Матрюк, сам детина не хилый,
Супротивника ищет себе.
Ходит он, похваляется силой,
Что, мол, нет ему равных в борьбе.

А собрались и малый, и старый,
Не решаются вызов принять.
Нелегко равноценную пару
Средь обычных людей отыскать.

Но нашёлся и вышел навстречу,
Словно здесь богатырский удел,
Бородач – необъятные плечи.
И Матрюк как-то враз погрустнел.

Да, таких он не видывал сроду,
Хоть и был многоопытен он.
Был Матрюк и могуч, и дороден,
А ростовец был просто силён.

Но борьба продолжалась недолго,
В поединке схлестнулись тела.
Князь давил и давил, но без толку,
А ростовец стоял как скала.

И в пылу рукопашного боя
Грудь сдавил, словно обруч стальной,
Матрюка приподнял над собою
И впечатал в лужайку спиной.

«Видно, вправду Русь непобедима.
Кто же ты, богатырь-удалец?»
«Мне Иволика с крошечку имя.
Государев я рыбный ловец.

Да, я ростом совсем не верзила,
Но пусть ведает пришлый народ:
Тем, кто грубой бахвалится силой,
Нам привычно давать окорот».

«Что ж, моё государево слово:
За отвагу в нелёгкой борьбе
Пусть селение рядом с Ростовом
Будет славной наградой тебе*».

* * *

Ах, как горько, совсем ты больная,
И худая рука горяча.
Таешь, таешь ты, словно свеча,
От меня ты уходишь, родная.

Это чувство уже мне знакомо –
Тщетность помощи там, у черты.
Стала лёгкая, лёгкая ты,
Так легка, что почти невесома.

Остаётся так времени мало,
Но и в немощной той пелене,
Все тревоги твои – обо мне,
Про себя ты всегда забывала.

Ничего, мы за руки возьмёмся,
И сквозь слёзы, как прежде любя,
Ничего, повторю про себя,
Мы с тобой не навек расстаёмся.

* * *

Я и сам любил улыбку
И сердечность разговора.
Во весь рот смеялся шутке,
Душу ближнему открыв.

* Это действительный факт. Селение это во времена Ивана Грозного называлось «Зубарихино гнездо».

Но крутые повороты
Поубавили задора.
Стал я менее улыбчив
И заметно – молчалив.

Если в жизни всё прекрасно,
Мы не будем обольщаться.
Завтра будет по-другому,
Всё меняется подчас.
И когда царит веселье,
Грусть нахлынет, может статься.
Потому что жизнь покажет
Зубы каждому из нас.

БАБУШКА

*Марфе Ильиничне Балакиревой
посвящается*

Помню, было мне лет восемь,
Бережком я шла крутым.
Где-то рдела нежно осень,
Над водой туман иль дым.

Не дано и в малой мере
Нам понять, что быть беде.
Шаг ступила, рухнул берег –
Оказалась я в воде.

Даже если очень смелый,
Растеряться тут легко.
Я же плавать не умела,
А в округе – никого.

Под обрывом – без надежды,
 Чёрный омут – просто жуть.
 Тянет мокрая одежда,
 Только стала я тонуть.

А по берегу – ольшаник,
 Словно шанс последний мой –
 Это ветка небольшая
 Протянулась над водой.

На конце – листок, как почка.
 Я рванулась на авось.
 До последнего листочка
 Дотянуться удалось.

Тихо, тихо, как возможно
 Равновесие храня,
 Так по ветке осторожно
 Продвигалась к суше я.

.....

Чуть не век с тех пор промчался.
 Смотрит бабушка, любя:
 «– Тот бы листик оторвался,
 То и не было б тебя».

* * *

Я держу ведро с водой.
 Мне держать совсем не трудно –
 Силы чувствую подспудно,
 Потому что молодой.

Но пытаюсь наблюдать:
 Вот какая-то усталость,
 И ведро уже не малость,
 И не так легко держать.

И уже невольно.
 Постепенно руку сводит,
 И невольно мысль приходит –
 Так вот молодость уходит,
 Незаметно в пустоту.

* * *

По тропинке – что же проще!
 Там, в глуши, есть дивный холм.
 Там берёзовая роща,
 В этом ельнике глухом.

И припомнишь – сердце просит
 То, что было наяву.
 Ляжешь навзничь – неба просинь
 Сквозь весёлую листву.

Небосвод высок и долог,
 Роща – как небесный дом.
 Необычно воздух лёгок,
 Сам я – словно невесом.

На холме, там, у вершины –
 След забытой старины:
 Кладка, древние руины
 С мшелым остовом видны.

Здесь заботы – не заботы.
 Почему? – И не понять.
 До меня – то ведал кто-то,
 Это место – благодать.

Может, жизнь и чубит много,
 Но, уныние поправ,
 Ухожу лесной дорогой
 В мой берёзовый анклав.

О ПОЛЁТЕ НА МАРС

Космос, космос – странное влечение.
 Плод запретный от небесных сфер.
 Смертное царит там излученье,
 Словно запрещающий барьер.

Там, на Марсе, холодно и голо,
 Для живой души там просто мреть.
 И полёт туда суров и долог,
 И живым туда не долететь.

Жизни нет там ни зимой, ни летом.
 И невольно думаешь – зачем
 Нам туда, на красную планету?
 Там, на Марсе, вовсе не Эдем.

А у нас природа неизменна.
 Вдруг запахло яблонями тут.
 Здесь любая пядь благословенна.
 Яблони пусть на Земле цветут.

Космос, космос – это очень круто.
 Но спокойно вглядываюсь я.
 Звёзды удаляются как будто,
 И милее кажется Земля.

МОЛОГА

Над тем местом, где была Молога,
 Катерок заякорен на дне.
 Пожилые люди – их немного –
 Словно что-то видят в глубине.

И досада, и, конечно, горе,
 Потому и был у них наказ –
 Там ли, под водой, родной их город,
 Чтоб узнал посланец – водолаз.

А на дне – немыслимое дело –
 Как такое старикам сказать?! –
 Там вода довольно преуспела,
 Ни домов, ни улиц не видеть.

Нужных слов он как-то не находит.
 И сказать им правду нелегко.
 Потому смущённо взор отводит:
 «Мутно там, не видно ничего».

Утонула торная дорога,
 И проходят грустные лета.
 Но возникнет, может быть, Молога,
 Если схлынет волжская вода.

**ИСПОВЕДЬ БЫВШЕГО
ОХОТНИКА**

По наследству мне досталось –
 Я охотник с юных лет.
 Ничего, тогда казалось,
 Лучше, чем охота – нет.

Что моя такая доля –
 Лес, озёрная трава...
 И пьянили ветры с поля,
 И кружилась голова.

Не отрылось в днях ушедших,
 Что Земля – наш общий дом,
 Что стреляю в братьев меньших –
 И не думалось о том.

Но всего запомнил боле
 Тот поход, что стал не мил:
 На заснеженном раздолье
 В поле зайца подстрелил.

И пораненный зайчишка
 Как ребёнок закричал.
 Понял я, что это слишком,
 И ружья с тех пор не брал.

* * *

Что, моряк, сидишь у старой шхуны?
 Эта шхуна скоро догнёт
 На приколе, у песчаной дюны,
 И к морям уже не поплывёт.

От неё остался только остов,
 Вдалеке от жизненной тщеты.
 Ты пришёл сюда, быть может, просто
 Вспомнить, как на шхуне плавал ты.

Как же быстро жизнь твоя промчалась
 В череде ушедших флотских лет!
 Всё-то будет в жизни – так казалось,
 А на деле ничего и нет.

Но давным-давно, в забытом веке
 Брёл Ясон, от жизни он устал.
 Оказался он на диком берегу
 И корабль по линиям узнал.

Боевых друзей давно не стало,
 Только вот Арго – как будто сон.
 Судно аргонавтов обветшало,
 Одряхлел давно и сам Ясон.

У воды прилёт, у самой кромки,
 Где Арго забытый у мели.
 Дунул ветер, треск, Арго обломки
 Под собой Ясона погребли.

Всё случилось так одновременно,
 Словно это был какой-то знак.
 В этом мире всё, как прежде тленно.

 Так что ты поберегись, моряк!

* * *

Был я болен, и в оконце
 Двор больничный видел я.
 Там светило нежно солнце,
 Солнце – но не для меня.

А на улице – раздолье,
 Предвесенний день хорош.
 Как легко бродить на воле,
 Лишь в больнице и поймёшь.

Хоть февраль, а воздух вешний,
 Золотой струится свет.
 Сквозь фрамугу – дар небесный
 Проникает в лазарет.

Стало легче, свыше милость,
Жизнь продляется моя.
Словно что-то изменилось,
Выправляться начал я.

* * *

Там, за лесом, приволье,
Хоть болотистый вид.
Клюквы красное поле
Глухомань сторожит.

Из болота, из грязи,
Нежным светом горя,
В драгоценной ферязи
Выплывает заря.

Иногда пообедать
На исходе зари,
Красной клюквы отведать
Прилетят глухари.

Эта птица осталась
С ледниковых времён,
Где столетия – малость,
Где эпохи – как сон.

Край берёз и осинок,
Хорошо – не узнать,
Сколько в жизни тропинок
Мне дано прошагать.

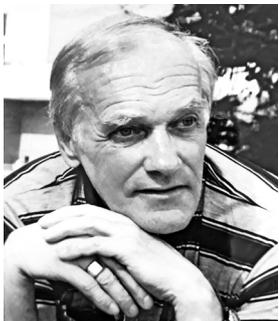
* * *

Людам грустно, тут не до веселья.
Девочка одиннадцати лет:
«Дайте мне лекарство от похмелья,
Попросил меня купить сосед».

Грустное такое это детство,
В мячик поиграть ей не дано.
И не для соседа это средство –
Для отца иль отчима оно.

Потому пришла по самой рани.
Дома чуть живой остался «ждун»,
Чтоб помочь унять у этой пьяни
Послеалкогольный «колотун».

Юрий РЫЧЕНКОВ

Юрий Алексеевич Рыченков – поэт, прозаик, переводчик, литературовед, член МГО Союза писателей России. Родился в Москве в 1941 году. Стихи начал писать в раннем возрасте. Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалью Союза писателей КНР за вклад в развитие культурного обмена между Китаем и Россией и другими литературными наградами. Дипломант литературной премии имени Н.А. Некрасова «За вклад в сохранение народной традиции в русской поэзии». Победитель Международного конкурса «Литературный Олимп» в номинации «Поэзия» Лиги Писателей Евразии, литературно-музыкального конкурса «Белый остров Москвы» (гимн «Строгино»). Автор двух поэтических книг. Подборки стихотворений, поэм, переводов и статей публиковались в журналах «Московский вестник», «Смена», «Великороссь», «Поэзия», «Третье дыхание», ежегоднике «Слово Отчее», а также в газетах «Московский литератор», «Ветеранские вести» и др.

Живёт в Москве.

ДОЖДЛИВЫЙ ИЮЛЬ

Новелла

На застеклённой веранде дачи в подмосковном Томилино, за круглым столом сидели и пили чай две женщины: мать и дочь – Ирина Георгиевна и Евгения Андреевна. С того момента, когда неожиданно от сердечного приступа умер глава семьи, они стали почти неразлучны. Это несчастье так сблизило их, что они буквально не представляли себе жизнь друг без друга и от этого становились ещё более нежными и терпеливыми. Пережив внезапное горе, они поняли истинную ценность таких отношений. Эта беда сделала их сильнее и мудрее.

Если совсем коротко, то Женя воспринимала свою мать как некую святыню: «Мама – единственный, родной, любимый человек!», Ирина Георгиевна же проявляла внимание, заботу, защиту, духовную близость к своему ребёнку буквально как к «своей кровиночке». Это словно о них сказано: «В мире есть только две женщины, которые могут смотреть друг другу в глаза, думая, что другая самая красивая на свете».

А два года назад...

Евгения помнит всё до самой крошечной мелочи, и, конечно, внезапно возникший разговор...

В памяти возник тот самый день. Это было будто вчера...

Мать всегда прекрасно понимала меня, и, вникая в моё состояние, последнее время не донимала излишними приставаниями, но в тот июльский вечер не удержалась и задала вопрос, который, видимо, уже давно не давал ей покоя:

– Женечка, дорогая, ну, сердце кровью обливается, глядя на твои мучения. Доченька, прошло ровно два года. Ничего не вернуть назад, а ты словно осталась в прошлом. Вадима нет, и надо, обязательно нужно научиться жить без него.

В её глазах я давно уже читала этот вопрос, но мне совсем не хотелось говорить на эту тему, тем более, и сказать-то мне было нечего:

– Мама, пожалуйста, не продолжай: всё, что ты скажешь, наверное, правильно, но что же я могу поделать, если он постоянно со мной, если я слышу его голос, если ощущаю тепло его рук.

Но мама всё же попыталась продолжить разговор:

– Дочь, но так же можно сойти с ума!

– Мама, дорогая, не терзай меня, я не знаю, что тебе сказать. Хорошо, что ты рядом, я тебе благодарна за всё, но давай не будем продолжать этот разговор, от меня мало что зависит. Пусть будет так, как будет, на всё воля Божья...

Да, это было ровно два года назад, когда ещё был жив отец, мы готовились отметить моё двадцатипятилетие. Вернее, этого очень хотела моя мать, я же, напротив, не хотела шумного торжества. Школьных друзей я растеряла, а в институте близких подруг не приобрела. Собрать компанию родственников без молодёжи, как говорится «праздник ради праздника» – в этом даже она не видела смысла. И тогда мама предложила:

– Жень, давай пригласим на вечер наших добрых соседей по даче, молодую чету, Виктора и Наташу. Они сейчас в отпуске. Я сегодня их встретила с полными кузовками грибов. Помнишь, дочь, было время, когда Виктор ухаживал за тобой. Хороший мальчик, правда, моложе тебя на год. Жаль, что у вас не сложилось.

– Мама, что бы ты ни говорила, обязательно сведёшь к замужеству. Я себя прекрасно чувствую. Если встретится такой человек – сердце подскажет. Вот тогда я тебя и порадую.

– Так где ж он встретится? Ты же из библиотек и музеев не вылезашь. И в кого только ты такая нелюдимая? Так я приглашу Виктора с Наташей?

– Пригласи, если ты без гостей никак не можешь.

Мама отправилась к соседям и, возвратившись, радостным голосом сообщила:

– У Виктора гостит его хороший друг Вадим, так что они придут втроём. Они работают вместе. Вадим пишет кандидатскую диссертацию.

Тот вечер был великолепен.

Тёплый воздух, наполненный ароматами, струился в распахнутые окна веранды. За июнь лето успело разогреться, правда, последнюю декаду погода капризничала, проявляя свой характер, когда вдруг неожиданно жаркое солнце сменяли надвинувшиеся тучи. Тогда небо стремительно темнело, весёлый день поглощала грозная тьма, надвигаясь фронтом, пряча всё живое во мрак. Природа настораживалась, птицы затихали, сильные порывы ветра, с каждым разом усиливаясь, готовы были сорвать ветки с раскачивающихся деревьев. Резким залпом ударял гром, и тут же шумным потоком обрушивался ливень. Неба не было видно, лишь красноватые отблески молний чередовались с уносящимися вдаль басовитыми раскатами грома.

Но тогда был жаркий день и по-настоящему летний вечер. Природа, словно извиняясь, являла в этот вечер все июльские прелести. Казалось, что все летние дожди выпали, и дальше будут только долгие жаркие, знойные и просто тёплые приятные деньки, когда солнце просыпается рано, а заходит не скоро, не хотя погружая яркий день в трепетные сумерки.

Мама изо всех сил старалась разговорить гостей. Виктор с Наташей, поддержав её, повеселили шуточным поздравлением. Вадим поначалу, видимо стесняясь, больше отмалчивался, но постепенно разговорился. Он был среднего роста: стройный, крепкого телосложения, глаза серовато-голубые, брови густые под открытым лбом, русые волосы были расчёсаны на аккуратный косой пробор. Когда он освоился, то на шутки Виктора отзывался добрым заразительным смехом, но грустинка в глазах при этом не исчезала.

Я смотрела на Вадима, улавливала интонации его тихого голоса, слышала его искренний смех, и мне казалось, что я уже давно знакома с этим человеком – не знакома, а хорошо его знаю. Где-то подсознательно я понимала, что с первого взгляда легко влюбиться не в реального живого человека, а в образ, который уже сложился и существует у меня в голове, человека, которого я хотела бы встретить в своей жизни. Мне так хотелось поддаться искушению, но я всеми силами не подавала виду, что Вадим уже завладел моим вниманием.

Я понимала, что стоит реальному человеку в чем-то совпасть с этим образом – и может вспыхнуть любовь с разочарованием и страданиями, если объект обожания недостижим. При этом выдуманный образ, как вуаль, закрывает реального человека. А он зачастую оказывается совсем не таким, каким мы его выдумали и представляем. Больше того – он даже точно не такой.

Тем не менее, между нами возникла симпатия, и назавтра, в воскресный день, Вадим приехал к нам на дачу с необыкновенным по красоте букетом светло-кремовых роз:

– Женя, я ничего не знал о дне рождения, поэтому примите мои запоздалые поздравления, как говорится – лучше поздно, чем никогда.

После этого не было такого дня или вечера, когда бы мы не виделись. Вадим постоянно что-то придумывал, и неважно, куда мы направлялись, мне всегда было удивительно хорошо, как до этого знакомства никогда не было. Я словно очнулась от спячки, и жизнь заиграла для меня всеми дивными красками радуги. Чем больше я узнавала Вадима, тем больше в моём сознании выдуманный образ, углубляясь и насыщаясь красками, опять же выдуманными, совпадал с реальным человеком, внезапно подаренным мне судьбой. Моя мать безмерно гордилась тем, что именно она невольно способствовала этому знакомству.

Мы объездили всё Подмосковье. Были, и не один раз, в Музее-заповеднике «Коломенское», побывали в Усадьбе «Кусково». Мы выбрали солнечный день и поехали осматривать дворец и другие достопримечательности усадьбы: грот, пруд, парк, для желающих получить представление, как жила русская знать в позапрошлых веках – чудное место. Но июль, словно поманив яркими днями, вдруг нахмурившись и намкнув, ожидания не оправдал, и, на удивление, погодой нас не баловал. Даже старожилы не могли припомнить, когда он был так похож на заплаканную осень: противная изморось с неприятным холодным ветром.

Приходилось прятаться под крышу. Побывали в музее Рерихов, Доме-музее И.С. Тургенева. Этому прекрасному ампирическому

особняку более двухсот лет. Здесь проживала мать Тургенева. Здесь жил и работал писатель, в этом доме им был написан «Бежин луг». Несколько раз были в Малом театре, который, как оказалось, мы оба просто обожали. Мы будто куда-то торопились, боясь потерять каждую минуту.

Хорошо помню, с каким нетерпением я ждала каждой новой встречи. Видеть его было достаточно для моего счастья. В дни, когда он не мог приехать, я начинала скучать, и мне становилось грустно до слёз. Все мечты мои, во сне и наяву, были о нём: ложась спать, я желала, чтобы он мне приснился. Но никаких объяснений и признаний между нами не было, однако моим родителям, которым Вадим очень приглянулся, уже было всё понятно: дело идёт к свадьбе. И хотя наше знакомство было недолгим, он считался у нас своим человеком. Мои отец и мать относились к нему как к родному сыну.

Вадим и Виктор работали в каком-то физическом институте. Они входили в группу специалистов по созданию какого-то особенного ядерного реактора. Это всё, что удалось вытянуть из Виктора, а Вадим о своей работе вообще предпочитал не говорить, но говорить всё-таки пришлось.

Приблизительно после месячного знакомства в дождливый воскресный вечер он приехал к нам на дачу. Вид у него был расстроенный и озабоченный, и как он ни старался утаить это от окружающих, у него это никак не получалось. Я, видя это, не приставала с вопросами, хотя почувствовала, что произошло что-то неладное. Ждала, когда Вадим сам поделится своей озабоченностью. И наконец он, когда мы остались одни, сказал:

– Женечка, я очень не хотел тебя расстраивать до времени, но больше откладывать невозможно. Дело в том, что нам предстоит расстаться. Не знаю точно, на какое время, думаю, на месяц, максимум на полтора. Приоткрою чуть-чуть завесу некоей тайны: я вхожу в группу инженеров, занимающихся созданием новой уникальной технологии, которая обеспечивает компактность силовой реакторной установки, что важно при создании подводных лодок. Для меня это очень важно – это тема моей диссертации. Завтра я вылетаю на Север и с группой инжене-

ров-физиков ухажу в поход на подлодке, которой предстоят ходовые испытания. Я приехал попрощаться.

Когда на веранду вернулись родители, моя кислая физиономия у матери вызвала прямо нешуточную тревогу. Без подробностей пришлось сказать, что Вадим уезжает в длительную командировку, и нам остаётся лишь ждать и молиться, чтобы он вернулся как можно скорее живым и здоровым, потому что возможности прислать весточку у него не будет. Отец попытался выяснить, почему, но ничего от Вадима так и не добился. Проговорил что-то про олени упряжки и обиженно отошёл к двери:

– Удивительно мокрый и холодный июль!

После этого общий разговор как-то не ладился, мы пили чай, сидели тихо, лишь изредка обменивались незначительными словами, и каждый думал о чём-то своём. Я подошла к приоткрытой двери веранды, свежие струи влажного воздуха принесли смешанные запахи сада, по затуманенному стеклу ползали холодные, бесконечные дождевые капли. И хотя вечер ещё не наступил, на улице было сумрачно и неуютно.

Неожиданно отец спросил:

– Не знаю, что у вас там за секреты, но неужели ничего нельзя изменить?

– Менять ничего не надо, Андрей Сергеевич, отбываю я завтра, и сегодня у нас самые обычные проводы в дорогу. Пройдёт время, и мы, собравшись за этим столом, будем радоваться нашей новой встрече.

Дождь исправно моросил, и ветер то успокаивался, то вдруг, словно опомнившись, налетал резкими порывами. Но внезапно нахлынувшая грустная атмосфера какого-то ожидания, наверное, стала тяготить Вадима, и он сказал:

– Женя, давай, пойдём, побродим по окрестностям. Что ни говори, а есть своя прелесть: в тишине побродить по непогоде.

На душе у меня было прескверно, я сказала безо всякого энтузиазма:

– Хорошо, если тебе хочется. Только надо утеплиться.

У меня на случай непогоды всё было под рукой, а Вадиму мама принесла отцовские резиновые сапоги, ватник и про-

зрачный плащ с капюшоном. Когда Вадим всё это примерил, сомнений не оставалось: в таком снаряжении никакая непогода была не страшна. Одевшись, мы прошли через веранду и вышли в сад. На улице после домашнего тепла было так сумеречно и зябко, что я непроизвольно схватила его за рукав. Он обернулся к дому:

– Посмотри, как ярко светят окна веранды, словно на мостике корабля в наползающем тумане. Незабываемое зрелище. Буду вспоминать ваш уютный дом и тебя с твоей замечательной чёлкой. Женечка, ну почему такие грустные глаза?

Я пристально смотрела на него, и ничего не могла с собой поделать: на глаза наворачивались слёзы, и предчувствие несчастья буквально терзало мою душу. Я по натуре трусиха, мне вечно кажутся и с поводом, и без него всякие ужасы. И теперь я не могла отделаться от чувства, что эта затянувшаяся нехвата непогода не к добру. Наклонила голову, чтобы спрятать наворачивающуюся слезу. Он поцеловал меня. Поцеловав, посмотрел мне в лицо.

– А почему слёзы в глазах? – спросил, улыбнувшись. – Не надо так расстраиваться. Всё будет хорошо. Тебе не холодно?

– Нет, Вадим, мне хорошо, и я готова бродить с тобой хоть до самого утра.

И мы, прижавшись друг к другу, пошли по раскисшей тропинке вдоль поля, по луговине, к опушке роци, по листьям которой с тихим шорохом били упрямые капли. Временами дождь – тихий, неторопливый, – порой превращался в морось, туманную дождевую пыль, рассеянную в воздухе. Отважные ласточки кричали и летали низко над прудом в поисках мушек и мошкар. Гордый журавельник под тяжестью капель склонил голову, а луговой трилистник (или, по-простому, клевер) подвяд и подобрал под себя свои нежные фиолетовые лепестки. Небо, низкое и серое, нахмуренное с самого утра, как будто загрузило, словно задумавшись о чём-то.

На опушке роци приютилась резная, вся увитая разросшимся плющом, одинокая беседка. В ней мы и спрятались от дождя, хотя дождевики спасали нас от надоедливой мороси.

Вадим прижал меня к себе и снова нежно поцеловал, а я в ответ чуть не разревелась. Откуда ни возьмись, в его руках оказалась малюсенькая бутылочка с коньяком и два маленьких алюминиевых стаканчика.

– Женюша, давай, выпьем за то, чтобы всё у нас было хорошо, и слёзы твои никогда не омрачали бы нашего счастья! И так будет – будет непременно!

Когда поздно вечером он покидал нас, мы, глядя ему вслед, стояли на крыльце какими-то опустошёнными, что бывает при неприятной неожиданности, от которой нет никакой защиты, а смириться с ней не позволяет необъяснимое волнение. Погода, хмурая и влажная, поневоле навевала сумрачные мысли. Постояв, вошли, мне показалось, в словно осиротевший дом. В душе было полное опустошение. Я не могла найти себе места, не зная, что же теперь мне делать: зарыдать или завывать во весь голос...

Эти полтора месяца показались мне целой вечностью. По воскресным дням, когда не надо было занимать голову служебными обязанностями, я буквально изнывала от тоски, надеясь, что его командировка неожиданно сократится и он, улыбающийся, неожиданно появится, одним махом уничтожив навсегда все мои глупые сомнения.

Но случилось непоправимое, а именно: в воскресенье к нам зашёл расстроенный Виктор и упавшим голосом сообщил, что Вадима ждать больше не нужно. Вадим чуть ли не в последний день перехода погиб, спасая корабль от страшной катастрофы, которая могла бы случиться, не устрани он вовремя внезапную аварию в системе охлаждения реакторной установки...

...С тех пор прошло без малого сорок лет.

Многое, многое было пережито Евгенией Андреевной за эти годы, кажущиеся такими долгими, когда внимательно задумываешься о пережитом, перебираешь в памяти всё непонятное, порой необъяснимое, непостижимое ни умом, ни сердцем, что постепенно приобретает полное право называться прошлым. Она словно превратилась в сомнамбулу: жила, ходила на работу, сидела, днями не выходя из дома, словно находясь во сне, и каж-

дый день был жив в её памяти, но эти воспоминания и мысли она доверяла только себе...

...Работая в конструкторском бюро и стоя за кульманом, я становилась всё более и более рассеянной. Прочерчивание узлов мне начальник уже не доверял, и я сидела на бесконечных детализировках. Да и там ухитрялась надеть кучу нелепых ошибок. Виктор Дмитриевич, мой начальник, добрый малый, жалел меня и многое прощал. Наверное, моя единственная подруга по работе, Ольга, проболталась ему о моей беде, хотя её никто не просил об этом.

Не зря говорят, что беда не приходит одна. Вначале скоропостижно скончался мой отец, а вслед за этим на меня свалилось ещё одно несчастье: попала в автомобильную аварию, находясь в маршрутном такси, моя мать. Травмы были настолько серьёзными, что хирурги в Склифосовском готовили меня к самому худшему. Слава Богу, мама справилась, но уже не могла выходить на улицу и очень страдала от головных болей. Частенько по ночам нам приходилось вместе справляться с жестокими приступами, а потом надо было идти на работу. С замужеством мама ко мне уже не приставала, да и у меня самой на этот счёт никаких мыслей не было.

Казалось, что вечное одиночество и есть моя судьба.

Я была одна со своими думами о Вадиме, и без него моё сердце было холодно и безразлично к окружающим. Я уже смирилась с таким положением и никаких попыток изменить ситуацию не пыталась предпринимать. Но судьба, казалось, подарила мне шанс расстаться с этим чувством, угнездившимся во мне. Я встретила человека прекрасной души, на десяток лет старше меня, бывшего военного, за которого вскоре вышла замуж.

Александр Алексеевич (я не сразу научилась называть его по имени) галантно ухаживал за мной несколько месяцев. Жизнь вроде вновь заиграла красками. Он очень внимательно, даже, я бы сказала, бережно относился к моей матери, которая вновь стала уговаривать меня не упускать такого шанса. Нет, у меня не было к нему сильного чувства, скорее это была привязанность, некая симпатия с чувством благодарности.

В то время мне было уже за тридцать, и я подумала, что, пожалуй, это моя последняя возможность завести семью и родить ребёнка, мысли о котором периодически возникали в моей голове. В конце концов я решилась.

И через год моя мечта сбылась: у нас родилась девочка, которую назвали Настя. Роды проходили очень непросто: сказывались годы и мои извечные страхи всего и вся. Наверное, всё вместе и привело к асфиксии – такому патологическому состоянию новорождённого ребенка, при котором отмечается нарушение дыхания и стремительно развивающаяся кислородная недостаточность. В итоге произошло сильное ослабление иммунитета ребёнка с очень неприятными последствиями.

Настёна росла очень слабенькой. Но, слава Богу, не капризной, что позволяло мне по ночам не разрываться между старым и малым. Как оказалось, судьба поманила меня, обещая хорошие перемены, но обещание своё не выполнила. Александр не скрывал своего недовольства: он мечтал о мальчике, и к родившейся дочке, на удивление, не испытывал сильных родительских чувств. Но выправить ситуацию уже не было никакой возможности. Повторные роды врачи запретили категорически – это было опасно, как для ребёнка, так и для матери. И это вконец расстроило моего, казалось бы, доброго и внимательного мужа. Боже мой, как могут меняться люди под воздействием внешних обстоятельств! Сколько масок у каждого человека!

Настя постоянно болела – простуды, включая неоднократное воспаление лёгких, преследовали нас постоянно. Всё упало на мои плечи. Александра это совсем не волновало. Он отдалялся, и даже не пытался притворяться или хоть как-то скрывать своё безразличие. Мать тоже страдала от изменившегося отношения, и своё недовольство высказывала мне, словно я была виновата в резко переменявшемся поведении супруга. Объяснять ей что-либо, а тем более спорить с ней было совершенно невозможно и бесполезно. Вместо одиночества на меня свалилось бесконечное нервное расстройство, и жаловаться было некому.

Александр стал пропадать по вечерам, скрываясь за наскоро придуманными отговорками. Я не унижалась до расспросов, мне и без них всё было понятно. Однажды, под вечер, я гуляла с Настёной. Погода была великолепная, на детской площадке было много детей. Мамаши с удовольствием судачили о том о сём. Я в разговоре не участвовала: из-за моей нелюдимости из живущих по соседству я почти никого не знала, за исключением пожилой семейной пары – моих соседей по лестничной площадке. Настёна раскапризничалась, и мне никак не удавалось её успокоить.

Неожиданно появился Александр, и когда он проходил мимо, я попросила его сходить в магазин: дома не было молока и хлеба, а с плачущим ребёнком идти было неудобно. Он что-то резко ответил мне, в том смысле, что некогда, забежал только на минутку и сейчас вновь уйдёт. Было неловко и стыдно, но это слышали соседи, в итоге они и сходили в магазин, несмотря на моё сопротивление.

Когда Насте исполнился год, Александр преподнёс нам подарок в виде предложения о разводе. Это было ожидаемо, и с моей стороны никаких возражений не последовало, я лишь сказала:

– Поступай, как считаешь нужным, но учти, ни в какой суд я не пойду. У меня нет никакого желания позориться с тобой за компанию.

– Прекрасно. Я всё сделаю без суда, тебе надо будет лишь подписать соответствующие бумаги.

Всё произошло так, как он сказал. Частный адвокат организовал всё без вызова в суд, и, подписав нужные документы, я получила свидетельство о расторжении брака. На алименты я тоже не подавала. Александр сказал, что будет сам давать деньги на дочь.

Я не работала, ни о каких яслях речь не шла: Настенька, к несчастью, болела часто и продолжительно. На выполнение рекомендаций врачей по укреплению её иммунитета и уходило всё моё время, а когда она попадала в больницу, я вообще не находила себе места. Но кое-как мне всё же удавалось справляться.

Настоящая беда заявила, когда пришло время выходить на работу. Попробовала найти няню, но долго жить в таком режиме не получилось – у меня просто не хватало средств. У моего снисходительного начальника тоже терпение было на исходе. Виктор Дмитриевич какое-то время прощал мне отлучки со службы и постоянные отпуска без сохранения содержания, но я понимала, что долго так продолжаться не может, и сама подала заявление об уходе.

И начались мои скитания в поисках таких мест работы, которые бы находились недалеко от дома, чтобы в случае необходимости не тратить время на дорогу, и чтобы иметь возможность вообще не выходить на работу при острой необходимости.

Господи, где я только не работала!

В нескольких местах была консьержем, посудомойкой, санитаркой и уборщицей в больнице и поликлинике. Я готова была на самый чёрный труд, чтобы обеспечить нормальное существование нашей несчастной семьи. Деньги, которые давал Александр, иногда в буквальном смысле помогали нам выживать.

Дошло дело до нервного срыва. Я сама не понимала, что со мной происходит: меня стала одолевать бессонница, внезапно начинала болеть голова и никакие таблетки не помогали избавиться от боли, иногда просто не было сил сдвинуться с места. Но самое неприятное, что ко мне вернулось прежнее чувство одиночества. Этот нервный срыв и констатировал врач, и буквально насильно отправил меня на лечение в клинику неврозов, предупредив заранее, что лечение займёт не меньше месяца. Делать было нечего, выручили добрые соседи по лестничной клетке и моя единственная, добрая подруга Ольга, к которой я вынуждена была обратиться...

Годы шли, и когда Настенька пошла в школу, жить стало немного проще. Она окрепла, и простуды гораздо реже донимали её. После занятий она оставалась на «продлёнку», и у меня появилась возможность вернуться к своей прежней работе. Моя единственная подруга Ольга походатайствовала за меня перед Виктором Дмитриевичем, и тот, видимо, проявив сочувствие,

соблаговолит принять меня на работу в прежней должности. Началась более-менее устроенная жизнь, появилась возможность больше уделять внимание матери, которая слабела всё больше и больше.

Настенька росла послушной девочкой, и постепенно мы превращались в хороших подружек. Училась она неплохо, как говорилось, твёрдая хорошистка, хотя по некоторым предметам всегда имела отличные оценки. Она росла и расцветала на глазах, постепенно превращаясь в обаятельную девушку. Глядя на дочь, я как-то вспомнила замечательную Тургеневскую фразу: «Красивые девушки прекрасны, но они лишь на втором месте после милых». Не зря говорится, что женское обаяние – это что-то такое, что не поддаётся рациональному объяснению. Обаятельный человек – тот, с кем хочется быть рядом.

Я смотрела на дочку, и меня переполняла внутренняя радость – не зря я пережила в своей неустроенной жизни столько горьких минут. Мы много времени проводили вместе. Она доверяла мне все свои тайны. Смущало меня только то, что подружек у неё практически не было, Настя вечно находилась в окружении школьных кавалеров, и я прекрасно видела, что ей очень нравится находиться в центре их внимания.

И ещё я не могла не заметить, как стал проявляться характер дочери, отличающийся какой-то непреклонностью – если что-то задумает, то её уже не остановить.

Прошло ещё немного времени, и дочь стала совсем взрослой, выше меня ростом, сильной и здоровой девушкой. Все болезни ушли в прошлое, Настя занималась в секции плавания, у неё была идеальная фигура, а энергией она могла поделиться с кем угодно. Но жизнь ещё не перестала преподносить сюрпризы, и этот она приготовила мне, как всегда, неожиданно. Наше общение с Настей постепенно теряло свою теплоту: к своему ужасу, я вдруг стала ощущать, что она день ото дня всё более становится ко мне совершенно равнодушной.

Как-то я встретила её, весело болтающую, идущую под руку с молодым человеком. Когда, через некоторое время, я встретила её, прогуливающуюся с другим, то не могла не спросить:

– Ты что, коллекционируешь молодых людей? Растратить себя, дочь, очень просто, но то, что потеряешь – назад уже не вернуть.

– Жить надо, дорогая мама, сегодняшним днём, и не надо задумываться о том, что будет когда-то. Жизнь тем и прекрасна, что она непостоянна в своих соблазнах.

Тогда я, как это ни печально, отчётливо осознала, что в моей дочери проснулись инородные мне гены и, хотя мы и родные, но теперь уже совершенно чужие друг другу люди.

В довершение всех несчастий вскоре скончалась моя мать...

И вот я, женщина довольно преклонного возраста, тёплым летним вечером сижу на веранде нашей обветшалой дачи, содержать которую уже недостаёт сил, а продать – рука не поднимается, смотрю на бескрайнее звёздное небо, и, вспоминая всё то, что я пережила с тех пор, как здесь же простилась с Вадимом, спрашиваю себя: а что же всё-таки было в моей жизни?

И отвечаю: только тот холодный, случайный июльский месяц. Неужели он был когда-то? Трудно, невозможно поверить, но он всё-таки был.

И это всё, что было в моей жизни, остальное – безликое время.

На память мне всё чаще приходят строки стихотворения, которые Вадим, тем памятным, прощальным вечером произнёс в беседке:

*Дни, в вечность погружаясь безвозвратно,
Неумолимо приближают срок,
И в скорбный час придёт нам расстаться,
Бессмертен в этом мире только Бог.
Неведомо, что ждёт нас, дорогая,
Там, далеко, в непознанных мирах.
Но я надеюсь, что любовь земная
Отыщет наши души в небесах.*

Я спросила его об авторе, и он, ненадолго задумавшись, сказал:

– Это слова автора, неизвестного широкой публике. А вспомнил я его, потому что уверен: мы с тобой, что бы ни случилось, никогда не разлучимся.

Тогда я стихотворение, конечно, не запомнила, но теперь знаю его наизусть. Друг Вадима, Виктор подарил мне его тоненькую брошюру стихов, с названием «А за окном опять весна...», выпущенную издательством «Современник» в серии «Новые имена». Вадим не любил хвастаться своими литературными достижениями.

В этой книжке я и обнаружила эти стихи.

Я думаю о нас, я помню всё до мелочей, и вспоминаю слова Марины Цветаевой: «Настоящая любовь – не бывает счастливой». И верю, что последние строчки стихотворения непременно будут пророческими.

Ждать осталось недолго.

Полина РОЖНОВА

Полина Константиновна Рожнова – поэт, общественный деятель. Родилась в Читинской области. В 1951 году семья переехала на Вологодчину, в Сокольский район. Детство прошло на Боровецкой земле, училась в деревне Обросово. Окончив школу, поехала поступать в Москву, в Литературный институт имени А.М. Горького. Стала студенткой курса Льва Ошанина. Первый поэтический сборник П.К. Рожновой «Глушица» вышел в 1973 г. В 1984 г. вышел второй сборник «Разрыв-трава», а в 1990 г. – «Красная горка». В своём литературном творчестве П.К. Рожнова выступает не только как поэтесса, но и как собиратель, исследователь русских народных традиций, русского фольклора. Её книга «Радоница» (Русский народный календарь. Обряды. Обычаи. Травы. Обережные слова. Древо жизни) вышла в свет в 1997 г. Полина Константиновна Рожнова – член МГО Союза писателей России, член Высшего творческого совета МГО СП России, секретарь Вологодского землячества в Москве. Много лет руководит Клубом московских писательниц «Московитянка».

Живёт в Москве.

РУССКИЙ ОБРАЗ

ПЛАЧ РУССКОГО СЕВЕРА

*Памяти Ирины Владимировны
Власовой – исследователя этнической
истории и культуры Русского Севера.*

Так плачет Русский Север –
берёзами в платках,
церквами, что присели
на тотемских холмах...

Так плачет: «На кого ты
оставила в домах
в корчагах – дней зароды,
большухины заботы
о коробах в сенах,

где дни берестяные,
и утицы льняные,
и жизни дерева,
родины, покрова?..

И сарафанов ситцы,
и станов воротушки...».
Слетают с Сиринов-птицы
берестяные стружки.

Так плачет белый крестик –
родов старинных вестник
в убрусах, в полотенцах –
узоры солнц на светцах...

Так плачут в пятистенках
кружальские оконца,
и гнёзда птиц на ветках,
и журавель колодца.

Так плачет старец-ветер, –
стучит его батог,
и сироты – столетья,
и Лежи бережок:

он с Сухоной-рекою,
с Глушицею родною
метал, бывало, стог,
смеяться прежде мог.

Так плачут веретей
в полях... И волокуша
творит своё плетенье –
и травы в солнце сушит.

Ушла куда большуха
с хозяйского двора?..
Поник рукав козуха:
– Осталась – дел гора.

Крыльцо на крепких ряжах
и с матицею – печь:
– Ушла от нас куда же
Кто будет нас беречь?..

Толпа закличек детских
слетает с Красной горки
до ставень устюженских,
до кадок кадниковских .

Заправлена основа,
но ткацкий стан стоит...
Кто русской речи слово,
устой, старины, быт
в грядущем возродит?..

К ПЕСНЯМ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

1

Клюев, кормилец и лада,
хранитель Древа печного,
к зыбкам вернуть бы надо
баб, да в Христово Слово
запеленать младенцев...

Клюев, держатель светцев,
нам бы деток
во ржи бы помянчить,
на Троицу
расплескать бы, как из колодцев,
свадьбы,
на Кузьминки –
быть бы
при хлебе, при щах горячих,
на Рождество бы помыслить
о стояньице русского рода!

2

Клюев, нам Озимого Спаса
 возвернуть бы к душам померклым,
 сцепить бы, как избы, в лапы,
 надежды!..
 К дням святочным,
 к дням несметным
 сесть бы за прялки!..

Чтобы зверю не было лаза
 к нашим вечерам,
 на рубахах – к украсам,
 к хороводам,
 к мужицким плясам!..

Клюев! Нам бы под матицей
 баб пузатых,
 сытицей медовой балуя,
 величая,
 дожждаться бы чад – крепких, ладных,
 что за сохой пойдут,
 землю славя.

* * *

Дождик льёт и не льёт.
 Осень это
 по серьгам раздаёт
 Поэтам.

Не бери перстенок золотой.
 Тяжка ноша.
 А рябинка душой –
 твоей схожа.

Как легко-то тебе
 со златом – порознь!
 Ведь в награду судьбе –
 русский образ!

Как светло-то судьбе
 с тьмой порознь!
 Ведь в награду тебе
 русский образ!

* * *

Севера ночи ясны.
 Лес у болота сгорает.
 И наподобье блесны
 дрон над избой пролетает.

Будто он в свою сеть
 наше крылечко ловит..
 Застит весь Божий свет..
 Сжато сердце от боли...

Где ж теперь сказка живёт? –
 Бабы Яги избушка,
 кочка, где ждёт
 суженого лягушка?..

Неба остался клочок.
 Сгорбься, несёт на спине
 короб Кощей-старичок..
 Может – ко мне?..

* * *

Долго верещал,
 как сверчок,
 в темноте во дворе
 дверной крючок.
 Сапоги сушились
 на огороде
 подошвами к небу –
 к хорошей погоде.
 Падала в траву
 речная вода
 с портянок полотняных.
 Хлебная страда
 ещё не наступила.
 Спал тракторист.
 Луна золотила
 в поле рожь.
 а земля, казалось,
 по небу ходила
 в сапогах тракториста,
 как сторож.

* * *

Шиповника алое облако...
 То дождик, то зной.
 Мои стихи с подоконника
 летят над землей.

Ловят их клювами птицы
 и в гнёзда несут...
 Кто знает,
 стихов страницы
 их в час непогожий
 спасут?

* * *

Рябая, глухая
 у отводкá
 сидит, отряхая
 бывшее с платка.

На лист лопуха,
 что лопатой в грядку
 врос – разве рука
 поднимется вдруг?

Давно уж забор
 подпирает крапива.
 И солнце, как болт,
 в небо ввернуто криво.

С петель сняты ставни,
 И в свадьбы не мчат
 давно уже сани
 деревней девчат.

Но память, как тля,
 стала душу точить,
 и к ночи земля
 из-под ног уходит.

А ей бы – тьму с глаз,
 да на мир поглядеть
 ещё хоть бы раз,
 а далее – пусть смерть!

Ей только бы встать
 и прийти на лужок,
 где юность стоять
 продолжает ещё.

СТРАННИК

Позабыл он дом у речки
и сарай, где снасти сохли.
Не содрать – одёжка в плечи
так вросла... От пота, соли

ему в ношеном – тепло.
Он, ссутулившись, на камне
сядет... И глаза светло
в землю устремит. Он – странник.

Ходит он меж нами всеми.
Неприкаянный, но здешний.
У Часовни – его сени,
сам себя корит: «Я грешный...»

Но как только Бабья осень
на Спожинках запоёт,
от Часовни он за ростань
зяблою тропой уйдет.

БРАТУ НИКОЛАЮ

1

– Откликнись! – тебя заклинаю, –
я слышала гром голосов,
но где ты, дай знак, я не знаю
тех дольных, тех горних краёв.
Качается, как в колыбели,
над речкою в ивах туман...
Я слышу сквозь время, как пели,
деды, но не знаю тех стран.

И белые всплески на поле
летающей на север совы
я вижу..
Откликнись!
Всё доле
в тиши – мои зимние сны.
Пусть скрипнет окно ненароком!
Но днём всё зловещее шум.
Откликнись, хоть всхлипком, хоть вздохом,
мой брат, мое сердце, прошу!

2

Сон придёт... и мне отрада,
я во сне увижу брата.
Встанем. Рядом постоим.
Мне легко и просто с ним.

А бывает, подбегу,
он стоит на берегу,
всё глядит на переходы,
у него полно заботы:
сладить доски, сколотить,
берега соединить...

Жизнь по-старому идёт.
Брата мне – недостаёт.

Ничего мне так не надо,
как во сне увидеть брата.

* * *

Январь потешит.
 Смоляной огонь
 Летит колядовать,
 и козьими рогами у окон
 идет метель стучать.

В платке берестяном
 ворожея
 свистит в сенях:
 – Подай хоть колос
 от жнивья!..
 Хоть жар
 от золотых рубах!..

Гудит мороз:
 – Впусти к певучей
 русской печи!..
 Но ты, коли привел разлучье,
 любимый,
 ты молчи!

* * *

На морозе, кажется, горит
 яблоня... Горит и не сгорает! –
 это в ветках пляшут снегири,
 это гармонист-мороз играет.

В деревнях пустынно... Но едва
 выйдет по дрова душа-девица,
 то в окошках дрогнет синева
 занавесок из простого ситца.

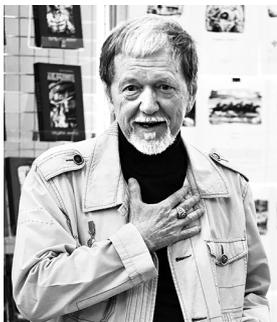
Колядóй с поленницы слетит
 снег... На гору санки парни
 выкатят... Берёста заскрипит...
 И душа-девица шаль поправит.

* * *

Когда летает птица Сирина
 над берегом моей реки,
 и подняты из вечной стыни
 земной – святые родники,
 я вижу, как из деревенек
 в Крещенский день идёт народ –
 берестяной мой собеседник,
 державный чин, Руси зарод.

Круг невелик... Но в день Крещенья
 я вижу купол золотой
 и шапок, и платков движенье...
 И у воды – язык родной,
 я слышу!..
 Что в краю моём
 останется,
 я верю, Господом спасётся:
 ковчег Господний – русский дом!

Геннадий КИСЕЛЁВ

Геннадий Анатольевич Киселёв – прозаик. Родился в 1947 году в Ташкенте. Поступил в театральный институт. Работал во многих драматических театрах страны. Поступил на высшие директорские курсы при Министерстве культуры СССР. По окончании был приглашён в Московский музыкально-драматический цыганский театр «Ромэн» в качестве заместителя директора по гастролям. Объездил с великим певцом, актёром и режиссёром Николаем Сличенко полмира. В 2008 году сочинил повесть «Кулисы или Посторонним вход разрешён». Отослал её на международный конкурс на лучшую книгу для подростков имени Сергея Михалкова. Получил премию. Книжка вышла в свет. Переиздаётся. Оставил театр. Занялся сочинительством. Был принят в Союз писателей России. Публиковался во многих литературных журналах страны и за рубежом. В издательстве «Детская литература» за последние три года вышло три повести для детворы. В Германии опубликовали повесть «Последняя проделка Ходжи Насредина». Сейчас эта книжка готовится к выпуску в России.

Живёт в Москве.

КАК Я СЛУЖИЛ В АНСАМБЛЕ ТОФ

Повесть

1 СЛУЖИТЬ ГОТОВ СУВОРОВСКИЙ СОЛДАТ

Во флотский экипаж для прохождения курса молодого бойца я попал в двадцатых числах декабря 1972 года. Правда, курсанту к тому времени уже исполнилось двадцать пять лет. Заочно, без отрыва от производства он окончил театральный институт, служил на театре, печатал рассказы в молодёжной газете, был женат на красавице балерине, у него подрастала очаровательная дочурка. Такие дела.

Может возникнуть вопрос, почему по достижении призывного возраста меня не забрали в солдаты? Просто повезло. Именно в тот год министр обороны издал приказ: заочников до окончания института в армию не брать.

По получении диплома я сам прибыл в военкомат и, вспомнив эпизод замечательного фильма «Гусарская баллада», отпартовал: «Служить готов суворовский солдат!». По скисшей физиономии военкома я понял, что данный шедевр режиссёра Эльдара Рязанова ему не по вкусу.

Доложившись, я строевым шагом покинул сие заведение. У меня, надо признаться, возникло ощущение, что после моего ухода бравый офицер не раз и не два покрутил пальцем у виска.

Однако, газета «Молодой допризывник» оперативно напечатала бравурную заметку о моём героическом поступке. С тех самых пор этот текст, распечатанный во множестве экземпляров, вместе с повесткой торжественно вручался всем допризывникам города.

Я на всякий случай прихватил записку с собой, показал её взводному, тот – ротному, ротный – командиру флотского экипажа. Тот отправил её с нарочным начальнику штаба округа. Вот, дескать, какие в нашей великой стране молодцы живут. Рвутся служить на Тихоокеанском флоте!

Каково же было всеобщее изумление флотского экипажа, когда за мной, салагой из первого взвода, прислали служебную «Волгу».

Я и предположить не мог, что причина вызова окажется выше моего разумения.

2

НАДО ИЗОБРАЗИТЬ ДЕДА МОРОЗА НА КРЕЙСЕРЕ «ВАРЯГ»

Сопровождающий лейтенант доставил меня в кабинет, доложил и исчез. Я, шокированный, заинтригованный происходящим, пригляделся, вытянулся перед сидящим за столом капитан-лейтенантом... и обмер. Рядом с ним стояла... я протёр глаза...

...Стояла самая настоящая Снегурочка! Она кокетливо глянула на меня и сделала книксен. Каплёй непринуждённо махнул рукой в сторону дивана, на котором возлежали (другого слова было не подобрать): роскошный костюм Деда Мороза и шикарный парик с белоснежной бородой.

– Курсант, – внушительно произнёс он, – вам выпала честь с первых дней на флоте послужить Родине. Надо изобразить Деда Мороза на крейсере «Варяг». Уверен, что справитесь. Не посрамите флот.

Я вытаращился, вытянулся, насколько это было возможно при данных обстоятельствах, ещё выше и выпалил:

– Служу Советскому Союзу!

Явно не к месту выпалил.

Но эту знаменитую фразу я не раз и не два произносил в спектакле о войне, поставленном в нашем театре. Она просто

мне в поры въелась. Как-никак, двести спектаклей отыграл. Показалось, что она – именно то, что необходимо произнести в данных обстоятельствах.

– Серёжа, ты не на плацу, – певуче произнесла Снегурочка, – не морочь артисту голову.

Я остолбенел. Показалось, что сейчас грянет гром и разверзнутся небеса. Но вместо этого бравый служака конфузливо пробормотал:

– Ладно, Наташка, сама ему всё объясни.

Она кивнула.

– Командир «Варяга» попросил прислать к ним...

– Командир крейсера «Варяг», капитан первого ранга... – деликатно поправил её каплей.

– Не мешай, – отмахнулась она и произнесла: – От редакции журнала «Советский Союз», который, между прочим, читают во всех прогрессивных странах мира, прибыл корреспондент. Ему редакция поручила сделать фоторепортаж о прибытии на крейсер Деда Мороза и Снегурочки. Со Снегурочкой, то есть со мной, проблем нет. В нашем театре Снегурочек всех возрастов завалили. А Деда Морозы нарасхват. Они сейчас по всему Владивостоку в детских садах и школах новогодние утренники проводят. У них все выступления расписаны. По минутам...

– Дело знакомое... – вырвалось у меня. – Играно на императорской сцене.

– Прекрасно, – обрадовался каплей. – Надевайте, курсант, костюм, вас с Наташей, кстати, моей женой, сей же час доставят к месту дислокации.

У меня чуть слёзы на глазах не выступили от охватившего восторга. Вместо бесконечного топтания на учебном плацу отыграть ёлку. И где? На корабле!

– Так точно! – выкрикнул я, схватил костюм и в мановение ока нацепил его на себя.

3 ИГРАНО НА ИМПЕРАТОРСКОЙ СЦЕНЕ

Через полчаса мы уже были на крейсере, тёжке того самого легендарного «Варяга», о котором я всё детство распевал: «Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступают! Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает!»

Корреспондент сходу взял нас в оборот. Где только нас ни фотографировали: у флагштока, у пушек, на палубе, на камбузе...

И даже пообещал прислать журнал. Во что я, признаться, не очень поверил. Голова кругом пошла от такого марафона. Под конец нашей гонки корреспондент неожиданно промолвил:

– В кают-компании ёлочка наряжена. Там, по моей просьбе, свободные от вахты офицеры и матросы собрались. Капитан первого ранга на этом празднике жизни тоже примет участие. Какое-никакое, а разнообразие в рутинной стоянке корабля у причала экипажу на пользу пойдёт. Клянусь, подобного ни на одном крейсере ещё не было. Сможете, господа артисты, небольшое представление для экипажа устроить?

– Небольшое представление для экипажа устроить... – задумчиво протянул я.

– Ну... – он с нетерпением поглядел на меня.

– Сможем! – загорелась Наташа.

– Сможем, – кивнул я. – Только это будет один в один по сценарию детсадовского утренника.

– Я этих утренников косою десятку провела, – захлопала в ладоши Наташа. – Думаю, в текстах этих сценариях от Камчатки до Калининграда большой разницы нет.

– Вперёд! – он схватил нас за руки и потащил за собой.

Вскоре я переминался с ноги на ногу у двери кают-компании. По заведённому правилу, я должен был стукнуть посохом

и войти в зал, когда детвора, то есть собранные члены экипажа, трижды хором прокричат: «Дедушка Мороз!».

Вот только удастся ли Снегурочке их завести на это? Народ там тёртый собрался. Отличники боевой и политической подготовки. Видел их фотографии на стенах каюты замполита. Он так прямо и рубанул: «На таком знаменитом крейсере только такие орлы служат!».

Но тут за дверью заголосили: «Дед Мороз! Дед Мороз! Дед Мороз!».

4 В ЛЕСУ РОДИЛАСЬ ЁЛОЧКА

Я для чего-то перекрестился, хрястнул об пол посохом и вошёл в зал. Сиречь, в кают-компанию. Гляжу, а глаза-то у моей «детворы» горят. Я, пританцовывая, поплыл по кругу. Хожу, грохаю посохом об пол и громогласно предлагаю сверкающей красавице зажечься.

Местный электрик, никаких новогодних сценариев в глаза не выдавший, тут же щёлкнул по моей команде рубильником, и ёлочка загорелась. Чёрт побери! Она же после всяких моих шуток-прибауток должна только с третьего раза зажечься!

Этим поступком он нас, конечно, немного выбил из колеи. Тут Наташа спохватилась, организовала круг, местный баянист по её команде нажал на клавиши, и присутствующие вместе с нами грянули:

«В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла...»

Как же вдохновенно, самозабвенно, с лёгкой грустинкой по безвозвратно ушедшему детству, звучали эти бессмертные слова: «Теперь она нарядная на праздник к нам пришла, и много-много радости детишкам принесла». Хоровод закончился, «детвора» расселась, я по привычке поискал глазами пенёк, но не обнаружил его. Мне тут же деликатно подставили стул. А дальше всё пошло, как по маслу. Снегурочка загадывала загадки, я невпопад на них отвечал. Почтенная публика веселилась

от души, по одному подходила к Деду Морозу, читала заветные стихи. О доме, о папах с мамами, о любимых девушках. Затем мы играли во всевозможные игры.

Честно говоря, я взмок. Орлы погоняли нас – будь здоров!

Возле стула неожиданно очутился мешок. В нём оказались немудрёные подарки. Я их торжественно вручал, бравые моряки смущённо прижимали их к форменкам.

У меня даже в глазах защипало. Почудилось: сейчас получим со Снегурочкой заслуженный гонорар, в детсадовской столовой нас, как заведено, от души накормят, и можно будет отправляться домой. К жене и дочке. Однако, пора отправляться восвояси. В экипаж. Скинул слегка потрёпанный халат, аккуратно пристроил его вместе с париком и бородой на стуле, беспомощно оглянулся.

Куда народ подевался?

И тут в дверях появилась внушительная фигура с иконостасом медалей и значков на идеально отглаженном кителе. Я пригляделся, вытянулся и отрапортовал:

– Здравия желаю, товарищ Главный корабельный старшина! «Второй отец!» – это я уже про себя добавил.

– Растерялся, сынок. – Он широко улыбнулся. – Сейчас я тебя в кают-компанию на банкет доставлю. Там народ заждался Дедушку Мороза. По душе вы прились всему нашему экипажу.

– А ли нельзя нам, – я на мгновение запнулся, – к матросам в кубрик заглянуть?

– Это можно, – загадочно крякнул он и так хитро подмигнул мне. – Только по-быстрому. На один глоток. Не больше. На банкете тебе этого не перепадёт.

Насчёт «по-быстрому», «не перепадёт» я понял позже, когда в кубрике мне дружески намяла бока давешняя «детвора» и угостила спиртом из жестяной кружки.

На банкете я, естественно, довольствовался апельсиновым соком и домашним, как у мамы, обедом.

«Повезло, – думал я, блаженно улыбаясь, отвечая на приветственные поздравления окружающих. – Надо же, какая мне

разлюли-малина перепала. Жаль, что больно скоро она закончилась».

Но моя малина только начиналась. По всем кораблям, пришвартованным в порту Владивостока, разлетелась весть о нашем с Наташей выступлении. Служивые возжелали праздника.

По приказу контр-адмирала я досрочно принял присягу во флотском экипаже и отыграл с Наташей положенные ёлки.

А журнал фотокорреспондент всё-таки прислал. Правда, за давностью лет он затерялся.

5

МЕНЯ ВЗЯЛИ НА РОЛЬ КОНФЕРАНСЬЕ

Во флотском экипаже я пробыл недолго. Меня перевели в ансамбль Тихоокеанского флота. Он состоял из ребят срочной службы в возрасте от восемнадцати до двадцати одного года, сверхсрочников, только-только вышедших в запас и с удовольствием щеголявших новенькими лычками старшин второй и первой статей, коих ранее у них не было, мичманов, большинству из которых было далеко за сорок, и вольнонаёмных девушек-балерин. Естественно, в таком творческом коллективе было всё перемешано: матросы, кроме повседневных обязанностей, играли в оркестре, пели в хоре, отплясывали с балеринами.

Меня взяли на роль конферансье, подчёркиваю, конферансье, а не ведущим концерта. Прежний ведущий, старейший из мичманов, трубным голосом, как на военном параде, чётко объявлял номера. Не более того.

От меня же товарищ майор, он же начальник ансамбля, потребовал юмористических выступлений.

Актёрских и прочих баек я знал множество и вдохновенно отбарабанил их майору. На что он вздохнул и промолвил:

– Ваш зажигательный штатский репертуар здесь не подойдёт. Нужно что-нибудь проще, доходчивее, что ли. Публика

здесь своеобразная. Большинство призывников из небольших провинциальных городков, из сельской местности. Впрочем, вы вскоре всё поймёте. Подумайте, через сутки доложите.

Я лихо козырнул, получил увольнительную и отправился в городскую библиотеку. Любимую «Литературную газету» отнёс сразу. Попросил журнал «Крокодил». Дали целую кипу. Два часа я добросовестно штудировал всё, что мне казалось приемлемым, делал выписки. Вернулся в ансамбль и доложил майору:

– Городская баня работает следующим образом: в чётные дни моются мужчины, в нечётные моются женщины, в воскресенье вместе!

Он поморщился, выслушал ещё несколько журнальных баек, кивнул и отпустил готовиться к концерту, заметив:

– Оперативно сработали. Не ожидал. Служите в том же ключе.

Мои сольные хохмы на первом же концерте прошли «на ура». Зал хохотал, долго хлопал, не отпускал, требуя «продолжения банкета».

На концерты, когда они были в свободном доступе, валом повалили горожане. Девушки после концерта стали меня подлавливать. Но это не театр, где поклонницы ловили меня прямо у служебного входа.

Но после женитьбы, честное слово, я выныривал с чёрного хода – и домой! А тут прятаться от прелестных созданий не приходилось. После концерта нас строем вели в автобус. И баста!

Что до старослужащих матросов... так они меня гоняли, правда, довольно-таки деликатно. Как говаривал Юрий Визбор по этому поводу: «Мы всё пройдем, но флот не опозорим, мы всё пропьем, но флот не посрамим».

Тогда на флоте служили по три года. Служба была не сахар. Особенно у подводников. Со временем у меня появилось много друзей среди матросов разных специальностей. Могу с уверенностью заявить: на флоте не было такой жуткой «дедовщины», как в сухопутных войсках. Мой младший брат служил в стройбате и прошёл через этот ад.

6

ВЫХОД ЕСТЬ! КАКОЙ?

Но однажды в моей флотской биографии произошла перемена. Дело было так. Нас отправили с выступлением в небольшую N-скую часть. Дело шло к ужину. Главный корабельный старшина нас заверил:

– Не волнуйтесь, ребята, ужином вас там накормят.

Мы взяли под козырёк, доехали до порта, сели на катер и пошли по заливу. Прибыли на место. Отработали, как полагаются.

А с ужином вышел затык. Часть была маленькая, повар приготовил «рубон» только для своих. О банкете для нас местное начальство не предупредило. Оно убыло. На оголодавших артистов никто не рассчитывал.

Сопровождающие нас мичман и ротный старшина из матросов растерялись...

Но я окончил театральный институт, а не кулинарный техникум. Задан этюд: накормить братву! Ваше действие, студент? С действием определился. Нужен партнёр.

Отправился к вахтенному офицеру.

– Разрешите обратиться, товарищ лейтенант.

Он поднялся.

– Обращайтесь.

– Вы в курсе, что вашим гостям не предложен ужин?

– В курсе, – с видимым сожалением ответил он. – Неужели вас не накормят в своей части?

– Товарищ лейтенант, – с печалью в голосе пробормотал я, – у нас в ансамбле нет кухни с поварами и поварятами...

Он натужно усмехнулся.

– Вижу, что вы шутник не только на сцене.

– До ансамбля полтора часа хода, – я гнул свою тему, меня обрадовало, что он вступил со мной в разговор, а не скомандовал: «кругом, шагом марш!» – Наш единственный повар, – я чуть не всхлипнул, – к моменту нашего возвращения он будет второй сон разглядывать.

– Безвыходная ситуация, – сочувственно вздохнул лейтенант. Каждый из нас чётко вёл свою роль, согласно моей задумке.
– Почему безвыходная?! – радостно воскликнул я. – Выход есть!

– Какой? – насмешливо спросил он.
– Позвоните в наш ансамбль...
– В город мы можем звонить только через штаб округа, – перебил лейтенант.

Я вытянулся и чётко отрапортовал:

– Товарищ лейтенант, а что если вам выйти на связь с дежурным по штабу округа?..

У него округлились глаза. Но я не дал ему встрять в мой монолог.

– И доложить о создавшейся нестандартной ситуации, требующий немедленного решения. А он, со своей, стороны передаст сообщение вахтенному офицеру ансамбля, тот отдаст приказ повару, тот срочно приготовить «рубон», сиречь ужин.

– Вы в своём уме?! – с видимым раздражением воскликнул он.

– То-то оно, что в своём, – искренно ответил я. – Представьте, мы приезжаем от вас голодные, как собаки. Голодные матросы, естественно, поднимут шум. Среди ночи вахтенный вынужден буде доложить о случившемся начальнику ансамбля. Так или иначе, ЧП дойдёт до более высокого начальства. Майор перешерстит виновных. Возможно, получит взыскание. Пусть не ужином, но угостить сухим пайком нас вы были обязаны. Вам, не дай Бог, это тоже аукнется. А так, пока мы доберёмся до ансамбля, ужин будет готов. Как говорится: и волки будут сыты, и овцы целы. А слава о вашем мужественном решении обратится в штаб... – тут я поперхнулся. Понял, что переигрываю. Хотел исправить положение, но...

– Стоп! – воскликнул лейтенант. – Это ведь вы с женой моего друга проводили у нас ёлку?

– Так точно, проводили! – восторженно воскликнул я. – Наше выступление нигде так горячо не воспринималось, нежели у вас. У меня до сих пор сохранились об этом самые тёплые воспоминания. А каким обедом нас накормили после...

– Хватит заливать, артист.
Я вытянулся в струнку.
– Вольно, – усмехнулся он, подошёл к аппарату, доложил дежурному о сложившейся «ситуации» и протянул мне руку.

– Сколько лет вы служите?

– Чуть больше месяца.

– Ну-ну, – усмехнулся он. – Лычка по вас плачет.

Мой этюд, как видит, уважаемый читатель, был разыгран по всем правилам актёрского мастерства. И партнёр у меня был великолепный.

Лейтенант оказался провидцем. На мои погоны легла золотая лычка старшего матроса. Я стал старшиной роты.

7

ОПЯТЬ ПО ГАРНИЗОНАМ
СТРАНСТВОВАТЬ

В декабре меня вызвали в политуправление. Начальник моего родного ансамбля песни и пляски выразил неудовольствие. Не удивительно. Приглашение пришло телефонограммой, минуя товарища майора. Что называется, из рук в руки. Ещё это означало, что меня могли выдернуть из ансамбля на какое-нибудь мероприятие. А предновогодние концерты шли один за другим. И попробуй, найди другого конферансье. Танцора – пожалуйста, хориста – без проблем. А главное, рота оставалась без присмотра.

Для меня же вызов был, можно сказать, «манной небесной». Близился традиционный новогодний бал в Доме офицеров флота. Бесплатным Дедом Морозом я уже веселил детвору на многочисленных гарнизонных ёлках. Зарекомендовал себя. Бесплатный сценарист и ведущий вечера начальством мог быть востребован.

Так что в приёмную политуправления я прибыл чуть не за час до назначенного срока.

И он наступил. Меня сопроводили в кабинет одного из заместителей заместителя начальника политуправления. Отворил

дверь. Строевым шагом вошёл, вскинул руку к бескозырке и остолбенел...

В кресле, озорно поглядывая на меня, сидела Снегурочка!

– Наташа, – запинаясь, промолвил я, – привет. Ты что тут делаешь?

– Тебя дожидаюсь.

– Опять по гарнизонам странствовать, детишек веселить, – со вздохом пробормотал я. – Короче, здравствуй, Дедушка Мороз, борода из ваты. Раз, два, три – ёлочка, гори. Для этого в такое серьёзное учреждение вызвали? Начальство моё всполошили.

– Здравствуй, Дедушка Мороз, – она подошла ко мне и чмокнула в щёку. – Что это ты за спиной папку прячешь? Явно не сценарий для детского утренника. Мы на них с тобой собаку съели. Вызывать бы тебя по этому поводу не стали. Ой, мне кажется, там наброски, сценки к предстоящему новогоднему празднику в Доме офицеров. Я не ошиблась? Покраснел! Значит, не ошиблась. Именно ради этого с моей лёгкой руки ты здесь оказался и...

Дверь в кабинет резко распахнулась. Наташа мигом прикусила язычок.

8

УВЕРЕНА, ВЫ ДОГОВОРИТЕСЬ

Я козырнул и вытянулся перед светлыми очами вошедшего офицера и мысленно воскликнул: «Явление Христа народу! Это же тот самый каплей, который когда-то флотского курсанта отправил с Наташей проводить ёлку на крейсере «Варяг». Гляди-ка, до капитана третьего ранга дослужился».

– Вольно, – отмахнулся он и свирепо уставился на жену. – Ты что тут делаешь?! А если бы кто из начальства сюда вошёл!

– Успокойся, успокойся. Ухожу, ухожу, ухожу, – протараторила она. – Когда закончишь общаться со старшим матросом, звякни, пожалуйста? Мы с девочками, то есть с комиссией по

проведению праздника, будем ждать в кабинете напротив. Уверена, вы договоритесь.

И, сопровождаемая тем же свирепым взглядом, она выскользнула из комнаты.

– Садитесь.

Я присел и без долгих разговоров протянул ему папку. Он взял её и насмешливо глянул на меня.

– Уже старший матрос.

– Так и вы не так давно, товарищ капитан третьего ранга, были капитан-лейтенантом. А сейчас в политуправлении служите, не хило... – я вскочил со стула и вытянулся в струнку. – Виноват...

– Не хило, – усмехнувшись, перебил он меня. – Не буду скрывать, не хило. Садитесь, старший матрос. Не на плацу. Делом займёмся.

Он раскрыл папку и начал сосредоточенно вглядываться в мои перлы.

У меня спина заныла от напряжения...

«Вот ведь службист, – подумал я, – почти час читает, а хоть бы разок улыбнулся. Швах твои дела, сочинитель. Ёлки будешь проводить в самых отдалённых гарнизонах, поскольку в городе всё уже схвачено артистами из драмтеатра и ТЮЗа».

Наконец он выпрямился, сложил листки в папку и оценивающе поглядел на меня.

– Вас из Омска призвали?

– Так точно.

– До моря далековато.

– Далековато, что и говорить. Но меня всегда тянуло к воде. Я даже пытался устроиться актёром в ваш драмтеатр. Пролетел. Статью не вышел, – вздохнул я.

– Сочувствую. Но, скажу прямо, это не повлияло на качество того, что я прочёл. Откройте секрет, откуда в тексте взялось столько просоленных морским ветром сенок? Читал и от души смеялся.

Я с недоумением глянул на него. Своёобразно веселится товарищ капитан. Надо будет эту сценку в сценарий вставить.

– На гражданке приходилось стряпать капустники для театра, сценарии на любую тему сочинять для различных организаций. В общем, на все руки от скуки мастером был. Вот в свободное от службы время и набрасывал по привычке различные миниатюры. Для наших концертов.

– Ах, для концертов. Кстати, мы с Наташей на одном из них были, видели, как вы публику развлекаете. Она мне и посоветовала рискнуть, привлечь вас к намечающемуся мероприятию. Рискнул, предложил начальству вашу кандидатуру. У нас, правда, имеется традиционный сценарист. Но дали добро на беседу с вами. Турусы на колёсах разводить нет смысла. Материал меня устроил. Послушаем, что комиссия скажет.

Комиссия ржала от души. Мы начали разбирать мой опус по косточкам. Внесли массу поправок. Пообещал учесть и довести работу до ума. Меня покормили в офицерской столовой и отравили восвояси.

9

ЗАПАХ ОТБИВАЕТ НАПРОЧЬ

Явился в ансамбль, доложил, приступил к своим обязанностям.

Через несколько дней пришла телефонограмма. Меня временно отзывали на новое место службы, в Дом офицеров флота.

Майор рвал и метал. Для концертов нужно было искать нового ведущего. Пришлось срочно натаскивать одного из танцоров.

Старшина ансамбля угрюмо косился в мою сторону. Вместо общего руководства ему пришлось заниматься ротными мелочами. А он от этого отвык.

А после отбоя рота вызвала меня для разговора. Я насторожился. Полуночная беседа с ротой – дело серьёзное.

Однако ультиматум, предъявленный ребятами, превзошёл мои ожидания. Они заявили, что я буду встречать Новый год за праздничным столом, оттягиваться на все сто целых десять дней, а они лапу сосать. Это несправедливо.

Но что я мог поделать в данной ситуации? Взять роту с собой? Этого они не требовали. Они потребовали: на предновогоднем ужине кроме лимонада, втайне от дежурного офицера, должна быть выпивка. Поскольку я на все руки мастак, да мне ещё почёт и уважение в самом политуправлении, то обязан организовать это невинное мероприятие. А будут выставлены вино, водка или коньяк – моё дело. Тут они мне не советчики.

С тем и разошлись.

С покупкой вышеназванных напитков у меня не было проблем. Даже на срочной службе при желании можно заработать. Тем более в моём положении, а у меня была увольнительная, дающая право на выход в город в любое время суток. Так что я успевал в местную прессу материалы подбрасывать. А гонорары в ту пору за публикации нештатным авторам выплачивали весьма приличные. Больше, чем штатным сотрудникам. Даже драмкружок умудрялся вести в школе. Так что на сигареты мне хватало. Да что на сигареты, жене умудрялся небольшие переводы отправлять.

Купить несколько бутылок водки мог без проблем. Но устроить застолье с выпивкой на глазах у дежурного офицера...

С другой стороны, в роте из начальства никого не будет. Хотя не исключена неожиданная проверка из штаба. Дыхнут мои хмельные ребятишки на проверяющего офицера, скандала не оберёшься.

Хм... дыхнут, дыхнут...

И тут мне вспомнилось, как на свадьбе у друга мне всё время подсовывали выпивку. Я героически отнекивался. Вечером предстояло играть спектакль. А там по сюжету приходилось обнимать и целовать партнёршу. Дыхну на неё перегаром, пиши – пропало. Партнёрша – жена директора. Выговором не отделаешься. Вышибут из театра по статье.

И надо же, среди гостей нашёлся умудрённый жизнью геолог. Он попросил у хозяйки пяток лавровых листочков, поджёт их, попросил хозяина налить в рюмку водки, и опустил туда этот факел. Огонёк пшикнул и затих. Геолог протянул посудину мне. Я непонимающе вытаращился на него.

– Не бойся, – успокаивающе произнёс он, – на инспекторах ГАИ не раз проверял. Запах отбивает напрочь.

Я махнул рукой и выпил. Водка как водка. Геолог поинтересовался, есть ли в доме записной трезвенник. Привели бабушку новобрачной. Она сначала отмахивалась от нас, как чёрт от ладана. Потом сжалилась. Я дыхнул на старушку.

– Слова Богу, – перекрестилась она, – хоть один тверёзый нашёлся среди вас, алкашей.

Под закуску я опрокинул ещё рюмку и отправился служить Мельпомене.

Свадьба была в самом разгаре, когда я возвратился.

– Ну как прошло? – заплетаясь языками, потянулись ко мне гости.

Я вскинул два больших пальца.

10

А НУ-КА ДЫХНИ!

И завертелось. Полегоньку притащил в наш надёжный схрон водку и несколько пачек лаврового листа. Ребята недоумевали, но молчали в тряпочку. Авторитет у меня был непререкаемый. Даже старослужащие, если я не очень давил на них, с зубовным скрежетом козыряли, но выполняли мои приказания.

Наступило тридцать первое декабря. За пятнадцать минут до ужина я с помощниками вылил водку в питьевой бачок, зажёл букет лавровых листьев и опустил их в него. Дежурный офицер прочно уселся в кабинете начальника ансамбля. «Карнавальную ночь» смотреть.

Повар положил в тарелку закуску и пошёл к дневальному. Мы потянулись за ним. Дневальный оглянулся по сторонам, открыл краник бачка, подставил кружку под благословенную струю, закрыл краник, зачем-то перекрестился, выпил, крикнул от удовольствия и расцвёл на наших глазах.

Я предложил ребятам проверить его на «выдох».

Эксперимент удался!

Меня собрались качать. Я пресёк сие дружеское проявление и отправился с ними за стол.

Дальше всё пошло своим чередом. Сколько же в тот вечер мне пришлось выслушать благодарственных тостов в свой адрес. Не сосчитать. Себе не позволил ни грамма.

В девять часов вечера, взяв слово с ребят, что всё будет чики-чики, отправился в Дом офицеров.

Бачок мои подчинённые, не подумав о завтрашнем дне, опустошили до дна. Необъяснимым образом о нашем застолье догадался Старшина ансамбля. Дежурный офицер клялся и божился, что абсолютно трезвая рота, прослушав новогодний бой курантов, в полном составе улеглась в койки.

Скорее всего, бравый служака догадался о попойке, глядя на помятые лики ребят на утреннем построении. Однако доказать факт потребления алкоголя у него не получилось.

Приказание «А ну-ка дыхни!» вызываемые матросы исполнили с усердием.

Прослуживший на флоте добрых тридцать лет, он, знавший про матросские выкрутасы всё от и до, ничего не мог понять. Это задевало служивое самолюбие. Как он ни пытал штатного стукача, а таковые имелись в любых подразделениях армии и флота, тот языка не развязал.

Он снизошёл до того, что сопроводил меня в аэропорт в день отлёта домой. В буфете, осушив отходную рюмку, он положил мне руку на плечо и проникновенно произнёс:

– Я не сомневался тогда, не сомневаюсь сейчас: закопёрщиком новогоднего сабантуя был ты. Чутьё у старого служаки не хуже, чем у охотничьей собаки. И оно меня ни разу не подводило. Сними грех с души. Скажи правду! Дело прошлое. Оно в моей душе останется, как память о хитроумном старшем матросе.

Я обнял его на прощание и не менее проникновенно ответил:

– Пьянки в тот вечер не было. Помните, вы же первого января явились на утреннее построение, едва продрав глаза. А с похмелья и не такое могло привидеться.

У старика на глаза навернулись слёзы.

Я улетел с надеждой, что снял тяжесть с его души. А признайся я ему? Неизвестно, как моя искренность могла отразиться на ребятах, попади однажды ему вожжа под хвост.

11 НА ЗОЛОТЫЕ ПОГОНЫ ПОЗАРИЛСЯ

Уже дома, после ухода гостей, жена, разбирая мои скромные пожитки, наткнулась на фирменный бланк.

– Что это? – поинтересовалась она.

– Это патент на производство в лейтенанты королевских мушкетёров вашего покорного слуги, минуя Атоса, Арамиса и Портоса. Удостоен был высочайшей милости.

– Господи, ты вроде вышел из детского возраста. В армии отслужил. А всё никак не наиграешься, – вздохнула подруга дней моих бесшабашных.

– Мне из него выходить не с руки, – я ласково обнял её за плечи. – В детском театре служу. Слышала, о чём за столом мои коллеги говорили?

– А как же. Трещали, что у вас собираются ставить три мушкетёра. Видела, как ты сник, когда услышал, что роль Арамиса, такого же смазливового бабника, как и ты, выпала тебе. С бравым гасконцем ты пролетел. Опять десятиклассницы тебя на проходной вылавливать будут.

Я с удивлением посмотрел на любимую. С чего вдруг она завелась? Ну, сел я сегодня случайно между двумя молоденькими актрисами. Ну, потанцевал с одной из них. Ну, прижималась она ко мне. Так не я же к ней. Для меня этот «жим-жим» давно «преданье старины глубокой». В вопросах морали я, как никогда ранее, стал строг.

– Строг, ещё как строг, – подхватила она.

Я и не заметил, что последнюю фразу произнёс вслух.

– Извини меня, – виновато улыбнулась она. – Не пойму, с чего меня понесло. Так всё-таки, что это за патент, прости

господи, что это за бланк? О-о-о, да ты, я вижу, несколько не фантазируешь. Тут и впрямь напечатано: лейтенант.

– Был такой грех, – подтвердил я. – На золотые погоны позарился.

– Но ты окончил театральный институт, а не военное училище.

– Присядь, родная моя. Вот так. После блистательно проведённого новогоднего бала в Доме офицеров, я тебе об этом писал, на меня посыпался шквал распоряжений: проводить всевозможные мероприятия к датам и юбилеям без сучка, без задоринки. Меня откомандировали в отдел культуры, или как он там при политуправлении назывался. В роту только ночевать приходил. И то не всегда.

– И где же ты ночевал? – поинтересовалась супруга.

– Меня иногда в командировки отправляли.

– Я смотрю, у тебя не служба была, а сплошь синекура, – заметила она. – Концерты, балы, командировки. Женщины вокруг тебя, поди, хороводы водили: «Каравай, каравай, кого хочешь – выбирай». Не зря мне говорили: «За кого замуж собралась? Да он ни одной юбки не пропускает».

– Пропускал, – неожиданно брякнул я и прикусил язык.

«Грешен ты, голубчик, грешен, – мелькнула покаянная мысль, – водил хороводы, когда зазывали, выбирал. Благо, выбор был. А кто не без греха?.. – я вздохнул и задвинул опасную мыслишку куда подальше».

– Что же ты умолк? – ядовито поинтересовалась жена. – Колись.

– Мне за год на службе дохнуть толком было некогда, – обидчиво прошепелявил я.

– С чего же тогда ты решил «у моря, у синего моря» остаться? Понимаю, в Сибири морозы, жена, тёща, дочка, пелёнки, распашонки, магазины. К чему тебе это, золотопогоннику?

– Притормози, – жёстко произнёс я. – Задала вопрос, имей терпение выслушать ответ. Если бы я там остался, то получил бы звание, а со временем и квартиру. Вас бы сразу забрал к себе.

– Кто бы тебе её дал? Так и жил бы в казарме.

КАЮСЬ, Я ПЕРВЫЙ, КТО НАРУШИЛ ТАБУ

– Наш контр-адмирал, между прочим, до военного училища музыкальную школу окончил. А чем я хуже? Но дело не в этом. А в том, что он был любителем кино. Он снимал фильмы и устраивал показы для подчинённых. Наш флотовец был убеждён: если бы не война, на которой с первого до последнего дня он проплавал на торпедном катере, быть бы ему кинорежиссёром. Не хуже, а может быть, и лучше, чем Сергей Эйзенштейн.

А тут на мою голову ещё и флотский кинофестиваль свалился. По всем подразделениям, начиная с Северного флота и кончая Тихоокеанским флотом, приказ объявили: приступить к съёмкам служебных фильмов. Контр-адмирал решительно заявил, что на сей раз мы с ним добьёмся флотского «Оскара».

Меня освободил от всех обязанностей. Одноместный номер в гостинице выделил. Шикарную пишущую машинку «Олимпия» предоставил, о которой дома мне и мечтать не приходилось. Уселся я за сценарий будущего фильма, получив огромное количество материалов о флотском житии-бытии. Перечитал и решил, как когда-то молодой Ильич, пойду и я своим путём.

Для начала отправился к себе на службу. Там помогли отыскать тех, кто когда-либо стоял у истоков возникновения ансамбля песни и пляски Тихоокеанского флота. Часами беседовал с ними. Перелопатил массу интереснейших документов по становлению моего родного ансамбля. Общался со своим начальством, сверхсрочниками, моряками. И в один прекрасный день предоставил адмиралу сценарий о прошлом, настоящем и будущем моего коллектива.

Поначалу мой заказчик скривился, но ничего не сказал. Велел ждать решения.

Мне терять было нечего. Как говорится: «матрос спит, а служба идёт». Но чем-то мой опус зацепил бывшего учащегося музыкальной школы.

Мы приступили к съёмке. Я вертелся, как уж на сковородке. Кем я только не был: администратором, помощником режиссёра, гримёром, костюмером, мальчиком на побегушках...

Я смолк и потянулся к бутылке, налил коньяка и залпом выпил.

Жена заворожённо посмотрела на меня.

– А дальше что было? – еле слышно спросила она.

– Дальше... – у меня повлажнели глаза. – Подробностями утомлять не буду. На это суток не хватит. В результате мы получили главный приз – «Оскара» местного разлива. Фильм показали по местному телевидению. Он попал на всесоюзный экран. Ансамбль отправили на гастроли в Москву. Я получил гонорар. Пятьсот рублей. Половину тут же отослал тебе.

– Ох, какая же я дура, дура! – вскинулась жена. – Ты там пахал, как заведённый, нам помогал, о нас заботился! А я тебя бабьими домыслами извожу. Прости меня, родной, прости...

Я прижал к себе и поцеловал.

– А всё-таки, почему ты не стал лейтенантом? – спросила она.

– Почему не стал? Поначалу загорелся. Такие перспективы открывались...

– А потом?

– Потом отчего-то засомневался, кинулся в ансамбль к Старшине. Поведал ему обо всём. Попросил совета. Он с затаённой усмешкой поглядел на меня и сказал:

– А ну как не станет рядом такой могучей скалы, как контр-адмирал?

– То есть, как не станет? – удивился я.

– А вот так. Исчезнет он с твоего горизонта. Дай Бог ему здоровья. Представим, что он, а года у него ещё молодые, на повышение уйдёт. Флотом, а не политуправлением командовать. С высоким начальством такое случается. А там для тебя дел не найдётся. Ну и пошлют завистники, а их у тебя сейчас воз

и маленькая тележка, куда подальше. Как же. Особа, приближённая к императору. А у нас, как и везде, таких выскочек, как ты, извини, не любят. И упекут свежеиспечённого лейтенанта на кудыкину гору гарнизонным клубом командовать. И забудут о нём до самой отставки. Это, конечно, самый худший из вариантов. Может, и по-иному карта ляжет. Судьба, как известно, индейка. Так что думай, мой дорогой, сам. У тебя голова, дай Бог всякому.

Так что охолонул он меня. Да и по тебе, дочке, теще, театру, любимому Омску до чёртиков соскучился. Понял, что Иванушку дурачка или Арамиса мне в театре играть сподручнее чем в белом кителе щеголять. Вот на этой оптимистической ноте пойдём, любимая, баиньки...

Совсем забыл. Мои дорогие сослуживцы и по сей день не изменили данному слову. Никому не поведали о нашем славном новогоднем застолье. Я первый, кто нарушил табу.

Евгений КАРУНИН

Евгений Александрович Карунин – поэт. Родился в 1972 г. в Москве. Окончил филологический факультет МГОПУ имени М.А. Шолохова. Кандидат педагогических наук, доцент. Член МГО Союза писателей России, член Высшего творческого совета МГО СП России. Автор поэтических сборников «Российские перезвоны» (1998) и «Царство вечных небес» (2004), а также историко-патриотических поэм «Сказание о Невской битве» (2008) и «Куликово поле» (2011). Поэма «Куликово поле» была отмечена дипломом «Лучшая книга 2008 – 2011».

Живёт в Москве.

УСЛЫШЬ, ГОСПОДЬ, МОЮ МОЛИТВУ...

ПОЖЕЛАНИЕ ДРУГУ

Не утрашись пустыни дикой,
Где лишь голодных тварей вой, –
Куда страшней в толпе безликой
Не знать пути, не быть собой!

Не бойся небо грозное,
Когда шагаешь за мечтой.
Куда страшней тиски устоев,
Что запрещают быть собой!

Не опасайся смерти лютой,
Когда кипит за правду бой!
Куда опасней лести путы –
Нельзя остаться в них собой!..

Будь справедливым и свободным,
С душою пылкой и живой,
Будь смелым, честным, благородным.
Будь стойким. Будь самим собой!

НЕОБЫЧНОЕ УВЛЕЧЕНИЕ

Люблю чинить я старые игрушки,
Вдыхать в них прежний смысл бытия.
Матросы, корабли, солдаты, пушки –
Без вас бы потускнела жизнь моя!

Хочу я серый быт разнообразить,
Добавить алой краски к февралю!
И вот сажусь я мастерить и красить:
Приклеиваю мачту к кораблю,
Копаюсь в старой гоночной машине,
Чтоб не стонал, не ныл её мотор,
Чтоб к новым достижениям, вершинам
Она летела, словно метеор!
Расписываю золотом карету,
Чтоб Золушка поехала на бал,
Настраиваю лиру для поэта
И оттираю грязный самосвал!
Люблю чинить я старые игрушки,
Дарить их детям, радость не тая!
Дворцы, машины, куклы, погремушки –
Без вас бы не сложилась жизнь моя!

СЫНОК

В жизни немало невзгод и лишений,
Круч, каменистых дорог –
И на пути добрых дел и свершений
Будь терпеливым, сынок!

Часто в садах, среди роз и тюльпанов,
Тяжкий таится порок...
Остерегайся же сладких обманов,
Будь же разумным, сынок!

Ложь презирая, за правду сражайся,
Даже когда одинок!
Гнев же в душе обрести опасайся –
Будь справедливым, сынок!

Если твой друг не осилил дорогу,
Пал, захворал, занемог –
Поторопись же к нему на подмогу!
Будь милосердным, сынок!

Пусть же тебе никогда не придётся
Душу закрыть на замок,
Пусть для любви твоё сердце проснётся,
Счастья тебе, мой сынок!

* * *

Играли дети во дворе:
Стремился к небу жёлтый шарик,
И мячик прыгал по траве,
Визжал щенок по кличке Ярик...

Вдруг – взрыв и дым!.. И нет двора...
И нет детей, что там играли...
А за рекой кричат: «Ура!
Ура! Мы снова в цель попали!»

Что, торжествуете, скоты?!
Не миновать вам час расплаты!
Глас Божий слышен с высоты:
«Фашисты вы, а не солдаты!»

Могилы. Женщины в слезах.
Нет, не постичь их боль и горе!
А жёлтый шарик в небесах
Плывёт, как плот в безбрежном море...

Знай: у фашистов цель одна –
Убить свободу на планете;
И силы им даёт война,
В огне которой гибнут дети!..

МЫ – РУССКИЕ!

Как ни стремятся западные монстры
Сломить нас, уничтожить, растоптать,
Мы – русские! А значит, меч наш острый
Готов врагов, как прежде, наказать!..

Гостям мы рады – только приезжайте!..
Врагам же, как и встарь, дадим отпор.
Мы – русские! И нам не угрожайте!
Не втягивайте нас в кровавый спор!

А может быть, кому-то интересно
Нас подразнить, на крепость испытать?!
Мы – русские! Из твёрдого мы теста.
Мы любим мир, но можем воевать!

* * *

Однажды птицы запоют
Живее, радостней и звонче.
Быстрее реки потекут,
В груди забьётся сердце громче.

И воцарится вновь весна
Над миром, жаждущим прощенья!
И будет праздновать страна
Своих героев возвращенье.

И не разрывы – тишина
Войдёт желанной гостьей в души.
А дети сказки будут слушать
До мглы вечерней, допоздна.

Однажды кончится война...

* * *

Продают на вокзалах цветы –
 Гладиолусы, розы, пионы, –
 Чтобы мы не теряли мечты,
 Чтоб с улыбкой входили в вагоны,
 Чтобы в хмурый, безрадостный час
 Добротой согревали друг друга,
 Чтоб, усталость прогнав, каждый раз
 Торопились с надеждой к подругам!
 Чтобы сказочный мир красоты
 Неизменно, как в детстве, был с нами.
 Продают на вокзале цветы,
 Чтоб с букетом поехал я к маме...

ПОКЛОНИМСЯ СВОИМ УЧИТЕЛЯМ

Поклонимся своим учителям,
 Своим наставникам с лучистым, мягким взглядом,
 И благородным, добрым мудрецам,
 Что неизменно с нами были рядом.

Поклонимся своим учителям.
 Мы вместе с ними в класс вошли когда-то.
 Открыв букварь, читали по слогам
 Про подвиг Неизвестного солдата.

Поклонимся своим учителям,
 Мечтателям, поэтам, инженерам.
 Любовь к труду они привили нам
 Своим самоотверженным примером!

Поклонимся своим учителям.
 Мы книгу жизни с ними изучали,
 И словно два невидимых крыла
 Нас в мир тревог, надежд и счастья мчали!..

Поклонимся своим учителям.
 Они порой совсем не спят ночами.
 Они идут на службу, словно в храм,
 Чтобы творить и мыслить вместе с нами.

* * *

Прощальный фейерверк нам дарит осень –
 Осины алым вспыхнули дождём –
 И мы, невольно всматриваясь в просинь,
 Молчим устало и чего-то ждём...

Уж скоро, скоро белым покрывалом
 Укроется лесов печальный край,
 Чтоб отдохнув и жизнь начав сначала,
 Салатовым салютом славить май!

* * *

Когда угаснет день мятежный
 И смолкнут птичьи голоса,
 Когда, устав от жизни грешной,
 Увидит сердце небеса,
 И месяц, странник остророгий,
 Взойдёт над сонною рекой,
 Пойму я: вот конец дороги!
 Пойму я, что пришёл домой...

* * *

Час молитв, раздумий, тишины
Снова воцарился над землёю.
В зыбком свете странницы-луны
Только небо, небо предо мною...

О безбрежный, дивный океан!
Сколько тайн хранят твои глубины!
Словно светляки укрылись там, –
Это звёзды, звёзды-исполины...

Не постичь обманчивую даль,
Не измерить долгими веками –
Тайна мироздания, как вуаль,
Будет вечно, вечно вместе с нами!

Так Господь давным-давно решил,
Чтобы человек с мечтой о рае
На земле творил, искал и жил,
Пред Вселенной голову склоняя.

МОЛИТВА О РОДИНЕ

Храни, Господь, мою Отчизну
От разорений, войн и бед,
От горьких зёрен нигилизма,
От ложных, Пирровых побед.
Храни, Господь, мою державу
От чёрной зависти врагов,
Храни её былую славу
Для новых, будущих веков.
Храни, Господь, мою Россию,
Не охладей к ней, не остынь...

Храни её от лжемессии,
От осквернителей святынь!
Услышь, Господь, мою молитву,
Что в глубине души таю,
И тихо, твёрдо, как пред битвой,
Благослови страну мою...

Ирина ШУБИНА

Ирина Яковлевна Шубина – член МГО СП России, писатель и музыкант, автор двух книг повестей: «...Рукописи горят» и «Покинутая земля». Профессор Музыкального факультета Московского педагогического государственного университета. Окончила с отличием Одесскую государственную консерваторию. В 1970-90-е годы выступала с сольными концертами в разных городах

России и зарубежья. Была членом жюри ряда международных конкурсов пианистов.

Живёт в Москве.

КУКОЛЬНЫХ ДЕЛ МАСТЕР

Повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Арий стоял у окна, держался за ручку и даже как будто тяжело повис на ней. Напротив его окон серела обречённая на снос пятиэтажка, которую постепенно покидали люди.

Каждый день, по многу раз, к дому подъезжал фургон и забирал очередных жильцов с насиженного десятилетиями места. А вечером, когда темнело и в доме зажигались окна, становилось понятно, какие квартиры не освещены, но ещё ждут своих хозяев с работы, а какие – уже оставлены навсегда. Эти окна как-то особенно чернели и так же отличались от ещё обитаемых, но не освещённых, как неподвижность спящего человека отличается от окаменелости мертвеца.

Вот и сейчас сразу у двух подъездов стояли фургоны, люди выносили и грузили свое старенькое барахло, суетились, спорили, переругивались и подгоняли друг друга, не понимая, что, может быть, лучшее в переселении – это ожидание переезда, ожидание новизны и сам переезд, после которого опять наступают бесконечные будни и тяжкий труд по обустройству нового жилища.

В этом районе было много таких пятиэтажек – посеревших, потемневших, каких-то грязных, с балконами, затянутыми полиэтиленовой плёнкой, и с жильцами, знавшими друг друга по сорок лет и вечерами ведущими переговоры с балкона на балкон.

И всем этим пятиэтажкам уже давно был подписан приговор. В другом месте города, совершенно другими людьми.

И об этом уже знали все обитатели этого района, все жильцы этих домов.

Не знали об этом только сами пятиэтажки. Они стояли по-прежнему малозаметно, но всё ещё прочно, готовые вобрать и укрыть своими старыми стенами истории новых поколений, их рождение, взросление, старение и смерть.

Арий стоял у окна, держался за ручку, как будто тяжело висел на ней и, не отрываясь, смотрел на передвижение людей у соседнего дома. Он думал: «В какой момент включается пусковой механизм приговора?.. В каком месте?.. В какой точке земли?.. В какой точке нашего организма?.. И почему человеку никогда этого не узнать?..».

Сам Арий жил в старинном, ещё дореволюционном шестиэтажном доме необычной планировки, с седьмым этажом в виде чердачного помещения или подобия мансарды. Этот седьмой этаж всегда пустовал, дверь его была вечно закрыта на ключ, и даже лестничная площадка перед дверью была отгорожена железной решёткой, запёртой на висячий замок.

Квартира Ария была на шестом этаже, и как раз от его двери и вела небольшая лесенка к пустующему, всеми забытому чердаку.

Дом этот никто и никогда не трогал, он пережил многие потрясения истории, а с ними – всевозможные вокруг застройки и перестройки, помнил приход сюда этих убогих пятиэтажек и теперь переживал их снос. Дому этому выпала длинная жизнь.

Арий родился, вырос и прожил всю свою жизнь в этой квартире и с детства помнил эту железную решётку, отгораживавшую чердак. В детстве ему казалось, что за этой решёткой скрыт какой-то волшебный, таинственный мир, и обитатели этого мира сами закрылись от всех на замок, чтобы за ними не подсматривали и чтобы не допустить незваных. Но с годами этот мир в воображении Ария стал тускнеть, меркнуть и наконец скукожился до своих реальных параметров, а именно – пустого, пыльного и холодного чердака. И Арий перестал его замечать.

Но теперь, спустя почти целую жизнь, Арий стал надеяться, что этот пустой и холодный чердак поможет ему сохранить имя человека, утраченного им навсегда. Теперь он вёл тяжёлую борьбу за разрешение выкупить этот чердак и ещё более тяжёлую – по зарабатыванию денег на его выкуп. Это длилось уже больше года, и бог знает сколько лет ещё будет длиться...

Наверное, пока Арий будет жив.

Долго Арий стоял так у окна, держался за ручку, мешковато висел на ней и наблюдал за передвижениями у соседнего дома.

Наконец он оторвался от окна, оглядел свою комнату, как будто вернулся туда опять, и устало поплёлся за свой рабочий стол.

Странной была эта квартира... Смесь музея кукол и мастерской по их изготовлению.

И странными были эти куклы... И не куклы вовсе были они. И играть в них было нельзя. Они были не для детей, а для взрослых. А ещё вернее – для тех взрослых, кто играть не умел никогда. Какие-то существа, почти люди, стояли, сидели, лежали по всей квартире. А кто-то из них тихонько передвигался.

Но лица их...

Удивительными были их лица. Детские, взрослые, стариковские. Смеющиеся, плачущие, улыбающиеся, гневные. Были насмешливые. Были печальные. Были – полные страха. Были – и горестные...

И одеты все они были по-человечьи. Кто богаче, кто – беднее. Кто роскошно, кто – нищенски. Кто современно, а кто – постаринному. В зависимости от лица.

Но была в этой квартире ещё одна, особая комната.

В комнате стояли только шкафы со стеклянными дверцами, и в этих шкафах сидели особые куклы. И сразу становилось ясно, что все они сделаны одними, особыми руками. Что отличить их можно из тысячи других, и повторить это не сможет никто.

Лица этих кукол выражали не только характер и их настроение, но видно было, что они состояли между собой в каких-то

только им известных таинственных отношениях, и лица их выражали те тонкости переживаний, которые и придают человеческому лицу его отношения с другим человеком... Там было всё: и поворот головы, и наклон туловища, и изгиб шеи, и жест руки... И смущение, и отчаяние, и мольба, и простая просьба... Было даже – молчание...

Да что там... Всё как у людей. Там был придуман удивительный механизм: один поворот ключа приводил в движение весь этот маленький организм – и он то семенил ножками, то приплясывал, то спотыкался, то хромал... То – обнимал руками... То – целовал...

И было понятно, что это сделано единственными в мире руками. Что человек посвятил этому делу всю свою жизнь. И этого человека – больше нет...

Арий сидел за столом, заваленным разными деталями, заготовками, материей, и создавал новую куклу. Иногда он тихонько что-то приговаривал. Как будто к кому-то обращался... Задавал вопросы... Ждал ответа... Получал его... Как будто – их здесь было двое...

Но никого в комнате больше не было. Ничьего голоса не было слышно. Арий был один...

Его руки что-то мастерили, подгоняли, примеряли, совершая привычные, но всегда новые движения, как всегда новой была тайна каждой создаваемой куклы...

А за окном совсем стемнело. И стоял напротив приговорённый на снос дом. И в темноте особенно чернели окна квартир, из которых уехали люди, и они не зажгутся уже никогда.

2

Кирилл сидел за рабочим столом Ария, помогал ему в работе и без слов понимал, в чём и когда именно нужна его помощь.

Арий преподавал в художественной школе, обучал рисованию, лепке, а самых способных обучал создавать эти непростые, странные куклы. Когда-то он обучил этому ремеслу и Кирилла,

и теперь, спустя много лет, Кирилл делал это мастерски. Кирилл был лучшим учеником Ария.

А самого Ария научила делать эти куклы женщина. Она придумала этот загадочный, таинственный мир, заселяя его этими странными куклами, и придумала механизм их существования. Механизм этот можно было всегда наладить, если он выходил из строя. Достаточно было только любить эту куклу – и починить. Она избавила их от смерти... И все свои куклы эта женщина оставила Арию. Он освободил целую комнату в своей квартире, заставил её шкафами и рассадил там куклы. Но их было очень много, места было мало, им там было тесно и совсем не хватало воздуха...

И теперь Арий был одержим желанием найти большое помещение, где куклам можно было бы построить уже навсегда прочный и уютный дом. И этот дом должен быть назван именем этой женщины.

И Арий в очередной раз повторял:

– ...Запомни, Кирилл, мне сейчас нужно как можно больше своих работ продать за границу. Иностранцы хорошо платят. На этом моём чердачке всё можно разместить – и музей, и студию для занятий. Только бы выкупить его, этот чердачок.

Кирилл, не отрываясь от работы, сухо сказал:

– Арий Михайлович, вы просто не представляете себе, о каких цифрах идет речь. Куклами мы этого не заработаем.

Арий как будто спохватился:

– А я найду себе заказ по отделочным работам в богатых домах. Теперь ведь мода на лепнину, мозаику, керамику и всякие разные там кренделя... Ты мне поможешь? Половину отдам тебе, а свою часть – в кубышку.

Кирилл улыбнулся:

– Боюсь, что нам с вами придётся прожить как минимум по паре жизней, чтобы выкупить ваш чердачок.

Арий вдруг прекратил работу, поднял глаза на Кирилла и тихо сказал, резко оборвав шутливую интонацию:

– Мне надо сделать её музей. Ведь ты это знаешь... Копейка к копейке, рубль к рублю.

Арий встал из-за стола и подошел к окну. За окном суетились люди, покидая пятиэтажный дом. Арий долго молчал, а потом стал говорить, как будто размышляя вслух:

– Вот снесут эти пятиэтажки, возьмутся лепить вокруг многоэтажные муравейники, пойду делать там ремонты. Да хотя бы и чёрные, самые простые, без божеств.

Арий взялся за ручку окна, по привычке повис на ней. И головой поник...

– ...Заработаю...

И как будто заклинал кого-то:

– ...Как-то надо заработать...

Кирилл продолжал что-то мастерить и спокойно сказал:

– Я помогу во всём, что понадобится.

Арий молчал, висел на ручке окна, наблюдал за отъезжающими людьми и как будто каждый раз вместе с ними покидал очередную квартиру.

Потом развернулся и пошёл к столу. Оглядел стол, сел и принялся за работу.

Они с Кириллом мастерили новую куклу.

3

Каждую ночь Арий входил в комнату для кукол, вынимал одну из них из шкафа, обтирал, отряхивал, подчищал ручки, ножки, личико и, приведя всё в порядок, возвращал её на место. И так день за днём, куклу за куклой.

Пока круг не замыкался. И тогда он начинал всё с самого начала. Возился, умывал, подправлял, иногда стирал одежду и содержал их в идеальной чистоте.

Он ухаживал за ними, как за людьми. И это продолжалось уже много-много лет. Каждую ночь. Даже если он был сильно переутомлён. Даже если был предельно измучен и едва волочил ноги. Даже если был болен и практически не мог встать с постели. Иногда, прикованный высокой температурой к кровати, он с ужасом думал, что не сможет встать, что не сможет добраться до соседней комнаты, до кукол. Но приходила ночь – он сжимался

в кулак, вставал и плёлся к ним, чтобы одну из них прибрать, обласкать и привести в порядок.

На них не должно было быть ни одной пылинки. Они должны были всегда сверкать чистотой.

Арий ходил каждую ночь на свидание...

К единственному на земле человеку. К единственной на земле женщине... И её куклы должны были сверкать его любовью, преданностью, верностью и заботой.

...Было очень поздно. Неподвижно стояла глубокая ночь. И никак не могла сдвинуться с места...

Арий сидел на маленькой скамейке посреди комнаты, где сидели куклы, и перед ним стоял уже пустой высокий стульчик для них.

Давно всё было закончено. Кукла сидела уже в шкафу на своем месте – умытая, опрятная, обласканная.

А Арий не мог сдвинуться с места, как не могла сдвинуться с места и эта неподвижная, каменная ночь...

Единственное, что шевелилось среди этой всеобщей неподвижности – это Ариеви губы. Они нащёптывали, сообщали и успокаивали: «Мусенька, ты только не волнуйся, я хоть и не крепок умом, но до чердачка всё-таки додумался. Осталось совсем малость – его выкупить. Но твой растяпа и это осилит. Чердачок будет твой. Обещаю тебе...».

И ещё что-то нащёптывал, сообщал, волновался, соглашался и не соглашался, успокаивал и согревал...

И тихонько пульсировало в воздухе: «Мусенька моя... Мусенька моя...»

Слышала ли она его?..

4

Арий часто приходил к своему племяннику Павлу. Это был сын его уже давно умершего старшего брата. Ария с братом почти ничего не связывало. Каждая их встреча всегда заканчивалась размолвкой, а чаще всего – просто ссорой. И даже кровные узы ничего тут не могли поделать. Они как

будто сделаны были из совершенно чуждого друг другу материала.

Но когда брат умер, Арий начал заботиться о племяннике. Давал ему денег. Помогал Павлу, когда тот женился на Нине, помогал, когда у них родилась дочь. Помогал растить её... И теперь помогал им, но уже порознь... Нина ушла от Павла и забрала девочку. Полдня она работала в школе, другую половину дня бегала по частным урокам, и Арий старался помогать ей, как мог. Давал деньги, часто возился с девочкой, кормил её, делал с ней уроки, учил её рисовать и ещё – обучал мастерить куклы. И стал для неё в одном лице – и отцом, и дедушкой, и учителем.

А Павел с юности всё никак не мог найти себе применения. Что-то начинал – не получалось, бросал, начинал другое – не клеилось, снова на что-то бросался – и опять всё как в песок... К тому же он пил. И это совсем путало его и сбивало с толку.

Арий жалел его, понимал, что исправить ничего уже невозможно, смирился с этим и время от времени приносил и ему денег. Павел стеснялся, отказывался, обещал когда-нибудь отдать, но ему самому никогда не хватало, да ещё он всё-таки что-то давал Нине на дочь.

Так они и жили – каждый по-своему маясь.

Когда Арий приходил, Павел бежал за бутылкой, даже если Арий ничего ему не приносил, а у самого Павла оставалось полкопейки. И Арий никогда остановить его не мог. А теперь уже и сил на это не хватало – ни душевных, ни физических.

...Арий сидел у Павла, перед ними стояла бутылка, и Павел долго и путано рассказывал про свою жизнь. Арий давно всё это знал наизусть, не вникал ни в какие подробности и даже моментами отключался и думал о своём. Но, когда возвращался, это его временное выпадение не мешало воспринимать рассказ племянника, так как логическая последовательность там отсутствовала, содержательная сторона была нулевая, и слушать это можно было с любой точки без ущерба для общей целостности повествования.

...Это словесное болотце булькало уже несколько часов, когда до Ария дошла тирада Павла, которую он никак не мог четко сформулировать – и от того, что смущался, и от того, что был пьян.

– ...Арий... дорогой... ты это... не мог бы мне... ты только не думай... Я обязуюсь... дорогой... знаю, что не заслужил... не доказал, что могу... но обещаю... Арий... дорогой... одолжи мне... это верное дело... Знаешь, впервые чувствую – верное... Ну вот веришь – чувствую... Всеми поджилками чувствую...

Арий слушал это бульканье и горько думал: «Господи, почему мы не можем просчитать на два шага вперёд, не можем измерить, не можем предвидеть, не можем рыть носом землю, не можем ясно увидеть цель, не можем просто обратиться к разуму, и ещё, и ещё, и ещё... много чего... Почему мы можем только одно – чувствовать?.. Что – мой бедный Пашка... Что – почти все, кого я знаю... Да и я сам, прости Господи, такой же...».

– ...Сколько тебе нужно, Паша?

Павел, заикаясь, мучаясь и блея, назвал сумму. Арий внутренне ахнул... Долго молчал...

– Паша, мне самому нужны деньги, ты это понимаешь?

Павел молчал.

Арий пытался достучаться до его сознания:

– Ты пьян или можешь воспринимать, что я скажу?..

Павел закивал головой:

– Ну что ты... Я – как стёклышко... Стёклышко...

Арий улыбнулся:

– Уж очень мутное стёклышко... Тоже мне – стёклышко... Но...

Попробуй собраться... Вникнуть... Мне тоже очень, очень нужны деньги... Не для себя... Для кукол... Её кукол... Понимаешь?..

Павел опять закивал головой:

– Да, да, дорогой... Не думай... Всё понимаю... Я быстро отдам... Клянусь тебе... Отработаю... Дело верное... Я чувствую...

Арий с досадой:

– «Чувствую, чувствую»... Хоть бы ты на время лишился всех своих чувств и просто что-нибудь посчитал... Ну как, как тебе давать деньги?!..

И Арий безнадежно махнул рукой, ощущая своё бессилие и невозможность отказать Павлу.

...Потом они еще долго так сидели...

Павел что-то булькал, булькал, а когда это бульканье затихало – наступало мёртвое молчание... Иногда Арий вставлял очень короткую фразу или даже одно слово. И то, и другое служило сигналом к возобновлению Пашиного бульканья, которое пузырилось, лопалось и хлопало почти до самого утра...

5

...Как это было давно... Целую жизнь назад... Альбомы с нарисованными Арием человечками – серьёзными, смешными, небывальными на земле, но всегда взрослыми. Среди них никогда не было детей. Весь рисованный мир был взрослым...

Каждый раз Арий отправлял себя туда – жизнь назад – и бродил там, петлял там... Мог вышагивать один и тот же кусочек времени десятки часов; мог растянуть кусочек улицы – на сотни километров, обмотать этим кусочком целый город, а городом завернуть как в одеяло всю пустынную, холодную, бьющую ознобом землю...

Арий ножницами вырезал нарисованных им человечков, заставлял их двигать ручками, ножками, поворачивать головку, улыбаться и плакать, печалиться и смеяться – оживлял и заставлял проживать жизнь...

А когда какая-нибудь из головок отламывалась – шейка была очень тонкая и непрочная, Арий плакал, убивался и клеем восстанавливал головку. Но время шло – и склеенная шейка снова ломалась...

Арий как будто держал в руках крохотную улочку и всматривался в трамвайную остановку на ней, железную скамейку под фонарным столбом и маленькую двухэтажную школу, где его учили рисовать. Эта школа была столь мала, что её два низких этажа раздваивались прямо с входной двери – одна железная лестница вела на второй этаж, где всегда развешивали рисунки учеников, а вторая, тоже железная, вела вниз, в полуподвальный

этаж, где находились классные комнаты с окнами, выходящими прямо на землю, из этих окон были видны только ноги проходящих мимо людей.

Арий помнил каждый закуток в этой школе, стены, вымазанные бесцветной краской, каждый класс, помнил, в каком из них окна выходили на землю, а в каком – окон не было вовсе.

...Господи, ведь это было как будто секунду назад...

Арий лепил из пластилина, из глины целый мир человечков. Они радовались, грустили, сутулились, горбились от горя... Иногда протягивали друг другу ручки, о чем-то прося...

Но проходило время – и пластилиновые человечки начинали постепенно мягчеть, стигаться; склонялись головки, обвисали ручки и подкашивались ножки. А глиняные – ссыхались, скукоживались, сплющивались и постепенно превращались в морщинистый, сжатанный комочек.

Арий сокрушался, горевал, но легко подправлял, делал ещё лучше, а часто создавал заново – в этом мире можно было улучшить жизнь, удлинить жизнь и даже повторить её заново...

...Господи, как давно всё это было... Целую жизнь назад...

Однажды Арий нарисовал женщину. Нарисовал её мелом на асфальте, прямо под окнами школы. Он страшно боялся за неё, боялся, что она сотрётся, всё выглядывал из окна и проверял, на месте ли... Он принёс из дома таз, держал его в школе и каждый вечер приходил и накрывал её на ночь... И так она жила под окнами школы, охраняемая Арием и накрываемая на ночь тазом. Но в одну ненастную ночь хлынул проливной дождь и долго лил и хлестал по земле... Как будто хлыстом подгонял и наказывал землю...

Арий прибежал утром к школе – таза не было, а на асфальте растекались кривые, грязные, мёртвые лужи.

Когда высох асфальт, Арий не сделал попытку нарисовать эту женщину ещё раз – он знал, что её снова смоем дождь.

И тогда он впервые понял, что на свете есть вещи, которые можно утратить навсегда.

Потом, спустя многие годы, Арий нашёл женщину – не нарисованную, не слепленную из пластилина, не вылепленную

из глины, а живую – и только забыл то, что когда-то понял в детстве: что её можно утратить и что её нельзя будет уже повторить.

...Господи, ведь это было секунду назад...

6

Кирилл не мог жить без железной дороги. Не мог жить без поездов. Помнил наизусть цвет каждого из них. Помнил наизусть их расписание. Это была – любовь...

Знали об этой странной любви только два человека – Арий и Нина.

Арий не понимал этого умом, не принимал сердцем и считал бессмысленной потерей времени, блажью. Но с годами смирился и терпел, даже тогда, когда был срочный заказ на куклу и они делали её вдвоём.

А Нина – Нина понимала это умом, принимала сердцем, но не потому, что сама это любила, а потому, что любила Кирилла.

Она потакала ему. И часто давала деньги на поездки, если их не хватало. Тайно от Ария. Старалась найти ещё один частный урок.

...Кирилл говорил, что тоже любит её...

Их отношения сложились после того, как Нина с дочкой ушла от Павла. Нина уходила от Павла в никуда и ни к кому. Она просто уходила от Павла... И жила с дочерью очень уединённо. Но потом возникли вот эти отношения с Кириллом. И Кирилл говорил, что тоже любит Нину...

Он часто просил её прийти на вокзал и ходил с ней по платформе взад и вперёд, встречая и провожая поезда, экзаменуя Нину в узнавании вновь прибывшего или отъезжающего поезда... Как он радовался, если она издали узнавала, какой из поездов приближается, и огорчался, если она ошибалась.

А Нина воспринимала их как часть самого Кирилла, не ощущала их отдельно от него и поэтому путалась в них – все они вместе, эти поезда, и были Кирилл, без него они просто не существовали – так какое значение имело, кто из них кто...

...Кирилл делал куклы сам, делал их с Арием, но заказов было немного, денег он зарабатывал мало, поэтому ездил редко, но на вокзал бежал в каждую свободную минуту. Часто бродил там один. Он знал на память даже цвета занавесочек в окошках разных поездов.

Нине трудно давалась эта любовь Кирилла к поездам и поездкам. Вечная работа, частные уроки, дочь. Она и к Павлу ходила помочь чем-нибудь. А зимой она ещё и очень мёрзла на платформах. Ей было холодно, она страшно уставала, приезжая туда к нему уже вымотанная. Иногда она жаловалась, что мёрзнет, но Кирилл её не слышал... Ведь он так радовался каждому прибывающему поезду и так печалился каждому отбывающему вдаль...

Долго они глядели вслед уходящему поезду, смотрели, пока не исчезал последний вагон.

...Нина любила Кирилла... А Кирилл говорил, что любит её...

7

Арий обучал Кирилла рисованию и лепке сначала в художественной школе, потом в институте. Он вкладывал в Кирилла всё, что тот мог взять от него, и даже то, чего он не мог взять, но что оставляло в нём след – какую-то душевную или художественную борозду... Арий лепил самого Кирилла. Пытался вылепить...

Он пытался это делать так, как когда-то его самого выучила и слепила та женщина, ставшая навсегда его единственным учителем и единственной любовью, чьи куклы у него хранились. И в память о которой он теперь мечтал создать ее музей.

Кирилл очень хорошо рисовал, хорошо лепил, и Арий понял, что с ним можно попробовать куклы. Кирилл увлёкся ими, и Арий начал терпеливо обучать его этому ремеслу.

Он часами с ним просиживал после основного урока и кропотливо приоткрывал и показывал тайну этой профессии. Задавал на дом какую-нибудь деталь куклы, часто бывал не-

доволен, заставлял переделывать, почти мучил Кирилла, но добивался нужного, одному ему известного качества. Как добивалась от него самого, Ария, только одной ей известного качества – та женщина. И Арий, обучая, старался никогда не понижать высоты этой планки, показанной ему когда-то и завещанной...

Кирилл научился делать очень хорошие куклы почти так же, как мастерски их делал сам Арий, но печать неповторимости, единственности и абсолютной узнаваемости руки лежала только на куклах той женщины, которую боготворил Арий, и священную память о которой, как казалось Арию, ему удалось передать и Кириллу.

Арий много рассказывал о ней. Он помнил всё, что она когда-то говорила... Он помнил её руки... Помнил каждый её жест... Да что там...

Арий пытался из воздуха, нечеловеческим усилием воссоздать её черты и показать Кириллу... Казалось, ещё чуть-чуть – откроется дверь класса, и она появится на пороге: воздух, пропитанный насквозь ею, материализуется и примет её облик...

Но она не приходила.

А Кирилл уходил с урока с полным ощущением, что их было в классе трое. И что он видел её, слышал ее, и что она тайно от всех хвалила его или была недовольна...

...После института Кирилл работал вместе с Арием. Они получали общие заказы. Делали куклы для театров, для частных коллекций, продавали за границу.

Потом Кирилл делал многое уже один. А что-то они делали вместе. Так и работали.

Иногда зарабатывали много. Иногда не было денег совсем. Кирилл тоже начал преподавать в художественной школе.

И казалось, нить никогда не порвется. И когда-нибудь это ремесло вновь будет передано уже в новые руки так же бережно, трепетно и надёжно, как это произошло с ним, Кириллом, а ещё раньше – с Арием – два поколения назад...

Была ночь...

Арий сидел на маленькой скамейке, а перед ним на высоком стульчике сидела её кукла, самая любимая, та, с которой всё началось – его потрясение, его обожание, его профессия и его судьба... Это была фигурка мужчины семнадцатого или восемнадцатого века, сидящего в резном старинном кресле и как будто что-то говорящего... На голове у него был спадающий длинными локонами парик, как носили в те времена, шейка его была обрамлена изысканным кружевным воротником; изящные ножки одеты в белые чулки и миниатюрные туфельки с серебряными пряжками; кисти рук утопали в пышных манжетах, а кафтанчик был украшен пуговицами, как казалось, из драгоценных камней.

Поражало изящество ног, аристократизм рук, породистость лица и его выражение... Но самое удивительное было то, как он сидел... Откинувшись на спинку кресла, одну ногу легко накинув на другую, а руки как-то разлетались в разные стороны – восклицали, доказывали и вопрошали... Говорил ли он с кем-то?.. Мечтал ли вслух?.. Сочинял ли?.. Поэзию?.. Музыку?.. Прозу?.. Или что-то вспоминал, переживая и проживая выстраданное все вновь и вновь?.. Кто это был – Гофман?.. Или его создание – Крейслер?.. А может быть, Шуман, поймавший летящего по небу Крейслера и превративший его из слова в музыкальный звук?..

...А нога всё время чуть приплясывала, перекинутая на другую ногу... А руки всё разлетались и парили... А глаза глядели так очарованно – и в глубину себя, и куда-то вдаль...

Но главное – в этой фигуре была свобода, летящая внутренняя свобода, которая своим вихрем окутывала этого небрежно сидящего человечка и делала его защищённым от всего мира и одновременно своей летучестью обнажала его, до боли уязвлённого этим миром, но всегда взмывала его ввысь, его – навеки сидящего в этом старинном резном причудливом кресле...

...Арий тогда стоял перед этой куклой, поражённый, окрылённый и обессиленный... Как будто сам создал этого человечка, выстрадал его и воплотил...

...Потом он очнулся. Начал искать табличку с именем автора этой куклы. Нашёл его и прочитал. Это было женское имя...

Арий метался, сразу не мог понять, как найти эту женщину... У многих спрашивал... Записывал какие-то телефоны, какие-то адреса... Звонил, извинялся, бегал...

И наконец нашёл её. Нашёл в другом городе. Приехал туда, разыскал адрес и пришёл... Увидел её куклы... Увидел её мир... И – почти задохнулся... Что-то изнутри раздвинулось...

И она взялась его обучать.

...Арий сидел на своей скамейке напротив этой поразительной куклы и тихонько разговаривал... Обрывки фраз можно было расслышать... Он что-то рассказывал... В чём-то уверял...

«...Я вымыл ему каждый пальчик, почистил каждый ноготок... Он много шептал мне о тебе...».

И ещё тише Арий объяснил, что же именно он нашептал... А потом так тепло-тепло: «...Я каждый пальчик ему поцеловал, как будто это были твои, Мусенька...».

И долго Арий ещё говорил тихонько с нею... Потом говорил ещё тише... И расслышать нельзя уже было ничего...

И только мягким облачком носилось по комнате, по всей квартире, да и по всей Ариевой жизни: «...Мусенька моя... Мусенька моя...».

...Потом Арий ложился спать. А потом наступал новый день.

9

Нина привела свою дочь к Арию, чтобы он позанимался с ней и просто посидел, а сама убежала на очередной частный урок. Она любила приводить девочку к Арию, очень ценила его, доверяла ему.

И всем своим существом чувствовала и видела печать какой-то тайны, лежащей на Арии...

Когда Нина еще жила вместе с Павлом, она многое прощала Павлу только за то, что он был племянником Ария. А уйдя от Павла, Нина ещё больше привязалась к Арию и даже как будто боялась его потерять. Особенно ей хотелось, чтоб он учил и воспитывал её дочь.

Девочка тоже была привязана к Арию. Его дом, его куклы, особенно та, волшебная комната, куда и все взрослые, и она сама, входили как в сказку; его речь, его рассказы были другим, непохожим миром, где было разное время – то быстрое, то медленное; были разные расстояния – то совсем близкие, то бесконечно далёкие... И главное – не умирали и никогда не могли умереть эти куклы... И никогда не мог умереть Арий...

Арий учил её рисовать, лепить, помогал делать школьные уроки и – в какой уже раз в своей жизни! – начал потихоньку обучать её мастерить куклы... Не задумываясь, упрямо, с каждым новым учеником он начинал всё сначала, скрупулезно и настойчиво, шаг за шагом передавая в новые руки свое ремесло.

Он учил рисовать, лепить, создавать куклы, а сам неизбежно лепил и создавал каждого нового ученика...

Нина сразу поняла это. И очень дорожила им и его заботой о них – об ушедшей от его племянника женщине и её дочери, заброшенных в хаосе трудностей, обыденности и суеты.

...Арий что-то показывал девочке, у неё неожиданно получалось, Арий загорался, от него загоралась и она, ему казалось, что он видит проблеск необычного почерка, он приходил в восторг, хвалил её, но потом, всмотревшись, понимал, что это просто ловко схваченная его идея... Но он не падал духом, держался твёрдо, жёстко требовал и задавал ещё больше...

Они дружили и вместе продвигались вперёд. Трудно, медленно, со слезами, но – шли...

Девочка что-то мастерила, а Арий от усталости совсем как-то обмяк, встал и по привычке подошел к окну. Как всегда, одной рукой повис на ручке окна... Усталость ли всего дня

передавал он этой железке?.. Или тяжесть целой жизни?.. Кто знал... Он и сам вряд ли смог бы объяснить это... Как будто сбрасывал на ручку окна груз, который уже никогда ни на кого не сбросить, кроме как на этот небольшой, незамысловатый железный крючок...

...Совсем стемнело.

В обречённом на снос доме светилось всё меньше и меньше окон... Во многих покинутых квартирах были выбиты стекла, сняты с петель двери, и чёрные сквозные дыры таких квартир делали весь дом как будто хрупким и холодным...

Один подъезд из четырёх уже полностью опустел, и из двери этого подъезда с верхних этажей накатывало и постепенно вываливалось наружу брошенное барахло. И казалось, что распахнутые двери этого подъезда и месиво перебитого хлама были испорчены брюхом какого-то убитого существа, из которого прорвались сгнившие внутренности...

Арий отошёл от окна и вернулся к девочке.

Она выполнила его задание, он похвалил её, они сложили весь материал, убрали инструменты, и Арий повел её на кухню пить чай.

Он что-то долго рассказывал ей, вскакивал, объяснял, восклицал и успокаивался... Она его перебивала, он отвечал ей, потом она опять его перебивала...

Совсем поздно прибежала Нина. Вернее – приплелась.

Арий накормил её, помог собрать девочку, собрать её вещи и пошёл их провожать.

Вернулся... Вымыл всё на кухне. Потушил свет.

Было уже очень поздно...

И Арий пошел в комнату, где жили её куклы... Одну из них ему надо было прибрать. И ничто в его жизни, никакой катаклизм в мире не мог помешать ему сделать это...

А ведь ещё... ещё ему всегда удавалось пошептаться с нею... Пожаловаться ей... Получить совет... Попросить прощения...

И признаться в любви...

И поцеловать ее куклу – как будто он целовал её...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Нина стояла на кухне у Павла и скребла какую-то сгоревшую у него кастрюлю. Она изредка приходила к нему что-нибудь отчистить, отмыть и просто приготовить еды.

Павел влез в новую денежную авантюру, да ещё взял под это Ариевы деньги. У Павла мало что пока получалось, и он, как всегда, терял энтузиазм, кис и потихоньку заливал эту тощую кучу хаотичных и почти случайных действий водкой.

Нина жалела его, старалась хоть в чём-то помочь и всегда помнила, что это она ушла от него, что он не хотел разрыва, хотя ничего не сделал, чтобы удержать её.

Нина чистила кастрюлю и почти не слушала то, о чём рассказывал ей Павел, потому что не разбиралась в этих делах, да и сам Паша так путано всё рассказывал, что вряд ли понимал логику своего повествования. И советовать ему было бесполезно – не он направлял ход развития событий, а само течение этих событий ставило его перед тем или иным фактом, уже свершившимся или совершенным другими людьми, так что действовать было уже поздно и бессмысленно...

Нина знала, что так будет всегда. Что другим Павел никогда не будет. И уповать надо только на одно – чтобы с ним не случилось какой-нибудь беды. И жить с ним Нина не хотела. Не потому, что он не зарабатывал толком, не потому, что они вместе месили это безнадежное, тяжёлыми пузырями хлопающее бытовое болото, и даже не потому, что он пил, а только потому, что между ними были какие-то совсем бесцветные, совсем безликие, совсем бездарные отношения, как будто никаких отношений и не было вовсе...

Нина что-то готовила, почти не слышала, о чём говорил Павел, но вдруг до неё долетело имя Кирилла. И она прислушалась... А Паша плавно, не торопясь, переходил от одной темы к другой, без видимой связи между ними, говорил тихо, медленно, тягуче, и так без всякой связи он выбрал на отношения Нины с Кириллом.

И он говорил:

– ...Ты думаешь, он тебя любит... Хрен он тебя любит... Вертит тобой... Играется, как играется своими куклами... Думает, что ты тоже кукла... Всё мешает в кучу – и кукол, и людей... Короче, использует он тебя, и точка...

Потом он вдруг потерял эту тему и перешёл к другой, не меняя интонации, не меняя темпа и не меняя громкости голоса...

Потом наступала на время тишина...

Нина не отвечала. Не отвлекаясь, что-то делала руками.

Помолчав немного, Паша опять начинал обсуждать какую-то тему, пытаясь что-то объяснить, хотя никто от него никаких разъяснений не требовал. Говорил так же плавно, медленно, тягуче, как будто бесконечно ворочал тяжёлое, неподъёмное колесо, и это колесо на своём пути цепляло разные темы. Цепляло по нескольку раз одни и те же... И опять зацепило Кирилла. И снова до слуха Нины дошло его имя... И Павел говорил:

– ...Кирюшка не любит тебя... Он и Ария не любит... Ария, который выучил его всему... Выпестовал его, в люди вывел... Уму-разуму научил... Половину своих мозгов в его пустую головёшку вставил... Кирюшка и Ария не любит... Себя только любит... Себя блюдет... А ты думаешь – он тебя любит... Хрен он тебя любит, только использует...

Павел истоичился и опять потерял эту тему... И начал говорить о другом, но это уже не долетало до слуха Нины, так как там не было имени Кирилла, а ничто другое из уст Паши не задевало её.

Становилось поздно...

Пашино словесное колесо медленно переваливалось, совершая свой круговорот... Нина уже собралась уходить.

Но колесо опять зацепило имя Кирилла, и Нина услышала:

– ...Кирилл тебя не любит... И я не сумел тебя любить... Любить надо так, как Арий, вон, свою любит... Как он нянчится с ней... Да и что теперь... Это он теперь так... А что было тогда?.. Бог знает, как оно было... Любить надо – при жизни... И нянчиться при жизни... И сказать надо всё успеть – при жизни, а не после

смерти... После смерти – что? – одно сотрясение молекул воздуха... Кому это надо?.. Кого этот воздух греет?.. Разве что нас самих?..

Так ворочал своё колесо Павел. Ворочал, ворочал...

А Нина тихонько всё прибрала, попрощалась и вышла, сама заперев за собой входную дверь.

2

Арий мастерил новую куклу. Напротив сидел Кирилл и помогал ему. Они понимали друг друга по мельчайшим движениям. Это был алфавит пальцев, слова жестов, диалог четырёх рук. Они подолгу молчали, но разговор их рук не прекращался ни на минуту...

Какое создание лепилось их руками?.. С каким лицом?.. С каким выражением глаз?.. С каким характером и нравом?..

Две души лепили одну душу...

Они прислушивались к языку своих рук, ловили их слова на лету. И – понимали друг друга. В ремесле, в искусстве, в жизни...

Думали оба – что понимают...

Кому из людей выпадает эта редкая дорога понимания?.. Что это за люди? С большой душой? С большим умом? Или просто удачники?.. А может быть, у одного из них хватило и души, и ума, и таланта на двоих? А другой оказался просто счастливым?..

Чем надо заплатить за эту дорогу? Или она даётся в дар? И как сохранить её? И не наткнуться на непреодолимую колдобину, которую не сдвинуть, не обойти, не перепрыгнуть? Не понимая притом, что эта колдобина – не результат слепой неуправляемой стихии, не результат чьей-то чужой и враждебной воли, а всего лишь – одним из них сочинена... Арий и Кирилл понимали друг друга. Как когда-то понимали друг друга Арий и его учитель – та женщина, что стала его единственной любовью... У Ария с ней было понимание... До того момента, до той

колдобины, которую они не смогли сдвинуть с места, не смогли перепрыгнуть, не смогли обойти.

Вернее, один из них не смог, а другой не в силах был прыгнуть за двоих.

Уже глубоко было за полночь... Стояла тишина... Только слышно было, как шуршат и перекликаются четыре руки...

Не прекращая работы, Арий почти шёпотом сказал:

– ...Я нашёл заказ. Чёрная работа – просто дорогой ремонт: потолок с лепниной, стены – с какими-то узорами, полы как в Эрмитаже, короче – каприз очень богатых людей. Работа, судя по всему, каторжная. Но хорошо заплатят. Я взял. Уже договорился. Пополам – одна половина тебе, другая на выкуп чердака. А себе на жизнь что-нибудь придумаю. Может быть, удастся продать вот эту куклу... Но ты об этом не думай... Главное – не загнаться на этом ремонте и выкупить чердачок.

И опять стояла тишина... И опять слышно было только, как шуршат и шепчутся четыре руки...

Создавалась новая кукла. Как раз мастерилась её голова. Упрямо посаженная, с жесткими прядями волос разной длины. Колким и зорким взглядом. Пока только голова... Потом лепятся руки... Какими они будут?..

...И когда совсем светало и отступила ночь, Арий встал, подошёл к окну, как всегда повис одной рукой на железной ручке и сказал:

– ...Выкупим этот чердачок, откроем её музей, организуем студию, будем вдвоём с тобой обучать мастерить куклы... Дожить бы...

...А за окном в рассветной серости стоял обречённый, наполовину уже пустой дом и тревожно вздрагивал оставшимися, ещё зажигающимися окнами, которые начинали свой новый день...

Последний ли?..

3

Это было очень, очень давно... Был грязный, мокрый двор. Было совсем темно.

Арий стоял с каменно сложенными на груди руками, в глазах его была железная задвижка, а голос был серый и ровный, как кусок серой и ровной проволоки...

Перед ним стояла маленькая женщина – та самая, которая подарила ему свою профессию, душу, да и всю свою жизнь...

И Арий говорил:

– ...Мне всё объяснили, раскрыли глаза... Какие куклы? – двадцатый век... Мужчина, играющий в куклы и не имеющий денег... Я заболел от всего этого... Начал колотиться... Моя болезнь – от тебя. И мне сказали: ты – ведьма, колдунья, меня приворожившая. Я болен... Я ничего не могу и не умею... Я сижу на наркотиках. Я не могу от них избавиться... И у меня нет денег... Ты меня сломала... Виновата ты... И больше никто.

Женщина осталась неподвижной, не сказала ни единого слова.

...Земля продолжала медленно совершать свой путь вокруг Солнца... Мир не опустел, страны и континенты оставались на своих местах. Моря и реки не высохли. Природа, люди, звери и птицы не вымерли. Дома не рухнули.

Двор этот стоял такой же грязный и мокрый. Ни светлее, ни чернее – не стало.

Было – темно...

...Женщина стояла неподвижно, не произнесла ни единого слова.

И только подумала: «Господи, прости его... Он не ведает, что творит...».

Арий тоже молчал, а потом сказал тем же серым проволочным голосом:

– Идём, я провожу тебя домой.

И они пошли рядом...

Бог знает сколько времени прошло, пока эта женщина оказалась дома... Что было со временем, что было с пространством?.. Во что они превращаются в такие мгновенья?.. Во что-то бесформенное, рваное, бессмысленное и просто лишнее, что хочется смять в комок и, не глядя, разжать пальцы и выпустить...

...Тогда, глубокой ночью, эта женщина сидела у своего рабочего стола. Одна. Ничего не делала. И тут только начала что-то чувствовать. От силы удара плавилась вся окружающая её реальность, плавилась предметы, растекались по квартире и теряли свой облик. Женщина не могла ничего узнать – весь мир был неопознаваем. Она знала: делать что-либо бессмысленно. Да и не могла. И осталась сидеть на этом стуле, за этим столом до утра...

...Сколько времени прошло с тех пор?.. Никто уже не скажет... Женщины той давно уже нет в живых...

А для Ария – этот вечер был секунду назад и будет длиться вечно. Этот вечер стоит за его спиной и по сей день. И Арий знает – так нужно, единственно можно. С этим надо жить. Никогда не забывать. Да ему и не забыть этого позора, стыда и убийства. Его не испугать. И это – навсегда.

4

Уже вечерело, когда автобус привёз Кирилла и Нину к далёкому полустанку, откуда долго ещё нужно было идти до железнодорожного тупика. В этом тупике стоял очень старый, совершенно ржавый паровоз, рельсы под ним тоже были ржавыми, а деревянные шпалы почти все прогнили и отваливались кусками. Вокруг рос густой высокий бурьян.

Как Кирилл нашёл этот всеми забытый паровоз – одному богу известно, но когда-то давно он на него набрёл и время от времени возвращался к нему. Он любил его с какой-то щемящей нежностью, жалея его как дряхлого, прикованного к постели старика. Но сделать для него ничего не мог. И только приезжал к нему.

Кирилл начал возить к нему и Нину...

Этот железнодорожный тупик был далеко от города, ехать туда было долго, потом ещё долго идти пешком, а самым трудным было передвигаться по этим сгнившим шпалам, по рассы-

панним острым камням между ними, продираясь сквозь густые и высокие заросли.

Нина мучилась, острые камни врезались в подошвы, ноги подкашивались. Идти было очень больно. А идти надо было долго.

Наконец они подошли к этому паровозу.

Кирилл обошёл его со всех сторон, оглядел, прикоснулся руками, как будто поприветствовал его.

Поднялся по ржавым высоким ступеням, залез внутрь, даже заглянул в топку. И эти ритуальные действия он совершал каждый раз, когда приезжал на встречу со своим стариком.

Тоска, заброшенность, запущенность и забытость этого места были невыразимы. Тоска наваливалась всей своей безысходной мешковатой тяжестью на Нину, и Нина почти не справлялась с ней. Но она мужественно стояла среди этого колючего и дикого кустарника на колючих камнях и безропотно ждала Кирилла...

Наконец он вылез из паровоза, отряхнулся, подкатил большой камень, и они присели на него. Долго молчали.

Потом Кирилл начал тихо говорить:

– ...Арий взял огромный заказ на ремонт и отделку очень большой квартиры у богатых людей. Там тьма-тьмущая работы, причем черновой, самой грязной, низовой... Даже представить боюсь... Выравнивать стены, полы, перестраивать, планировку менять... Просто страшно – какие-то вещи никогда не делал, нужно будет соображать на ходу... Но платят дорого. Арий говорит, что половину отдаёт мне, а половину – на музей... Это его мечта. Для этого он и живёт, иначе давно бы загнулся, с его здоровьем...

Нина молчала. Умолк и Кирилл...

Совсем стемнело... Но Кирилл не поднимался, а значит, не могла подняться и Нина...

И опять он тихо заговорил:

– ...Нельзя ему делать самые трудные работы. Я не дам ему браться за них. Попробую вытянуть сам... Хотя бы получилось... Как он мечтает об этом музее. Не успокоится, пока не увековечит её имя, её кукол...

Потом он долго молчал...

Стало совсем темно и очень холодно... Нина тихо спросила:

– Может быть, пойдём?

Кирилл поднял голову, оглянулся, хлопнул руками по коленям, как он всегда делал, когда надо было подняться, и сказал:

– Тронемся...

И они побрели в обратный путь. И странно это было – Кирилл шёл впереди, не помогая Нине, даже не поворачивая голову. Как будто он был один. И не от чёрствости это было. И не от невнимания. Просто в этой своей любви к поездам – новым и старым, красивым и безобразным, в этой любви к рельсам, шпалам, далёким и бесконечным железным дорогам – он был действительно глубоко один. И этой любви с ним никто разделить не мог. Даже Нина – она любила его самого. И терпела...

Долго они шли по этим забытым железнодорожным путям. Шли медленно...

Иногда Кирилл оборачивался назад и смотрел на Нину, но делал это почти механически... А в душе уносил и берёг маленький пяточок на земле, забытый и людьми, и богом, но хранимый в его сердце и спрятанный от всех...

Никого он бы не смог привести на это место.

Он не спрятал это место только от Нины, потому что она его любила... А он – говорил, что любит её...

5

Это была пустая огромная бетонная коробка, разделённая внутри бетонными перегородками. Из этого надо было сделать квартиру.

По углам рыхлыми кучами валялись мешки со строительным материалом, а с потолка хаотично свисали лампочки, покрытые строительной пылью. Арий с Кириллом уже больше недели работали здесь. Уставали до сумасшествия. Но внешне в этой бетонной коробке ничего не менялось. Это была та самая первоначальная стадия любого ремонта, которая длится бесконечно, а результат труда не виден никому, кроме самих работающих.

Когда усталость совсем накрывала, они переглядывались, как будто разрешая друг другу передышку, останавливались и подключали чайник. Долго сидеть не позволяли себе и опять принимались за работу. Всё было однообразно, серо и тяжело. И все эти дни, что они работали, в их представлении сбились, сплющились в один непробиваемый серый бетонный день, как и эти окружавшие их стены...

...Они сидели за табуреткой, которая изображала стол, в руках у них были бутерброды и кружки с чаем.

Арий говорил:

– ...С какой нежностью и благодарностью думаешь о своей профессии, когда вынужден делать что-то другое. И дело тут не в различии физических усилий...

Кирилл почти перебил его:

– Арий Михайлович, вы – старинный человек... Сейчас никто о профессии не думает, за редким исключением. Всё определяется деньгами, которые платят за какое-то твоё умение. И решает всё целесообразность, выгода, а не любовь к профессии. Не даёт одно дело деньги, значит, овладею другим. Вот и вся профессия...

Но Арий как будто не слышал того, что сказал Кирилл, и продолжал своё:

– ...И жалуешься на неё, и злишься, когда не получается, и мучаешься, что не хватает таланта... А иногда от отчаяния, что не выходит, хочешь всё бросить... Но проходит это безумие, и ты опять бежишь к своему ремеслу, как к единственному другу... Единственно родному пристанищу...

...Они молчали. Допивали свой чай... Темнело, и Арий включил тусклые, одинокие лампочки...

– Подъём, Кирюша... Пошли зарабатывать деньги. Как ты говоришь, своим умением, движимые целесообразностью и выгодой...

Арий вздохнул и как-то совсем потерянно добавил:

– Вполне вписались в современный процесс...

Кирилл видел, каким мучением было для Ария заниматься не своим делом, и жалел, что так холодно и отстранённо вмешался в его рассуждения о профессии...

– Арий Михайлович, ведь это – временно...

Арий молчал, с чем-то внутренне справлялся и, как будто что-то сбросив, сказал:

– Ты прав, Кирюша, я – старинный человек...

Потом Арий задумался, что-то вспоминал, и вдруг лицо его посветлело:

– «А я... Какое дело мне? Я верен буду старине...». Как сказал наш Пушкин...

Кирилл рассмеялся, обнял его...

Потом они прибрали кружки, чайник, каждый снова взял инструменты, и они разошлись по своим углам.

Работали почти до ночи.

Обычно возвращались домой молча – не шевелился язык, еле передвигались ноги, не поднимались руки...

Прощаясь, Арий совсем тихо сказал, как выдохнул:

– А ведь мы сегодня ещё на сантиметр продвинулись к нашему чердачку... Так?..

Они пожали друг другу руки, едва улыбнулись и, разойдясь в разные стороны, исчезли в темноте.

6

Только в те вечера, когда Нина должна была привезти девочку, Арий пораньше уходил с ремонта и торопился домой.

А Нина приводила дочь, несколько минут говорила с Арием и убегала на частный урок.

Арий кормил девочку, она ему о чём-то рассказывала, а потом они садились за рабочий стол священнодействовать. Арий мастерил новую куклу, а малышка помогала ему в мелочах.

Арий обучал её всем таинствам рождения нового, такого странного и причудливого человечка. Когда у неё что-то получалось, девочка ликовала, бросалась к Арию, целовала его и лепетала, что ещё немножко, и кукла будет готова. Но Арий её останавливал. Показывал, как много еще надо сделать, и работа продолжалась. Иногда у девочки ничего не получалось, она нервничала, начинала плакать, бросала всё, жаловалась,

что это нехорошая кукла, что они её никогда не сделают, что нечего тратить время и надо браться за другую куклу. Арий всё это спокойно выслушивал, не прекращая работы, а потом говорил:

– Хорошо, малышка, если ты хочешь бросить её, покинуть, оставить в одиночестве недоделанную, корявую и обречь на вечные страдания, то, пожалуйста, бросай. Но я её не брошу. Буду делать один. Она не может быть брошена. Хоть один человек должен остаться ей верен...

Девочка ходила из угла в угол, дулась, подбегала к окну, рассматривая проходящих мимо людей и делая вид, что ей всё безразлично. Но потом потихоньку успокаивалась, искоса смотрела на Ария, заглядывала в его руки, которые что-то выдвигали, и не говоря ни слова, как будто с неохотой, плелась к столу, садилась, долго сидела, ничего не делая, и так же молча принималась за работу, переделывая то, что не получилось сразу.

Так Арий терпеливо обучал её этому ремеслу, так он терпеливо обучал её и человеческим отношениям.

– ...Малышка, ты видишь, этому пальчику не хватает изящества, мягкости, он получился слишком прямолинейным, строгим, ну прямо какой-то указующий перст. Нет, тут должна быть неуверенность, сомнение, робость и – кокетство...

Девочка подхватывала:

– ...Как будто ей хочется поиграть с кем-то, но она стесняется предложить... Так? Так?..

– Ну, конечно, малышка, ты – совершенно права...

И так – на линии пальца, на изгибе шейки, на наклоне туловища и ещё на множестве нюансов – Арий показывал ей характеры людей, мотивы разных поведений, всевозможные движения души... И говорил с ней, как со взрослым человеком...

– ...Видишь, вот делаем изгиб бровей. Он должен быть разным – одна бровь вскинута, вздёрнута, выражая удивление, быть может, даже негодование. А другая – чуть съёжилась, будто нахмурилась, насторожилась... А головку мы ей развернём только чуть-чуть, даже не вполборота, а так, как будто ей и хочется

заглянуть куда-то, но она не решается, и любопытно ей – но, может быть, даже боится увидеть что-то... А разворот плеч – уверенно устремлён вперед, как будто она и замечать на своём пути ничего не хочет... И волосы аккуратно, покорно уложены, и только одна прядь выбилась и печально повисла, прикрывая и ещё уменьшая боковой обзор...

Так фантазировал и говорил Арий. И реально воплощал это в рисунке бровей, в повороте головы, в укладке волос этой куклы...

...Каким многогранным, многозначным и просто живым должно было быть выражение лица этой куклы, если в одни только брови вкладывалось столько смысла?.. А ведь были ещё выражение глаз, их цвет, линия носа, изгиб губ и бесконечное количество деталей, которые и делали каждое лицо неповторимым, единственным... Так возникали эти куклы. Почти – люди.

И так обучал Арий Нинину дочь своему ремеслу. Да и по-пусту – жизни...

...Уже совсем поздно Нина прибежала за девочкой.

Арий напоил её чаем, помог им собраться и проводил.

...Он стоял у окна и, как всегда, тяжело повис на железной ручке... В обречённой на снос пятиэтажке загоралось всё меньше и меньше окон... Отселили уже и второй подъезд. Из распахнутой настежь двери вываливалось наружу брошенное, разрушенное от старости барахло. Оно накатывало как волной с пятого этажа, подхватывало кучи с других этажей и докатывалось до входной двери, увеличиваясь с каждым днём. Кто давал толчок этому лавинному движению рухляди, почему эти лавины увеличивались, одному богу было известно. Но горы около каждого подъезда всё росли и росли...

Днём к этим горам слетались целыми стаями птицы – голуби, воробьи, вороны. Они толпились и устраивали птичий базар – что-то выискивали, клевали, отбивали друг у друга кусочек и сопровождали все свои действия громким гомом...

С тележками сюда тянулись и люди...

Они взбирались на горы этого хлама, ворошили их, разгребали, вылавливали какое-то барахло, какие-то останки былой мебели, какие-то ржавые вёдра, кастрюли, банки и, нагрузив доверху тележку, перевязывали всё веревками. Еле трогались с места, тележки скрипели, наклонялись, кряхтели и мало чем отличались от той поклажи, которую везли...

А ночью, когда отступали и птицы и люди, сюда приходили собаки. Они перебегали от одной груды мусора к другой, взбегали на вершины, разгребали их всеми четырьмя лапами, вынюхивали и отыскивали что-то пригодное для себя, оставленное и не нужное ни птицам, ни людям...

И в такой последовательности всё происходило каждый день и каждую ночь...

Кто установил этот жесткий график дележки?.. По какому закону он был установлен?.. И как удалось достигнуть взаимного согласия?.. Никто сказать бы не смог...

В ночи барахло шуршало, шевелилось, а иногда что-то срывалось и глухим ударом шлёпалось на землю...

...Арий постоял у окна, прислушался к ночной собачьей смене, потом сбросил руку с железки и пошел в комнату с куклами. Пошел на своё, целый день ожидаемое и никогда им не отменяемое ночное свидание.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Поезд остановился. Кирилл и Нина вышли из вагона. Они возвратились из однодневной поездки в маленький областной городок, куда Кирилл, как всегда, потянул за собой и Нину. Далеко ездить он не мог – не было ни денег, ни времени, поэтому он при каждом удобном случае срывался хотя бы поблизости, осваивая постепенно все ближайшие крошечные города. В та-

кие дни Нина отводила девочку к Паше, и Паша возился с ней, как мог. А Нина, которая всегда мечтала о выходном дне, чтобы чуть отдохнуть, вынуждена была тащиться в глушь, бегать там целый день по едва вымощенным улочкам, вконец убивая ноги, смертельно уставая и часто уже не воспринимая мелькавшие перед глазами картинки. Но она всё терпела. Терпела, потому что это любил Кирилл.

А Кирилл старался обойти за этот день обязательно весь городок. Забегал во все дворы, во все закоулки, находил старые, полуразрушенные, заросшие бурьяном церкви; старенькие, вросшие в землю одноэтажные домишки с почти игрушечными покосившимися оконцами; поржавевшие, но всё еще работающие старинные колонки, из которых до сих пор набирали воду на окраинах таких городков. Все они были очень похожи друг на друга. Нина не могла бы даже отличить их. Но для Кирилла каждый из них имел своё лицо. Он выискивал и находил только ему одному ведомые отличия, какие-то детали, которые делали для него неповторимым каждый из этих городов. И он запоминал их на всю жизнь, почти с фотографической точностью, так что если бы пришлось показывать какой-то из них, Кирилл сделал бы это как человек, родившийся и проживший там всю свою жизнь. Он никогда не смог бы спутать эти города, как никогда не смог бы ошибиться и спутать поезда, которые привозили его туда, как, впрочем, и все другие поезда, курсировавшие по всей стране, в которых он не ездил, но которые знал наизусть.

И в эти поездки Кирилл никого не хотел брать с собой, кроме Нины. Да и некого было. Никто в его окружении не интересовался ни поездами, ни городами; люди, узнав об этой его страсти, открыто подсмеивались, и даже Арий с иронией говорил об этом. И только Нина не осуждала, не иронизировала, не мешала, а относилась к этому очень серьёзно, когда была возможность – ездила с ним, и когда у него совсем уже не хватало денег, а он вдруг загорался каким-нибудь полустанком, не имеющим обозначения на карте, она тихонько, хоть чуть-чуть, но добавляла ему на поездку.

Кирилл любил брать с собой Нину, потому что она безропотно бежала туда, куда бежал он, бегала столько, сколько бегал он, и внимательно слушала его бесконечные рассказы о маршрутах поездов, об узловых станциях, о вариантах проезда, о вариантах объезда, цене билетов, разных скоростях, часах прибытия и отбытия, и ещё, и ещё множестве других сведений, которыми полон мир железных дорог. Нина была единственным человеком, с которым Кирилл мог поделиться этими сокровищами...

Они шли по платформе, Нина от усталости еле передвигалась, а Кирилл неожиданно торопился и подгонял её, хотя всегда после таких поездок шёл по платформе неторопливо, даже замедляя ход, как будто хотел оттянуть момент расставания с поездами, платформами, вокзалами. Нина заметила эту его торопливость, но не стала размышлять об этом – мозги так же медленно шевелились, как и ноги, да и не хотелось ни о чём думать.

Они вышли из здания вокзала, пошли по улице, а Кирилл всё больше торопился, смотрел на часы и молчал. Это молчание тоже было неожиданностью для Нины, потому что обыкновенно Кирилл, не умолкая, говорил, перебирая и восстанавливая все подробности поездки, которые он не мог утратить и которые должны были храниться в его памяти уже всегда. Но Кирилл молчал. Нина отметила и это, но опять не затруднила себя размышлениями, быть может, инстинктивно боясь увидеть во всём этом что-то тревожное.

Совсем стемнело...

Они шли молча, Кирилл торопился, опережая Нину, и ей приходилось догонять его, чтобы идти рядом. Так они прошли уже полпути... У Кирилла в кармане зазвонил телефон. Он нервно выхватил его и как-то резко, почти рывком кинулся в сторону от Нины, как будто его что-то отбросило. И тут уже Нина вздрогнула. Никогда еще Кирилл не отходил от нее, когда звонил его телефон, никогда он не боялся, чтобы она слышала, о чём он говорит. Она знала о нём всё. А сейчас он рванулся от неё, как обожжённый. И вся тревога, не допускаемая до со-

знания в течение этого вечера, ударила в неё ровно с такой же силой, с какой Кирилл отскочил от неё.

Кирилл говорил с кем-то, и голос его издалека не был слышен, заглушаемый гулом машин, рёвом сирен и навалившимся городским гудящим воздухом. Нина шла вперёд. Не останавливалась. И через несколько минут Кирилл догнал её.

– ...Арий просит заехать к нему... На работу... На наш ремонт... Что-то там не получается... Он ведь сегодня там один, без меня...

Нина ничего не сказала, ни о чем не спросила его. Она знала, что он всё это сочинил.

А Кирилл продолжал комкано:

– ...Так что ты уж меня извини, я не буду провожать тебя до дома, поеду к нему...

Нина молчала. А Кирилл продолжал, нервно и сбивчиво:

– ...Вообще, я теперь буду гораздо больше занят... Арий недоволен, что я отлучаюсь... Этот ремонт съедает все силы и время... Но ничего не поделаешь... Надо зарабатывать...

Нина молчала. Она знала, что он обманывает её. Знала, что он много работает с Арием на ремонте, знала, что у него мало свободного времени, но ясно понимала, что всё это не имеет никакого отношения к раздавшемуся только что звонку. Кирилл ей лгал.

И Нина почувствовала, что всё вокруг, вся реальность, всё окружающее – начало плавиться...

...Тысячелетиями люди знают, что на земле есть смерть, обман и предательство... Тысячелетия нагромодили на землю горы смертей, горы обманов и горы предательств... Люди бродят по ним, видят их, приспособливаются жить... И вдруг случается одна-единственная смерть, один-единственный обман или одно-единственное предательство – и человек замирает, незащищенный, парализованный и сокрушенный... Как будто именно этот, один-единственный на земле человек не может умереть, не может предать и никогда не обманет...

...Нина сжалась. Теперь уже торопилась она. Ей надо было забрать дочь у Павла, надо было зайти купить что-то на завтра, успеть приготовить, проверить уроки, постирать... Надо было... Надо было...

Ей надо было дальше жить...

...Нина и Кирилл прошли вместе ещё часть пути, потом Нина сказала, что очень устала и остальную дорогу подьедет на транспорте.

Они попрощались, Нина пошла к остановке, а Кирилл на мгновение остановился, помахал ей рукой и тут же исчез, потерявшись в толпе.

2

Изнуряюще жужжала дрель. В воздухе тяжело висела едкая серая строительная пыль. Лампочки едва пробивались сквозь неё. Лица и руки у Ария и Кирилла были грязно-белыми. Они работали с утра до ночи, но сделанное было почти незаметно. И Кирилл от этого раздражался. Арий успокаивал его и убеждал в невозможности иначе заработать. Но Кирилл всё чаще жаловался и скулил.

От шума, пыли и тяжёлой работы у Ария ломило виски, болели спина и руки. Надо было прерваться, к тому же он прямо-таки глох от этого грохота. Арий махнул рукой Кириллу, и они отключили дрель. Стало мертвенно-пусто от вдруг оборвавшегося шума. Арий сел на табуретку. От усталости не хотелось ни пить, ни есть. Кирилл выдохся тоже. Они сидели друг напротив друга и молчали. Постепенно тишина начала оживать своим монотонным гудением, шорохами и обрывками звуков, пробивающихся сквозь окна.

Арий тряпкой вытирал лицо, шею, руки.

Кирилл, глядя куда-то мимо Ария, тихо сказал:

– ...Я же всё вижу... Наша профессия никому не нужна. Куклами интересуются единицы, и даже они уже мало в них разбираются, главное – большая да раскрашенная... Сколько осталось

людей, понимающих, чем такая кукла отличается от тех, что вы делаете? Со сложным характером, индивидуальными чертами лица?.. Да вы отпугиваете их...

Арий глянул устало на Кирилла:

– Кирюша, таких людей всегда было мало... Это и в жизни так, и в искусстве... Самому нести в себе что-то надо, чтобы воспринять талант другого.

Арий помолчал. И совсем тихо начал говорить, как будто уже давно размышлял об этом:

– ...Знаешь... Когда-то она... Она мне сказала: «Великое искусство всегда стояло на двух вещах – на великом страдании и великой неразделенной любви».

Арий осёкся, задумался и опять продолжил с горечью:

– ...Приходит новая эпоха... Эти понятия уходят из жизни... Какие страдания? Это эпоха культа уверенности, успешности, развлечений... А любовь... Любовь превращается в приятное проведение досуга... Вроде чаепития, продолжение застолья...

И совсем уж тихо-тихо Арий сказал:

– ...При чём тут искусство?.. Талант?.. И уж при чём тут наши с тобой несчастные куклы?..

Кирилл опешил. Арий сказал всё гораздо жестче, прямее и безнадежнее, чем думал Кирилл. Арий говорил то, что, наверное, давно им выстрадано...

Кирилл не знал, что на это ответить. А Арий вдруг сказал, будто укорял самого себя:

– ...Надо жить и умирать в своей эпохе...

Кирилл по-прежнему не знал, что сказать... В чем упрекал себя Арий?.. Или кого наставлял?.. Кому давал такой совет?.. Как будто человеку дано рассчитать это... И не перешагнуть в чужое время...

Долго ещё они оба молчали. Пусто-пусто было вокруг. И тишина опять как будто помертвела...

Потом Арий встрепенулся, встал, взялся за свои инструменты, и они принялись за работу.

...Арий безгранично доверял Кириллу. Знал, что никого в профессии удержать насильно невозможно. Да и нигде никого не удержать... Знал, что сам не сделает шага в другом направлении. И надеялся на Кирилла.

Поздно вечером, когда они возвращались домой, Кирилл говорил о новой кукле, которую заказали Арию и которую они должны были мастерить вместе, чтобы быстрее сделать. Кирилл говорил, что на эту работу не хватает достаточно времени, что надо больше сидеть за рабочим столом у Ария, и если надо, то за полночь, что они затягивают создание куклы. Говорил уверенно, твёрдо, как будто хотел стереть у Ария воспоминания об утреннем разговоре. Или бессознательно просил прощения – обещал быть вместе... В эту минуту он был искренен и верил в свои слова.

Арий понимал это и был внутренне благодарен ему.

Они долго стояли, не могли расстаться. Обсуждали куклу, фантазировали, придумывали её...

Потом договаривались о завтрашней работе, о ремонте. Потом – попрощались и разошлись.

Арий шёл медленно домой. И постепенно на него наваливалось ощущение, что он что-то или кого-то трудно, выбиваясь из сил, за собой тянет... Что это продолжается уже давно, и даже руки и ноги у него как-то отяжелели, набрякли... Он невольно остановился, обернулся назад... – но там ничего и никого не было... И руки его были пусты... Он засунул руки в карманы, заспешил, ускорил шаг и скрылся в темноте.

3

Поздним вечером после работы Арий приехал к Нине. Теперь, когда он был так занят, Нина с девочкой не часто бывали у него. А в этот вечер Арий пришел к ним потому, что накануне позвонил ему Павел и сообщил, что все его деньги и деньги, которые он одолжил у Ария, прогорели. Павла в очередной раз

обманули, или он что-то не так рассчитал, и он остался без гроша. Арий сообразил, что таким образом и Нина на дочь от него ничего не получает. И решил завезти ей немного денег.

...Нина поила его чаем, и они грустно говорили о Павле.

– ...И знаешь, ведь это было еще в раннем детстве, брат рассказывал о нём, а потом я и сам видел... Паша постоянно делал одни и те же ошибки. Его ничему не учили неудачи, он как-то забывал о них и начинал что-то другое, но по существу очень похожее. Снова напарывался на те же препятствия, опять разбивался в кровь. Как будто память не оставляла рубца, который бы предупредил о новой опасности или хотя бы учил быть настороже. Что это?.. Отсутствие инстинкта самосохранения? Отсутствие чувствительности к удару? Или пренебрежение к себе?..

Арий задумался...

А Нина сказала:

– Наверное, и первое, и второе, и третье... И ещё – безответственность перед собой, перед другими. Он же и в отношениях с людьми такой же... Мало что у него оставалось в голове, в душе... Не помнил хорошего, не помнил дурного...

Арий вскинул голову, с тоской в голосе сказал:

– Ох, Нина... Это же – память... Живёт в душе только то, что глубочайшим образом было пережито... Это не я подметил, Ниночка... Она... Она всегда повторяла: «Память – это глубина переживания...»

Арий, как всегда, был не один. Рядом с ним, незримо и держа его за руку, стояла маленькая женщина...

И Нина почти с завистью сказала:

– Вы – счастливый человек, вы никогда не будете один...

Арий долго молчал... Потом, не поднимая глаз, сказал с нескрываемой мукой в голосе:

– Только понял я это непоправимо поздно...

А Нина не отступала:

– Всё равно счастливый...

Она говорила это почти с упрёком. Как будто точно знала, что с ней ничего подобного никогда не случится. И была права.

Они долго молчали. Нина суетилась у плиты.

Потом заговорили опять про Павла. Нина сокрушалась:

– Как он теперь будет жить? На какие деньги?

– Не знаю, Нина... В очередной раз куда-нибудь устроится.

И опять влезет в какую-нибудь авантюру. Так и будем жить...

Потом Арий занимался с малышкой. Они лепили, рисовали. Потом они договаривались о её приходе к нему – она хотела ему помогать в работе над новой куклой. Арий обещал.

Уже около полуночи Арий начал собираться. Предстояло ещё оставить Нине деньги, что было всегда не очень просто. Много раз она наотрез отказывалась их брать, и ему не удавалось уговорить её. Много раз Арию приходилось придумывать всякие уловки; он изощрялся в уговорах, доводах и прочей словесной вязи – иногда получалось, иногда – нет. Но сейчас у него не было сил ни на что, ни на какие уговоры.

Когда он собрался и уже был у дверей, Арий положил деньги на тумбочку и тихо сказал:

– Нина, забери эти деньги, пожалуйста... У меня сегодня совсем нет сил на войну с тобой...

И, улыбнувшись, добавил:

– Не волнуйся, я теперь хорошо зарабатываю. Нарасхват – и ремонт, и куклы...

Арий подошёл к ней, обнял, потом поспешно открыл входную дверь и вышел.

А Нина от скорости происшедшего так и осталась стоять перед дверью... Потом почему-то переложила деньги с тумбочки на столик и почему-то сама села на эту тумбочку, стоящую у самой входной двери...

Она тоже – устала безмерно...

Кирилл вёл Нину по платформе вдоль поезда, который должен был вскоре уйти.

Было холодно, после дождя подморозило, и на платформе было скользко. Кирилл уже давно не встречался с Ниной, только звонил, отговариваясь своей занятостью, а в этот день с утра позвонил ей и попросил вечером съездить с ним на вокзал.

Нина всё бросила, перенесла вечерние занятия на другой день и побежала к нему.

На платформе выдувало как в трубе, было темно, очень скользко, и этот поезд был чьей-то чужой жизнью, чужим светом и теплом, и никакого отношения к уставшей и замерзшей Нине не имел.

А Кирилл ничего о себе не рассказывал и только долго и обстоятельно рассуждал о маршруте этого поезда, о его занавесках, салфетках, вазочках и цвете вагонов...

Нина понимала, что в жизни Кирилла произошло что-то очень серьёзное. Понимала, что осталась нужна ему только для вот этих, уже чрезвычайно редких, походов на вокзал. Боялась додумать всё до конца. Вернее, просто не проговаривала... Ведь он же говорил когда-то, что любит её...

А Кирилл шёл по платформе, жадно вглядывался во все стоявшие поезда, как в старых дорогих друзей, которых век не видел. Он теперь так редко мог вырваться к ним.

Ему – запрещалось...

Нина совсем замерзла и в душе уже не могла дождаться отхода этого поезда. Оставалось всего несколько минут... И тут Кирилл сказал, что хочет проводить этот поезд и идти за ним на край платформы. Нина даже не возразила. Знала, что это бесполезно, и что в случае её отказа он пойдёт один.

Она шла за ним и молча задавала себе один и тот же вопрос: зачем она здесь? Кто гонит её сюда? Ради чего она здесь мёрзнет?.. Одно она теперь понимала ясно – она больше не нужна ему, и даже сейчас он вызвал её механически, в силу многолетней привычки, не мог остановить в момент эту инерцию, как не могут остановиться сразу и эти длинные составы, и тяжело протягивают ещё какой-то путь до своей полной остановки...

Она чувствовала, что и это скоро кончится... И плелась за ним... Ей никуда с ним не хотелось, но сама, первая, она не могла отказать от этих, уже совсем бессмысленных для неё, походов. Ждала, когда он сам остановит этот тяжёлый состав...

Поезд тронулся, поплыл вдоль платформы, и Кирилл ускорила шаг, провожая его и как будто догоняя.

Так они дошли до края платформы. Поезд постепенно набирал скорость, начал удаляться, и наконец его последний вагон слился с окружающей темнотой и растворился в ней...

Платформа заканчивалась и уходила к железнодорожным путям крутым спуском. Кирилл побежал к нему. На спуске было очень скользко, и Нина сделала попытку остановить его и вернуться. Он отказался. Сказал, что хочет пройти по шпалам. И Нине пришлось ползти за ним. Она еле-еле спустилась, цепляясь за него, но он даже не замедлил шага, как будто торопился, как будто убегал от кого-то, кто мог его настигнуть и не пустить по единственно любимому на земле пути...

Было очень темно. Очень холодно. Они далеко ушли, и вокруг не было ни души...

Глухо и одиноко подал голос где-то вдалеке паровоз... А они всё шли и шли по скользким шпалам...

...У Кирилла резко зазвонил телефон. Он судорожно выхватил его из кармана и кинулся в сторону. Почти бегом. На ходу отвечал. В чём-то оправдывался, кого-то уговаривал. Увязал в этом... Будто был один, и Нины с ним не было.

А Нина уже повернула обратно. Она так замерзла и так измучилась, что всё это уже не было для неё ударом. Она потеряла чувствительность. И, не поворачиваясь к Кириллу, шла к платформе. И тоже – была одна...

Скользя, вскарабкалась на платформу и поплелась к зданию вокзала.

Наконец Кирилл догнал её. Извинился. Сказал, что ему звонили по работе. Но говорил в пустоту – Нина его не слушала. Знала, что он обманывает её. А уж что именно он на ходу придумал – не имело никакого значения...

Они вошли в здание вокзала, потом вышли в город. Было уже очень поздно, но Кирилл снова не провожал Нину домой. Торопился. Тревога не сходила с его лица. Боялся чьего-то гнева, как провинившийся ребенок.

Нина всё это видела, тихо попрощалась с ним и, не дожидаясь его ответа, нырнула в подошедший автобус.

А Кирилл кинулся в другую сторону. Почти бегом. Как будто не было ни Нины, ни его вокзала, ни его поездов, ни этого вечера. Как будто не было и всего его прошлого.

И кто-то приказывал стереть и саму память о людях, страстях, времени и всей его прожитой жизни...

5

Всё чаще и чаще Кирилл уходил с работы намного раньше Ария, говорил, что ему заказали срочно несколько кукол. Иногда он пропускал целый день, и Арий работал один.

Но Арий не сердился, не злился, потому что помнил – этот ремонт, этот тяжёлый заработок только ему одному нужен, это – только его забота, его боль, и ничего ни от кого он потребовать не может. В такие дни он работал непрерывно, старался сделать всё то, что они должны были сделать вдвоём.

И теперь, когда они работали вместе, Арий не сбавлял усилий, темпа, чтобы успеть как можно больше, зная, что в какой-то день опять останется один. Пытался опередить время...

– ...Арий Михайлович, да остановитесь вы... Всё, перекур...

Кирилл отложил инструменты, отряхнулся и мешком осел на табурет.

– У меня нет вашей работоспособности, выносливости...

Кирилл виновато улыбался. Арий остановился, вытер руки.

– Да, да, Кирюша, передохнём.

Арий понимал, что Кириллу торопиться незачем.

Они устроились у своего самодельного столика и принялись за чай.

Арий говорил:

– ...Работоспособность, выносливость... Да все мы ленивы... Что-то просто должно изнутри толкать...

И вдруг Арий засветился, рассмеялся:

– ...Как говорила она – мой незабвенный учитель: «Талант стегает». И это так, так...

Арий успокоился, задумался... Потом тихо сказал:

– Стегает еще любовь... Стегает долг... А что ещё?..

Помолчал и усмехнулся:

– Честолюбие – но это, пожалуй, плодотворно только в юности...

Арий долго молчал, потом добавил:

– ...А знаешь, наверное, ещё страх. Страх остаться наедине с самим собой – тогда и забиваешь себя работой. Изображаешь работоспособность, выносливость.

Арий едко улыбнулся. Будто говорил о себе и смеялся над самим собой.

– А впрочем, что тут философствовать...

И улыбнулся уже совершенно другой улыбкой, почти извиняющейся:

– Ремонт надо закончить в срок, как написано в договоре – вот такая реальность.

И они уже оба весело засмеялись...

...Поздно вечером, когда они возвращались домой, Арий предложил Кириллу зайти, посмотреть куклу, которую Арий уже давно мастерил один. Кирилл отказался, сказал, что торопится.

Арий остановился и, взяв за локоть Кирилла, остановил и его.

– Кирюша... что происходит?..

И Кирилл, будто сбрасывая с себя груз постоянных недомолвок, спокойно сказал:

– Я познакомился с женщиной...

Арий взял Кирилла под руку, и они снова зашагали. Долго молчали. Потом Арий тихо спросил:

– А... как же Нина?..

И Кирилл так же спокойно ответил, как давно затверженный урок:

– Нина... У нас с ней будут дружеские отношения.

Ария передернуло.

Кирилл продолжал:

– Я ей так и скажу.

Арий перебил его, почти умоляя:

– Кирилл, милый, никогда так не говори ей... Ты не понимаешь... Мал ещё... Ты себе не представляешь – для женщины это приговор... Смерть...

Арий замолчал...

Кирилл с настороженностью смотрел на него...

Арий опять заговорил, с трудом выговаривая слова:

– В юности я сам этого не понимал...

Опять осёкся... Потом – ядовито, горько:

– И лихо размахивал этим... Как флагом... Не понимая, что размахиваю приговором...

Кирилл молчал, не перебивал Ария. Понимал, что слышит что-то очень личное... Но пережить это с Арием – не мог. Всё было – чужим, незнакомым – чьим-то...

А Арий не унимался и почти упрашивал:

– Кирюша, только не говори ей так... Если будешь говорить, скажи просто о другой женщине... Только не говори ты ей этой пошлости про дружеские отношения – такой гадкой, липкой...

Арий нервничал, тяжело набирал воздух... Как будто что-то заново пережил... Как будто чего-то опять стыдился... И не мог себе до сих пор что-то простить...

А Кирилл молчал. Понимал, что с Арием это уже когда-то давно случилось... Но почувствовать этого не мог...

Как никто не может на мгновенье перешагнуть в старость и со стыдом и ужасом ощутить ошибки и жестокость когда-то в юности произнесённых слов...

6

Арий весь вечер просидел у Павла. Принёс ему денег.

Паша после очередной своей авантюры потерял и свои деньги, и то, что брал у Ария, и остался без гроша за душой. Устроился на временную малооплачиваемую работу, чтобы получать хотя бы какие-то гроши. Но на бутылку водки ему, как всегда, хватало. И когда пришел Арий, Павел тут же сбежал в палатку, несмотря на все уговоры Ария не делать этого.

И опять Паша ныл, причитал и сетовал на людскую подлость, на гнусность времени, на отсутствие удачи и на злую свою судьбу...

– ...Ну, веришь?.. Вот всё продумал... Всё рассчитал... Заручился поддержкой... Выпивал с кем надо... Вроде дело было в шляпе... И опять – бах! – и обвели вокруг пальца... Гады, как щенка кинули... Ну, веришь?..

Ну как тут было Арию не верить?! Он и так всё это знал наизусть. Заранее. Он прекрасно знал способность Паши все «продумать», «рассчитать», заручиться поддержкой. И уж в чём он совершенно был уверен, так это в абсолютной способности Павла выпивать, но только с тем уточнением, что выпивал он не с теми, с кем надо, а именно с теми, с кем выпивать не надо было вовсе. И это окончательно решало успех предприятия, задуманного Пашей так блестяще и с таким точным расчетом...

Потом Павел начал долго и нудно рассказывать подробности и детали проваленного дела. Но всё было так запутанно, так не сходилось одно с другим, так не клеилось и не выстраивалось, что Арий безнадежно махнул рукой, перестал вникать в рассказ Павла и невольно начал думать о своих заботах...

А Паша все говорил и часто, почти механически, подливал в стакан то себе, то Арию...

Арий всё глубже погружался в свою тоску, как вдруг до его слуха долетели имена Нины и Кирилла. Каким образом Павел перешел с рассказа о своих финансовых мероприятиях на Нину и Кирилла, как ему удалось смодулировать – одному богу было известно. Но Арий прислушался – и услышал всё ту же старую песню:

– ...Не любит Кирюшка Нину... А она, дурочка, верит ему... Надеется... Ну зачем она нужна ему? Да еще с ребёнком?.. Обманывает он её – вот и всё... Так и знай... Нынче была у меня... Что-то готовила у плиты... И вдруг гляжу – плачет стоит... Аж сердце сжалось... Так бы и убил его...

Арий чувствовал усталость и беспомощность. Ему были дороги оба – и Нина, и Кирилл...

– Оставь это, Павел... Не вмешивайся. Молод он ещё... Слишком молод... Разве в этом возрасте можно серьёзно любить?.. Быть ответственным?.. Я не оправдываю его... Просто – это невозможно...

Паша запротестовал:

– Но ты, ты же смог, тебе было столько же, как и ему сейчас...

Арий почти застонал, как будто Павел поджёг что-то:

– Паша... Что ты?.. Паша... Ты ничего не знаешь... Я тебе никогда этого не говорил...

И, не находя слов для определения чего-то, Арий бормотал и приговаривал:

– Что это было!!.. Господи, что это было!!..

Паша замер и всеми силами пытался сосредоточиться на лице Ария. Они уже много выпили...

А Ария будто понесло, как будто этим почти пьяным разговором вслух он мог остановить, заставить не произойти всего того, что случилось, как будто он мог вот сейчас, сию минуту, догнать, настигнуть, уничтожить того себя, молодого, как будто наконец настал час все исправить...

– ...Ты ничего не знаешь... Я предал её... Бросил... Говорил ей эту мерзость... Мерзость, что у нас с ней будут только дружески-профессиональные отношения... Потом постепенно скатился в яму... Был в страшном дерьме... Наркотики... Чудовищные связи... Болезни... Нищета... Вокруг – одни подонки... Но самое страшное... Самое страшное... Я обвинил её во всех моих несчастьях, во всём моём дерьме... Я ей это сказал прямо в лицо... Ей, которая всему научила, нянчилась как с ребёнком, тратила все свои деньги на меня, отказывала себе во всём, чтобы отдать мне...

И совсем захлёбываясь, Арий повторял как безумный:

– ...Я её обвинил во всех моих несчастьях... Я её обвинил... Сказал, что она виновата... Прямо в лицо... В лицо...

Он вдруг умолк. Как будто онемел...

Молчал и Павел. Его рука лежала на столе и на весу держала недопитый стакан, но поднести его к губам он не мог. Он тоже окаменел.

Тишина звенела назойливой, вьедливой нотой...

Арий долго не мог ничего произнести...

А потом тихо-тихо сказал:

– ...Она сумела тогда не умереть... Паша... Как она это сумела?..

И казалось, что Арий и сам по-настоящему понял это только сейчас...

И он продолжал:

– ...Она всегда говорила: «Как легко умереть и как трудно выжить...». Паша, она тогда сумела выжить... Не только выжить, но потом и меня вытащить...

Арий схватил руку Паши:

– Она опять тратила на меня все деньги, она вырвала меня оттуда... Я упирался... Меня в этой клоаке все предали, хотели засадить, чуть не убили... Она отстояла меня... Сберегла... Вернула в жизнь... Кормила...

Арий осёкся... Потом едко и горько сказал:

– ...Я всё принимал и при этом думал, что так и положено... Паша, Паша, я любил только себя... А ты говоришь...

И Арий опять замолк... Долго молчал...

А Павел, даже если бы и хотел что-то сказать, не смог бы. Онемел язык, онемели губы...

Арий долго-долго ничего не говорил. Потом собрался и сказал:

– ...Это много спустя... Когда было уже поздно... Я всё понял... Когда её не было в живых...

И как-то умоляюще глядя на Павла:

– ...Паша, Пашенька... Ничего лучше, драгоценнее, чем она, у меня в жизни не было... Да и вообще – кроме неё ничего не было... А после неё – и самой жизни не было...

И вдруг – совсем ошалело:

– ...Господи, почему у меня не было от неё ребёнка?.. Почему я не настоял?.. Сколько раз я потом задавал себе этот неизбежный вопрос!.. Господи, почему у меня нет от неё дитя!..

И опять он долго молчал...

Потом отпустил Пашины руку, взял сигарету и тихо сказал:

– Вот так, Павел... А ты говоришь – Кирилл не умеет, а я умел...

И он горько-горько усмехнулся.

Павел не мог произнести ни слова. В глазах у него стояли слезы... Потом они медленно покатались по щекам. Павел не боролся с ними. И даже не вытирал их...

Арий курил. Молчал. Он впервые говорил Паше об этом. И вообще рассказывал это впервые. Никто об этом не знал...

Но легче ему не стало. Стало ещё хуже. Ещё сильнее обозначилась зияющая пустота, и все слова, которые он произнёс, оказались – воздухом. Никто не воскрес. Они сидели вдвоём.

И Арий с режущей болью ощутил – словами не повернёшь всё вспять, не проживёшь всё заново, не поступишь единственно верно, не искупишь вины. И не поднимешь из мёртвых.

Зачем сказал?..

Зачем люди рассказывают о себе, о сокровенном?.. Что они ищут в своих рассказах?.. Что хотят словами возместить?.. Или, пока проговаривают, не так одиноки?..

Зачем люди рассказывают о своих несчастьях?..

Неужели надеются, что другой человек может взять на себя и понести хотя бы крупицу твоей беды?..

7

Кирилл позвонил Нине, сказал, что стоит недалеко от её дома, и попросил выйти к нему. Они давно не виделись, он не звонил и не звал её ни поехать с ним куда-нибудь, ни просто сходить в очередной раз на вокзал. Нина очень страдала. Понимала, что кто-то вошёл в жизнь Кирилла. Но её собственная жизнь и вечные заботы о дочери спасали её от отчаяния...

И вот он позвонил и попросил встретиться. Но она не обрадовалась, чувствовала, что он скажет ей то, что она уже давно сама знает. Судорожно собралась и пошла к Кириллу. Надо было пережить, отработать и это.

Он холодно поцеловал её и начал что-то невнятное говорить о том, что очень занят, много работает, почти без выходных, и между прочим сообщил, что познакомился с девушкой, что начал встречаться с ней и просит прощения у Нины за то, что не сказал ей сразу, так как не был уверен во всём этом...

Говорил он сбивчиво, стеснялся. Но старался произнести всё как можно равнодушнее, даже как-то отстранённо, будто речь шла о чём-то совсем не имеющем значения в их жизни. Как о встрече со старым знакомым, о которой он забыл ей сообщить...

Нина всё это знала. Много раз уговаривала себя, что это должно было случиться, что их отношения не могли продолжаться вечно, что он должен был когда-то уйти...

Но теперь, когда он сам сказал ей это, Нина стояла потрясенная, раздавленная, растёртая по земле... Всё окружающее плавилось... А голос Кирилла звучал как сквозь вату, и говорил он это, казалось, не о них, а о каких-то малознакомых людях...

Нина не знала, что сказать. Да и не могла...

Кирилл взял её под руку и повел кружить вокруг её дома, по дворам, закоулкам, улочкам. Опять начал говорить о своей работе, о том, как он загружен. Много и детально рассказывал о новой кукле, которую он мастерил вместе с Арием. Потом рассказывал подробно о ремонте, о строительном материале, о последовательности его укладки.

Кирилл прекрасно знал, что говорит всё это в пустоту. Что эта болтовня нелепа, неуместна и даже жестока. Но по-другому он не знал, как прикрыть молчание Нины, и громоздил эту бессмысленную тонну слов, чтобы завалить, замаскировать провал, пустоту между ними...

Долго Кирилл водил Нину в окрестностях её дома, как будто этой беспрерывной ходьбой и физической усталостью Нины хотел заглушить, унять боль, доставленную ей...

И так он всё ходил и говорил, ходил и говорил. Будто боялся остановиться. Боялся остановить ноги. Боялся остановить язык...

Наконец они выбрали на крошечный скверик.

Было уже совсем темно. Они поплелись по скверу и нашли всего одну скамейку. Сели. И так как ноги Кирилла перестали работать, язык начал двигаться с удвоенной силой. Кирилл боялся остановки движения и панически боялся молчащей пустоты... И он громоздил ещё больше слов, задавал ненужные никому вопросы, на которые не получал Нининых ответов, не обращал на это внимания, продолжал громоздить всё больше и больше слов, но пустота от этого не уходила, а всё увеличивалась, ширилась, отодвигая их всё дальше и дальше друг от друга.

Наконец она поглотила всю его речь...

Нина не слушала и не слышала его. Глядела куда-то в сторону. Далеко-далеко вдаль.

И Кирилл разом умолк... И наступившая вмиг тишина обрушилась на них, будто с грохотом рухнула вся гора слов, нагромождённых за вечер Кириллом. Он испугался...

А Нина ничего не заметила. Она не заметила, что он перестал говорить. Она не заметила наступившей тишины. Она перестала его уже давно слышать. Нина не слышала ничего сразу же после фразы о другой женщине...

Кирилл растерялся. Не знал, как поступить. Засуетился. Начал производить бессмысленные хаотические движения... Что-то искал в карманах...

Потом резко и испуганно взглянул на часы, поднялся со скамейки и потянул за собой Нину. Она, не повернув к нему лица, встала, и они быстро пошли в обратный путь...

Кирилл всю дорогу молчал. Никакие слова не имели ни малейшего смысла...

И когда они уже стояли у Нинино дома, Кирилл сделал то, от чего его так предостерегал Арий. Фальшиво улынувшись, Кирилл тупо и беспомощно произнес:

– Я надеюсь, что у нас останутся дружеские отношения... Мы будем друзьями... Ведь так?..

Нина ничего не ответила. Как-то странно посмотрела на него, не попрощалась и торопливым, нервным шагом вошла в подъезд.

8

Арий сидел за своим рабочим столом, а рядом с ним сидела дочь Нины. Он упорно и терпеливо обучал её, и девочка понемногу начала помогать ему с новой куклой. Когда у неё что-то не получалось, она хандрила, даже плакала, но Арий не раздражался, не злился, а бережно, с любовью успокаивал её и просил переделать всё сначала. И она переделывала. Иногда Арий незаметно делал что-то вместо неё и уверял потом, что это она сама так хорошо сделала. Он вселял в неё уверенность и веру, что она сможет всё.

Она любила этот рабочий стол. Стол, на котором было столько лоскутков из разных материй, палочек, металлических пластинок, разноцветных стёклышек, крошечных механизмов, пластмассовых шариков и много-много других загадочных вещиц, из которых постепенно получались головки, глазки, ручки, ножки, пальчики, ногти, реснички, воротнички, туфельки, платица, костюмчики, шляпки и весь-весь этот мир волшебных кусочков, из которых фантазией Ария собирался новый человечек.

Она любила и этот рабочий стол, и кукол, населяющих эту квартиру, и очень была привязана к Арию, слушалась его и старалась подражать ему во всём...

Так Арий начал обучать и растить уже третье поколение своих учеников. Вопреки непроходящей усталости, вопреки хронической нехватке времени, вопреки всеобщему скепсису. Да и всему враждебному его профессии духу времени...

Арий знал, что бы ни случилось с душами людей, с окружающим миром, он будет мастерить эти куклы до последнего лоскутка, до последнего гроша, на который он купит этот лоскуток, и до последнего его, Ариево, вздоха. Вздоха, с которым улетит в небо и дорогое ему имя...

...Так они просидели уже больше трёх часов, и Арию удалось и сделать новые детали, и чему-то новому обучить девочку.

Обучая её, Арий работал гораздо медленнее, и времени уходило намного больше, но он никогда не жалел этого времени и добивался от неё качественного исполнения этих крошечных заданий, очень затягивающих общий процесс создания куклы.

Арий много работал на ремонте, а Кирилл и вовсе перестал ему помогать с куклой, отговариваясь новым заказом. Кирилл всё больше и больше отдалялся от Ария, и даже в те часы, когда они вместе работали на ремонте, Кирилл молчал и только изредка говорил что-то, касающееся их совместной работы.

Поздно вечером Нина пришла за девочкой. Уставшая, голодная, измученная. Лицо осунулось, фигурка скукожилась. Как будто что-то изнутри съедало её. Арий это видел, чувствовал свою беспомощность и не говорил о Кирилле.

Они сидели на кухне, ели, пили чай. После – Арий помогал Нине собирать девочку, а потом он пошёл провожать их к троллейбусу.

Когда они прощались, Нина начала благодарить Ария за помощь, за занятия с дочерью, но он замахал руками, перебил её и начал шутить и смеяться, что, мол, делает он это из чисто эгоистических соображений – передать дальше своё ремесло, чтобы оно не погибло, и к тому же чтобы было кому обихаживать его куклы после того, как он благополучно отправится на тот свет, и ему там, на том свете, спокойно будет за них, и поэтому тут совершенно не требуется никакой благодарности. Арию удалось рассмешить Нину, она обняла его, он поцеловал девочку, и они попрощались.

...Было уже очень поздно, когда Арий вернулся домой.

И он сразу направился в заветную комнату, где за стеклом в шкафах стояли и жили его куклы. Арий пришел на свидание... Открыл дверцу шкафа и взял оттуда прелестное создание, печальное и улыбочливое. И тайна этого личика заключалась в том,

что при одном повороте казалось, что глаза грустные-грустные, а улыбка весёлая и лёгкая... А при другом наклоне глаза были смеющиеся, лучистые, а улыбка, напротив, горькая-горькая... И это происходило мгновенно, прямо в твоих руках...

Арий долго вглядывался в это чудо...

Вглядывался и восхищался, как много-много лет назад, когда увидел это впервые, хотя смотрел на куклу уже сотни раз, несколько десятилетий. Но каждый раз он заново с трепетом ждал изменения этой улыбки, перемены в этих глазах...

Арий бережно почистил ручки, протёр личико, расчесал волосы и прибрал платье. Поцеловал пальчики. Поставил на место. И запер на ключ шкаф.

Потом он взял маленькую скамейку, сел и долго сидел посреди комнаты, в окружении этих шкафов, населённых причудливыми существами, которые и были центром Ариевой жизни. Это были её куклы, и он помнил, как и при каких обстоятельствах создавалась каждая из них...

...Далеко за полночь Арий всё так же сидел посреди этой комнаты, с кем-то тихонько разговаривал, кому-то задавал вопросы, получал ответы, улыбался, смеялся, жаловался и негодовал...

... И долго еще, когда уже Арий вышел оттуда и потушил свет во всей квартире, долго ещё носилось в воздухе и разливалось шелестом по той комнате, по всей его квартире, да и по всей Ариевой жизни: «Мусенька моя... Мусенька моя... Мусенька моя...».

* * *

Арий стоял у окна, держался за оконную ручку и смотрел на останки пятиэтажного дома.

Все жильцы этого дома давно уже выехали, и местные жители разбирали его по частям. Растаскивали, что могли.

Вынимали целые окна, снимали балконные двери, кто-то вынимал только стекла, оставляя рамы, а позже другие уже забирали и эти пустые облупившиеся остовы. Были сняты и все межкомнатные двери.

Весь дом чернел сквозными навывлет дырами.

А горы хлама и мусора, которые вываливались из распахнутых настежь дверей всех трёх подъездов, становились всё больше и больше. И казалось, что это уже не хлам лежит у подножья дома, а сам дом – маленький, дырявый и продуваемый – привалился к огромным трём горам растущего и растущего барахла.

...С утра сюда прилетали птицы, целые стаи, воробьи, голуби и вороны. Они выискивали что-то, клевали и даже дрались между собой за найденное добро. Потом подходили люди – с тележками, сумками, рюкзаками – нагружали всё доверху и, еле передвигаясь, уносили, увозили и тащили, надрываясь, на себе. И только ночью сюда приходили собаки. И было слышно, как они рыскают, вынюхивают, лаются между собой, и чёрные тени их мелькали до самого рассвета...

А утром опять слетались птицы. Как будто спешили на всемирный забвительный и не захороненный труп...

И это повторялось каждый день. Очередность посещения свалки не менялась. Всё происходило строго по часам. И сбоя не было. С рассветом прилетали птицы, днем приходили люди, а по ночам рыскали голодные собаки, хрипло и устало обругивая друг друга...

Арий тяжело повис на оконной ручке, не отрываясь, смотрел на останки пятиэтажного дома, и всё никак не мог представить, что ещё каких-то несколько месяцев назад здесь обитали люди, смеялись и плакали дети, судачили и отживали свой век старики; бежала, кувырчалась, расшибалась и опять летела – сама жизнь...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Арий сидел на табуретке, серый от усталости и строительной пыли. В руках у него была кружка с очень горячим чаем, он грел кружкой руки и по глотку отпивал чай.

С потолка на тонком кривом проводке свисала тусклая серая лампочка, как и Арий, покрытая строительной пылью.

Уже несколько месяцев тому назад Кирилл отказался работать, и Арий на этом бесконечном ремонте остался один. Он работал почти без перерывов, выбивался из сил, но продвигался медленно. Не хватало людей – такую работу одному не осилить.

Арий грел руки горячей кружкой, и мысли его блуждали вокруг одних и тех же болевых точек его жизни – музей кукол, студия при нём, как отвоевать чердак... Как помочь Нине с девочкой?.. Что будет с Пашей?.. Да ещё – Кирилл...

Почему Кирилл бросил его с этой тяжёлой работой? Ради чего он бросил эту работу? И не виноват ли он сам, Арий, в его бегстве?..

И Арий так углубился в чащу этих густых и непроходимых вопросов, так долго блуждал среди них, не находя и даже боясь найти на них ответ, что совсем заблудился, отчаялся и как будто защищаясь и спасаясь, кинулся опростеть в прошлое, в ту дивную пору, когда он был совсем молод, и они с ней сидели за ее столом, она мастерилла своих человечков и вслух рассуждала о людях, о жизни, старалась чему-то научить его, от чего-то предостеречь... Быть может, пыталась оставить ему защиту на всю его жизнь вперед, когда её уже давно с ним не будет...

...Как-то она заговорила об умении себе запрещать... Говорила, что с этого начинается культура...

И он восстановил в памяти момент, когда она, отложив свою работу, подпирала рукой голову, смотрела как-то странно, будто мимо Ария, что-то обдумывала – и начала говорить тихо, неуверенно, как идут по канату, нащупывая каждый шаг...

– Наверное, культура... Это внутренние запреты...

Она задумалась. Молчала. Потом продолжила:

– ...Но и внутренняя свобода... Только человек внутренне свободный может следовать этим запретам...

Запнулась. Потом, немного помолчав, тихо добавила:

– ...И только следуя этим запретам, человек может быть свободным... И это люди знали и четыре, и две тысячи лет назад... И тогда же в главных книгах об этом было написано...

Тогда, столько десятилетий назад, Арий тяжело продирался в смысл этих слов, но с годами они всё чаще и чаще возвращались к нему в разных обстоятельствах, в отношениях с разными людьми; эти слова всплывали в сознании Ария как простое объяснение того, с чем так часто приходилось сталкиваться ему, на что так часто приходилось наткаться, напарываться, а иногда и расшибаться в кровь...

...Кружка с чаем совсем остыла. Арий медленно возвращался в сегодняшний день, в этот чужой ремонт, к сегодняшним своим заботам. Руки опять остыли. Надо было приниматься за работу. Он и так надолго отправился в прошлое... Он был на свидании... Неожиданно. Посреди этой разрухи, посреди тяжелых раздумий, обид... Стоило побывать у неё – и Арий успокаивался, находил точку опоры и сбрасывал отчаяние, накрывавшее его с головой...

Он отставил кружку, взял свои инструменты и принялся за работу.

Работал ещё долго, глубоко за полночь, несмотря на усталость, несмотря на то, что надо было ещё преодолеть дорогу домой. И всё чему-то улыбался. То ли видел чьё-то лицо, то ли опять слышал незабвенный голос...

2

Нина очень тяжело переживала уход Кирилла. Они не жили под одной крышей, но были вместе, у Кирилла кроме неё никого не было, и самое его сокровенное – поезда, вокзалы, поездки – он делил только с ней. Нина любила его, а Кирилл говорил, что любит её...

А теперь – он не приходил, не звонил, и она не знала, что с ним. Она знала только одно – Кирилл ушёл к другой женщине. Нина нашла себе ещё частных уроков, загрузила себя работой поверх головы, чтобы не было времени думать, вспоминать и даже чувствовать. Она целыми днями забивала себя работой, заботами о дочери, чтобы совершенно выжатой

ночью валиться в постель и сразу засыпать от усталости, не дай бог не лежать в темноте с открытыми широко глазами, не спать и оставаться наедине с собой, своими мыслями и страданиями...

Бегая по городу с одного урока на другой, Нина часто оказывалась в местах, где они бывали с Кириллом, или пробегала неподалеку от таких мест, или стояла в ожидании транспорта на остановках, на которых когда-то они стояли вместе. И каждая такая невидимая встреча с ним так надрывала её нервы и была для неё таким испытанием, что она начала избегать их, меняла маршруты, находила обходные пути, даже если при этом дорога увеличивалась, и времени на нее приходилось тратить намного больше.

Но еще сильнее её мучила неизвестность – она не знала этой женщины, не знала, как она относится к нему. Нина помнила, как в последние их совместные поездки он пугался, когда эта женщина звонила ему, как он торопился и бросался к ней по первому её зову, и Нина во всём этом чувствовала что-то недоброе. Нина любила Кирилла и боялась за него... Но позвонить первая не могла. Если бы он позвал – побежала бы. Но навязывать себя ему – никогда.

У Ария Кирилл тоже не бывал, редко звонил и говорил, что получил большой заказ на театральные кукол.

И вот как-то раз, поздно вечером, когда Нина уже уложила девочку и сама валилась с ног от усталости, раздался телефонный звонок, Нина вздрогнула, взяла трубку и услышала голос Кирилла. Да, это был его голос, но какой-то новый, другой, будто лишённый своей краски, выровненный и совсем чужой.

Сначала он спросил, как Нина, как девочка, а потом совершенно ровным и спокойным голосом, на одной монотонной интонации начал рассказывать, что уже давно обманывает Ария, говоря, что делает куклы. На самом же деле никаких кукол он не делает и вообще не хочет их делать уже никогда, потому что не видит в этой профессии ни малейшей перспективы заработать

большие деньги. Кирилл долго и пространно, явно с чужого голоса, говорил об устарелости, ненужности профессии кукольного мастера, говорил, что эпоха кукол и вообще штучного авторского изделия ушла в прошлое, впрочем, как уходит и вся эпоха оригинального индивидуального мастерства. Говорил, что время неповторимых талантов, о которых ему рассказывал Арий, закончилось, и на смену ему пришла потребность в усредненной массовой полезности. Поэтому он не хочет оставаться бедняком с этой профессией и взялся осваивать бизнес, который принесет ему в дальнейшем много денег.

Нина была потрясена.

И хотя в его словах и мелькала горькая правда сегодняшнего времени, но в его голосе, намерениях и выводах было столько холода, столько прагматизма и даже жестокости, что Нина испугалась. Кирилл становился совсем другим человеком, этим другим человеком его делала чужая женщина, повлиять здесь было невозможно, и Нина чувствовала, что это уже не исправить.

Потом Кирилл опять спросил у Нины, как её дела, посоветовал тоже бросить свою профессию преподавателя как абсолютно неперспективную в денежном отношении и найти себе какое-нибудь дело, приносящее деньги. Потом Кирилл снова перешел на себя. Говорил о своём бизнесе, о том, как ему сейчас трудно сбросить всю эту старую шелуху прежних лет и, как сор, вымести из своей головы всё, что ему с детства объяснял Арий. Говорил твёрдо, решительно и был уверен, что все эти трудности он сумеет преодолеть. Об Арии говорил как-то отстранённо, холодно и до обидного неблагодарно.

Потом ещё раз спросил о девочке, обещал звонить и – попрощался.

Нине он почти не дал говорить, ему это было неинтересно. Да она ему ничего бы и не сказала о себе. Он позвонил, чтобы говорить самому. Это был – сплошной монолог. Он говорил сам и хотел слышать только себя.

Быть может, именно потому, что нигде больше, ни в каких других местах и ни при ком другом ему это не удаётся. И при-

ходится слушать всегда других людей и их монологи. А самому – только молчать.

Нина положила трубку. Долго сидела не шевелясь, как раздавленная. Потом потушила свет и легла. Но в эту ночь уснуть ей не удалось, несмотря на всю её усталость. И она пролежала до самого утра, сжавшись в комок, думая о Кирилле, с грохотом его слов в ушах и с раскрытыми широко глазами, из которых текли слёзы почти всю ночь...

3

Уже несколько дней Паша лежал в больнице. Сдавало сердце.

В последнее время он хаотично метался в поисках работы, находил какие-то временные места, работал тяжело и много, а в просветах между всем этим пропивал почти полностью то, что так трудно зарабатывал. Попал он в обычную городскую больницу. Платить было нечем. Арию он позвонил только на третий день, когда смог подняться и дойти до телефона, который висел на площадке между этажами.

Арий взял отложенные на музей деньги и приехал в больницу.

В небольшой палате кроме Павла лежали ещё четверо больных. Железные старые кровати разделялись между собой старыми облезшими тумбочками с отвалившимися ручками и незакрывающимися дверцами. Было тесно, места не хватало для самого необходимого. На подоконнике стояли банки, кружки, тарелки и мешочки с какой-то едой. В палате был всего один стул, так что навещающим больных приходилось садиться прямо на кровать. Постельное бельё было серым.

У древнего старика в углу стояла капельница, и около его кровати сидела тучная седая женщина на том единственном стуле, который был положен этой палате.

Арий откинул простыню и сел на край кровати.

– ...Я привёз тебе деньги врачам и на лекарства. Наверняка здесь больные должны сами обеспечивать себя лекарствами. Почему ты сразу не дал знать? Как это случилось?

Паша осунулся, и цвет его лица был таким же серым, как и цвет белья, на котором он лежал.

– ...Знаешь, уже несколько дней до этого было как-то не по себе... Ныла вся левая сторона, ныло под лопаткой, но я ходил на работу, не хотел пропускать, ведь совсем недавно пристроился. Да ещё... Ты ведь знаешь... Выпивал на радостях, что устроился.

Арий его перебил:

– Ох, Паша, ты выпиваешь – и на радостях, что устроился, и на горестях, что устроиться не можешь... Как говорится, только в двух случаях жизни – когда дождь идёт и когда дождя нет... Неисправим...

Паша улыбнулся:

– Раскудахтался опять... Дослушай лучше... Ну и вот... Хожу так несколько дней, маюсь... А тут – с утра еле встал, но заставил себя, умылся, оделся – и пошёл... Прихожу на работу и чувствую – совсем худо становится... Как будто канатами перетянуло всю грудину... Ну, думаю, прихватило... Не успел подумать – а дальше и ничего не помню – бултыхнулся... Очнулся уже здесь, в палате, вот с такой штуковиной, как у того старикашки, то есть с капельницей. Врач говорит – сильный сердечный приступ. Как только разрешили ходить, так я сразу тебе и позвонил.

– ...Этих денег тебе пока хватит, а я через пару дней опять приеду. Что тебе привезти из продуктов?

Паша безнадежно посмотрел на Ария и сказал:

– Есть мне не хочется. Вот бы сигаретку... или рюмашечку... Так ведь нельзя. Хотя здесь не очень-то и смотрят. Зайдет врач с утра, разнесёт сестра в своей корзинке таблетки – и лежишь целый день, загораешь, хоть пачками кури, хоть литрами пей – никто не заметит – некому... Пустое отделение уже с двух часов дня. Смываются. И понять их можно – небось, на трёх работах мыкаются, всё перебежками – с одной на другую, с другой – на третью... Все мы так...

– Паша, с сигаретами да с литрами – ты это брось. Вот только этого не хватало, после такого приступа. Ведь просто помрёшь...

Паша устало усмехнулся:

– Не бойся, Арий, это я так... Понимаю я... Ясное дело – не буду... Не бойся, не сдохну... Еще попрыгаю...

В углу у старика заканчивалась капельница. Женщина, кряхтя, встала и тихо приговаривала:

– ...Пойду искать сестру... Пока найду да приведу... Не дай бог, закончится еще... Отключить же вовремя надо... Чтoб капелька воздуха не зашла... Воздух же...

И она грузно потащилась по бесконечно длинному коридору на поиски сестры...

– ...Паша, а что врач говорит, сколько они продержат тебя здесь?

– Сколько? Да нисколько. Подлатают и – домой. Сделают кардиограмму, увидят, что сердце ещё фурычит – да и выпихнут. Что им держать меня, какой с меня толк? Даром что бесплатная больница. Она и есть – бесплатная. А таблетки я и дома могу пить.

– Паша, я же тебе деньги принёс.

– Спасибо, Арий. Лучше бы ты мне чекушечку принёс. Шучу, шучу, не бойся...

– Ты так и не ответил, что тебе принести из продуктов?

– Ничего не надо. Ничего не хочется. Паёк здесь дают три раза в день. Не загнишься. Аппетита нет. Вот что, Арий... Ты Нине пока ничего не говори... А то кинется она и время будет тратить, и деньги... Ни к чему это... Обещаешь?..

– Хорошо, Паша. Я сам буду приезжать. А если она сама обнаружит твоё отсутствие дома, тогда и скажу. Не беспокойся.

Но Павел не унимался:

– А ты скажи ей, что уехал я временно, по работе...

– Ладно, ладно, Паша, не выдумывай. Я все улажу, соображу, что сказать.

Они ещё поговорили несколько минут, потом Арий встал, поцеловал Павла и вышел из палаты. Навстречу ему, тяжело переваливаясь, шла старая женщина и вела, как под конвоем, молоденькую медсестру...

После долгого молчания и почти исчезновения Кирилл начал звонить Нине всё чаще и чаще. Всегда говорил о трудностях своей жизни в бизнесе, о трудности переустройства своих мозгов. Нине он задавал всегда один и тот же общий вопрос о ней и девочке и получал на него один и тот же краткий ответ, который Кирилл часто умудрялся не дослушать и опять начинал говорить о себе. Но говорил он только о своих делах, как будто жил один. Сначала Нина не понимала, зачем он ей звонит – поехать с ним он не предлагал, да и вообще не упоминал об этом никогда, о личной своей жизни тоже ничего не говорил, и дела общего у них не было. Одно было общим – их прошлое. И Нине казалось, что Кирилл, каким он стал сегодня, вряд ли был чувствителен к этому. Нина не могла объяснить себе причину его звонков. Быть может, она ему напоминала о его поездках и поездках, и тогда это означало, что он уже никуда не ездит. Но она не спрашивала его об этом. А он – молчал...

И вот однажды он позвонил ей очень рано утром, почти на рассвете, чего никогда не было, его голос был раздражённый, речь – рваная, как будто ему хотелось сказать очень много, но он сознательно себя прерывал, сдерживал, умалчивал, чтобы не выплеснуть все сразу. Говорил, что очень устал, что не выдерживает этого напряжения, не справляется с этими расчётами всегда вперед на сто шагов, что почти не спит, и ему уже очень хочется куда-нибудь вырваться хотя бы на один день, но об этом нельзя даже думать, так как это ему категорически запрещено. Нина поняла, о ком идёт речь, но не переспросила, чтоб не вынуждать его говорить впрямую. Кирилл ещё что-то нервно и комкано говорил, потом наспех попрощался и положил трубку, даже не спросив, как Нина, и не извинившись за этот ранний звонок.

Нина ужаснулась. Впервые за всё это время Кирилл косвенно сказал о женщине, с которой он теперь живёт. И Нина поняла, что говорил он о самой болевой точке – эта женщина не

только не ездила с ним, не только не позволяла ездить одному, она вообще запрещала ему куда-либо ездить, и ей удалось добиться от него этого...

Кирилл не был властен, но был упрям, а уж в отношении своих пристрастий – просто непоколебим. Кем же должна была быть эта женщина, думала Нина, каким самодурством и даже жестокостью должна была обладать, чтобы суметь сломить Кирилла в самом дорогом для него, чего он не уступал ещё никому?..

И теперь Нина додумала уже всё до конца. Как будто это признание его о запрете на поездки вывело её из какой-то оторопи, открыло ей глаза на всё, что случилось с Кириллом. Эта женщина сумела вырвать Кирилла из привычной ему жизни, сумела заставить его бросить свою профессию – дело, которое он любил и которым занимался с детства. Она фактически заставила его предать Ария – человека, которому Кирилл был обязан всем своим воспитанием, образованием и многим еще в своей жизни, и она сумела заставить Кирилла отказаться даже от своей мечты и отдушины – своих путешествий. Нина понимала, что Кирилл отказался от самого себя – она перекроила саму его природу... И Нина в отчаянии думала о том, что эта женщина совсем его не любит, и что всё держится только на его любви к ней... Нина терялась. Ей было горько, больно, досадно за Кирилла. Она любила его...

Тогда, в то утро, Нина еле взяла себя в руки, механически собралась, подняла и накормила дочь, отвела её в школу и поехала на работу. Она делала всё безошибочно, как делала это каждое утро, но мысли её были только о Кирилле... Арию она ничего не сказала.

Нина трудно жила, бегала с работы на работу, бегала по частным урокам, занималась с дочерью, и, в придачу к уже устоявшемуся неизменному чувству боли и тоски из-за разрыва с Кириллом, в душу её начало закрадываться новое и будоражащее чувство тревоги и надвигающейся беды. Наверное, она и сама не могла себе объяснить этого... Но чувство уже не покидало её.

И не обмануло...

Кирилл позвонил ей и уже не говорил ни о каких поездках, ни о каком продвижении в своих делах, а говорил только об одном – о деньгах. Что их, как он выразился, надо делать всё больше и больше, что их постоянно не хватает.

Нина молчала. Сказать ей было нечего. Утешить его она не могла...

Но после этого разговора Кирилл начал звонить ей всё чаще и чаще, уже говорил впрямую, что эта женщина требует от него как можно больше денег, что ей не хватает, а он не может уже это потянуть. Кирилл жаловался, Нина слушала его и ничем не могла помочь, как будто была со связанными руками.

А потом Кирилл звонил ей уже почти каждый день, совсем не падал её, обрушивал на неё все свои страхи, волнения, трудности. Открыто говорил о боязни, что эта женщина бросит его, если он не будет ей во всем подчиняться и приносить много денег. Говорил, что измучен непосильной для него работой, вечными претензиями, упреками, скандалами...

Нина пыталась утешить его, уговорить этот поток негодования, жалоб и отчаяния, но реально помочь не могла. И от этого сама обессилевала... Но одно теперь она знала твёрдо – она ему нужна. Нужна, чтобы он мог выговориться, жаловаться и не оставаться один на один со своей бедой, издёрганностью и страхами, охватившими всю его жизнь...

5

Поздно ночью Арий сидел за своим рабочим столом и мастерил куклу. Заниматься этим он мог теперь только по ночам, так как целый день работал один на ремонте. Он изо всех сил старался работать там без перерывов и делать много. Ему платили. Но нужной суммы, с которой можно было бы идти и начинать разговор о выкупе чердака, не собиралось. Деньги тихонько таяли – на материалы для новых кукол, на Пашину болезнь, Нине на дочь, самому на жизнь... Какую-то сумму Арию удалось отложить, но этого было недостаточно.

Но как бы ни был изнурён за день Арий, он каждую ночь садился за рабочий стол и мастерил свою новую куклу. И как бы поздно ни возвращался домой, он делал хотя бы ещё одну новую деталь, и пока это не было готово, он не поднимался из-за стола, как бы ни хотелось спать. Да и сон куда-то отлетал. Создание куклы было его образом жизни и его душой... И сейчас в руках Ария рождалось забавное личико с игривой улыбкой и грустными глазами, в которых поблескивал насмешливый огонёк... Как будто Арий смеялся над самим собой, создавая этого шутника и контролера...

Была глубокая ночь, когда Арий поднялся из-за стола... Тишина напрягалась... Звенела... И казалось, что все в этом мире – и люди, и вещи – к чему-то прислушиваются...

Арий осторожно, будто боясь кому-то помешать, украдкой вышел из комнаты и пошёл туда, где его уже давно ждали и беспокоились, что он так долго не идёт...

Арий вошёл в заветную комнату. К её куклам. Он пришёл на свидание...

Здесь он мог отдохнуть, распрямиться... Здесь можно было опереться... Здесь было легче... И здесь была – она...

Сначала он, как всегда, подошёл к шкафу, открыл его, взял куклу, ожидавшую своей очереди, и посадил её на высокий стульчик. Подвинул к стульчику маленькую табуретку и сел. Протёр ручки, протёр ножки, легчайшим дуновением губ смахнул пылинки с лица, потом отряхнул одежду, расправил складки платяца и поправил прическу...

Когда же всё было сделано, Арий не стал её прятать в шкаф, он оставил её сидеть на высоком стульчике. Арий оставил её посидеть с ним... Он долго-долго смотрел на неё... Он помнил, как и когда она создавалась... Он помнил свой восторг, когда она получилась... Он помнил, что был тогда счастлив...

Арий слегка прикрыл глаза – и уже вместо куклы сидела она – маленькая женщина, которая и создала эту куклу, которая создала всех их, сидящих в этих шкафах, которая и его научила этому... И которая создала всю его, Ариеву, жизнь...

Арий улыбался, светился и плакал... И был... счастлив... Он видел её... Он говорил с ней... О чём он только не говорил с ней!.. О тайном, о самом важном, о горестях, о печалях, о пустяках, о глупостях...

И ещё, и ещё, и ещё о чём-то...

И сетовал, и возмущался, и надеялся, и строил планы... И был – счастлив, счастлив...

Откуда это слово?..

И вдруг, рассмеявшись громко, вспомнил, как давно-давно, совсем юным, он с ней сидел за столом, вместе мастерили куклу, и он сетовал и сокрушался, что на свете счастья нет, и как он в этом вопросе согласен с Пушкиным... А она, выслушав его, тоже громко рассмеялась и сказала, что в пушкинском: «На свете счастья нет, но есть покой и воля...», – к сожалению, всё оказалось ошибкой... Потом она перестала смеяться и, уже с какой-то извиняющейся улыбкой, начала говорить, как будто размышляла вслух... И тогда, столько лет назад, Арий никак не мог понять до конца, чем это было – выстраданным и глубоко продуманным опровержением или сиюминутной, сымпровизированной и озорной полемикой с Пушкиным...

«...Всё обстоит как раз наоборот. Во-первых, счастье – есть, но только что это? мгновение, крохотный, улетающий миг восторга... блаженства... взмывания ввысь, что ли... И бог его знает что ещё... И он, этот миг, не может ни при каких условиях длиться больше – взлететь человек, не имея крыльев, может лишь на мгновенье... И этих мгновений в жизни может быть даже несколько...». Она задумалась... И продолжала: «...Что же касается второго – а именно покоя и воли, так вот, уж чего безусловно на свете нет и быть не может... Какой покой? Какая воля? О чём это он? – восклицала она. – ...Какой покой? Когда постоянно заботы, тревоги – надо самому выжить, надо помочь как-то выжить своим близким, да ещё, быть может, что-то успеть сделать на этом свете... Какой тут покой?.. А воля? Какая воля? Какая свобода? О какой свободе он говорил?.. Свобода от кого? От родных, от близких?.. От совести?.. И наконец, от жёсткой и неумолимой конструкции самой жизни?.. Её реалий?.. Смерти?.. Так о чём же он?..»...

И с той же извиняющейся улыбкой и досадой заключила: «...Ошибся он, ошибся во всех трёх пунктах... Почему, спросишь?.. Наверное, иллюзия поэта... Устал очень... Или просто – всего лишь тридцать пять лет было ему... Наверное, в пятьдесят он этого уже не сказал бы...».

И добавила: «...Как жаль, что нельзя поговорить с ним – пятидесятилетним... Ах, как жаль!..».

Арий вспоминал всё это... Увидел ясно-ясно, воочию, как будто это произошло сейчас, секунду назад!..

И Арий опять, громко рассмеявшись, схватил её за руки и твердил:

– Да, да, родная, так и есть – я счастлив... счастлив... Но покой, воля – их нет, нет... не было, и быть не может... Ты совершенно права!..

Арий смеялся, заливался и сжимал её руки всё крепче и крепче...

Потом постепенно начал успокаиваться...

Возвращался назад...

И медленно приподнимал веки... Открыл глаза... Осмотрелся... Его руки крепко сжимали маленькие ручки куклы, сидящей на высоком стульчике. И вся она наклонилась вперёд к нему...

Арий поднял её со стула, поцеловал ей ручки и бережно отнёс в шкаф.

Потом вернулся к своей табуретке и сел...

Долго так сидел...

Что-то ещё вспоминал... Что-то бормотал... Задавал вопросы... И получал на них ответы...

И долго еще слышно было, как носилось по этой комнате, и отзывалось во всей его квартире, и летало над всей его жизнью: «Мусенька моя... Мусенька моя... Мусенька моя...».

Арий пришёл после работы к Нине, они сидели на кухне и говорили о Кирилле.

Все эти месяцы разрыва с Кириллом и почти исчезновения его из Ниной жизни она старалась избегать разговоров о нём с Арием. Да и Арию нечего было ей сказать – Кирилл редко звонил ему. И Арий, и Нина знали, что Кирилл живёт с какой-то женщиной и что он завален работой с куклами для театра.

Когда Кирилл вдруг позвонил Нине и сказал, что обманывает Ария и давно не занимается куклами, а занят каким-то другим делом, Нина скрыла от Ария эту правду, чтобы не травмировать его. К тому же она не представляла себе, как это сказать.

Теперь же, когда Кирилл звонил ей почти каждый день, жаловался, ныл, срывался, Нина всё-таки решилась рассказать Арию, что случилось с Кириллом. Нина боялась за Кирилла, волновалась, и ей больше не с кем было говорить о нём...

Арий в первое мгновение даже не поверил. Молчал, смотрел на Нину, не видя её, и никак не мог сообразить, что его ученик, почти сын, которого он всему научил, который прекрасно владел этим ремеслом, вот так вдруг смог всё бросить и заняться каким-то другим делом, совсем из другого мира... Да ещё обмануть его...

Арий замер, будто был оглушён и никак не мог справиться с ударом этого известия...

Нина сжалась, ничего не говорила, ждала, пока он сам что-нибудь скажет. Но Арий – молчал...

...Тишина давила, пульсировала... И время еле ползло, скрежетало, буксовало и останавливалось...

Наконец Арий опомнился и тихо-тихо, как-то бессильно начал говорить:

– ...Ну что же, Ниночка, это вполне в духе времени... Куклы... Куклы... Это – моя эпоха... Она уходит и, наверняка, уже навсегда... И вообще все это, на чём стояло искусство... Глубина переживания... Груз памяти... Чудо таланта...

И Арий безнадежно махнул рукой...

– ...Нынче – время коллективных развлечений, коллективных увеселений. А не уединенных переживаний... одиноких

раздумий... В этом всё дело... Куклы... Неповторимость каждого лица, своеобразие характера, его многозначность... Куклы... Почти – человеки... Зачем это сегодня?.. Да ещё связанное с их созданием мастерство, умение, талант художника и каторжный, вдохновенный труд!.. Господи, как задумаешься... Кому это надо?.. И кто в состоянии уже оценить, отличить подлинное от стряпни...

Арий нервно крутил на столе зажигалку. Закручивал её вокруг оси и пытался придать ей все больше и больше скорости... Как будто закручивал винтом само время...

Потом он взял сигарету, закурил и в какой уже раз произнёс свою беспомощную и невыполнимую присказку:

– ...Надо жить в своей эпохе и умирать в ней же...

Помолчал... И, горько усмехнувшись, добавил:

– ... Не выползая за её околицу... Вот только как бы это считать поточнее?..

Они долго молчали...

...И время постепенно сдвинулось с места и опять вошло в своё русло...

Потом они снова говорили о Кирилле. Арий вспоминал его лучшие куклы. Вспоминал, сколько кукол они сделали вместе.

Нина говорила, что виной всему эта женщина, что она его заставила бросить профессию, чтобы зарабатывать большие деньги. Говорила, что если бы он нашел в себе силы уйти от неё, то безусловно вернулся бы в профессию...

Арий слушал её, курил сигарету за сигаретой, открывал форточку, закрывал ...

Потом грустно сказал:

– Нет, Ниночка, все гораздо проще... Что ты винишь во всём её? Если бы Кирилл не хотел этого, никакая женщина не вынудила бы его уйти из профессии... Дело в нём самом... Значит, какая-то трещина была заложена изначально... Надавили – и лопнуло...

Арий задумался, улыбнулся:

– Наверное, это и есть естественный отбор...

А потом совсем помрачнел и глухо сказал:

– Самое ужасное, что он обманул меня... Что он не доверяет мне... Почему?.. Неужели я дал ему когда-то повод не доверять мне?.. Может быть... Может быть... Бог знает...

Они ещё долго, как-то по-стариковски ссутулившись, сидели и говорили о Кирилле. Но по-разному. Нина жалела Кирилла и сокрушалась, не зная, как ему помочь... Арий же копался в прошлом и всё никак не мог найти причину, которая дала возможность Кириллу не доверять и обмануть его. Больше, чем уходом из профессии, Арий был потрясён именно этим обманом...

А когда опять говорила Нина, он уже почти не слышал её... Всё заслонило видение его собственной юности... И в этом поступке Кирилла Арий, как в зеркале, увидел самого себя... Себя, когда-то предавшего женщину, которая была основой всей его жизни и в память о которой он спустя целую жизнь трудится в поте лица, чтобы создать музей её кукол, и её же куклами оставить память о ней на земле...

7

Кирилл позвонил Нине, сказал, что стоит около её дома, и попросил выйти к нему.

Нина испугалась, быстро оделась и сбежала по лестнице.

Было поздно, темно и холодно. Нина смотрела на Кирилла и глазам не верила. Перед ней стоял состарившийся мальчик, худой и бледный. Нина долго не видела его, и эта перемена её поразила. От неожиданности его звонка, от просьбы выйти к нему и от его вида она не могла вымолвить ни слова, и только стояла и смотрела на него, будто не верила в реальность происходящего. Кирилл понял это, старался улыбаться и шутить:

– Что, не узнаешь меня?.. Красавец стал, король?..

Нина молчала. Кирилл хотел ещё что-то сказать в шутовском тоне, чтобы как-то снять напряжение, но вдруг почувствовал ненужность и неуместность этого тона. Почувствовал глу-

бокую усталость... И, убрав вымученную улыбку с лица, тихо сказал:

– Спасибо, что вышла... Давай пройдемся... У тебя есть пятнадцать минут?..

Эти слова были уже человеческие, понятные Нине, и она сказала:

– Да, да... Конечно...

Они пошли от дома, и ноги их невольно привели к крохотному скверу, который находился недалеко от Нининого дома и в котором они когда-то так часто бывали.

В этом скверике была только одна скамейка. И сколько лет Нина знала этот скверик, там неизменно стояла именно эта, без спинки, единственная скамейка. Её не разбили, не украли, но к ней ничего и не добавили. На эту скамейку они оба и сели.

Кирилл ушел в себя, согнулся под ношей своих проблем. И не спрашивая, как и что у Нины, начал вываливать всю эту тяжесть, будто швырял в неё что-то, не оглядываясь и не считывая удара...

– ...Она требует всё больше и больше... Ей всего мало... Выслеживает меня... Ловит тот миг, когда я, уставший, пытаюсь передохнуть. Заставляет работать день и ночь. Заставляет отчитываться в каждой потраченной мной копейке... Жадная... Но экономит только на мне. Себе ни в чём не отказывает.

Кирилл умолк на мгновение, чтобы перевести дыхание, что-то его распирало, рвалось и вырывалось наружу.

А Нина сжалась в комок, как будто сгруппировалась под этим натиском...

И он продолжал:

– И знаешь... Она на людях стыдится меня... В компании говорит, что я просто подчинённый ее на фирме... Однажды даже сделала вид, что мы с ней не знакомы... Я еле пережил это...

Кирилл замолчал, чтоб на мгновение передохнуть, и опять, не глядя на Нину, начал обрушивать на нее лавину своей беды...

– ...Ты не представляешь, что я делаю. Каким дерьмом я начал заниматься ради неё... Чтоб у неё было еще больше денег...

Бросил профессию... Это она меня заставила... Всё смеялась над моими куклами... Да я сам уже видел бесполезность этого дела... Она здесь права... Ушло всё это... Денег не приносит, стабильности никакой... Но это она, именно она меня вынудила...

Кирилл опять умолк, и Нина с ужасом поняла, что у него всё мешается в голове, что он уже запутался и не понимает, что же было причиной его ухода из профессии – она ли на этом настаивала, или он сам решил бросить своё дело... Нина видела – Кирилл измотан, срывается, теряет точку опоры...

А он продолжал швырять в неё эти комья своего груза:

– Она не даёт мне никуда отлучиться. Я не могу никуда поехать. Она ненавидит мои поездки и строго-настрою запретила мне ездить. Даже истерики закатывала. И мне пришлось отказаться и от этого... Я боюсь её потерять... Боюсь, что вообще не смогу жениться... А она обещала выйти за меня замуж, если я буду соответствовать её требованиям... Это прямо ловушка какая-то... Она меня мучает... Но я боюсь, что она меня бросит и я не смогу жениться...

Он замолк, и Нина опять поняла, что у Кирилла всё мешается в голове, какая-то жуткая смесь нелепых страхов, неясных желаний, отсутствие внутреннего, прочного хребта...

Нина молчала. Да и что на это все можно было сказать?.. Винить?.. Говорить, что он сам во всем виноват?.. Давать советы?.. Всё не имело никакого смысла... И Нина молчала.

А Кирилл долго ничего не произносил, будто готовился к новой атаке... Но неожиданно он перестал жаловаться... Обмяк, надорвался и тихо сказал:

– Нина, дай мне, пожалуйста, немного денег... Я всё-таки съезжу куда-нибудь недалеко, скажу ей, что остался на ночную смену на складе...

И осёкся. Даже не спросил, может ли она дать ему деньги, есть ли у неё они. И опять продолжал, как ребёнок, выпрашивающий игрушку:

– Дай, Нина, денег... Дай... Просто невмоготу... Загнусь...

Нина перебила его, не давая больше просить:

– Дам, конечно... Не волнуйся...

Он даже не поблагодарил её. Только кивнул головой. Как будто не сомневался в этом, как будто между ними был уже давно заключён этот тайный договор...

Было уже очень поздно. Нину знобило, она дрожала. Ей казалось, что её побили и внутри всё было порвано...

Они сидели здесь уже больше часа. Пятнадцать минут, что просил Кирилл, растянулись во времени на весь новый этап Кирилловой жизни, который и рухнул на Нину тяжестью всех его бед...

Нина резко, судорожно встала, заторопилась:

– Пойдём, я дам тебе денег...

И они быстро пошли в сторону Нинино дома.

Нина торопилась и, казалось, боялась опоздать... Как будто от этих денег зависела судьба Кирилла, как будто чем скорее они попадут к нему, тем вернее придёт спасение...

Они подошли к дому, и Кирилл сказал:

– Я не буду подниматься... Если ты можешь, вынеси, пожалуйста...

Нина не удивилась, не стала спрашивать, почему он не хочет зайти к ней, она торопилась дать ему деньги. И, не взглянув на Кирилла, быстро вошла в подъезд. Взбежала по лестнице, открыла квартиру, взяла из шкафа деньги и слетела опять на улицу.

Кирилл взял деньги, спрятал в карман.

– Спасибо... Спасибо...

И даже не сказал, что когда-нибудь отдаст их. Да она об этом и не думала. Они попрощались. И он вдруг сказал:

– Ничего не изменится... Ничего не жди...

И резко развернувшись, почти бегом, исчез в темноте.

Пашу действительно недолго держали в больнице. Сняли приступ, подлечили и через несколько дней отправили домой.

С тех пор Арий приходил к нему очень часто, приносил деньги, продукты. Не разрешал работать, не разрешал пить. И Павел

его слушался. Сам был напуган своим сердцем, и неловко было ему, что зависит от Ария.

Паша осунулся и как-то в одночасье постарел. Он уже не придумывал никаких финансовых операций, нигде не собирался искать больших денег, а только твердил, что ему надо поскорее найти постоянное местечко, которое даст ему возможность скромно жить, помогать дочери и иногда пропускать рюмашку-другую.

Арий все пункты его мечтаний поддерживал, но когда дело доходило до «рюмашки-другой», он начинал горячо возражать и доказывать, что именно этот пункт может перечеркнуть все основные опорные составляющие его, Павла, программы. Паша начинал спорить, кипятиться и торговаться, что «рюмашка-другая» ещё никому не мешала сносно жить. На что Арий ему, как дважды два четыре, объяснял, что начнётся-то с одной-двух рюмок и плавно перетечёт в одну-две бутылки, а то и больше, и тогда Паше уже крышка, не остановится. Павел говорил, что, мол, ерунда, никогда этого уже не будет, что сердечный приступ своё дело сделал и напугал его, а вот рюмашка-другая даже полезна для здоровья. Арий начинал доказывать своё, это ни к чему не приводило, общий знаменатель найти не удавалось, и так они подолгу торговались. Но в этом торге было что-то совсем уже стариковское, почти немощное и обреченное. А главное – бесполезное и бессмысленное: Павел всё равно сделает по-своему, потихоньку начнет пить, как только появятся свои деньги, и будет тянуть эту пивную лямку, сколько позволит здоровье, а Арий никогда не сможет повлиять на это, запретить это, как еще никогда и никому не удавалось вправить свои мозги в другую голову или заменить эту голову на свою...

Теперь же, когда Арий приходил к нему, они пили только чай, Паша сидел мрачный, а выражение его глаз было как у обиженного, наказанного ребёнка. Арий старался развлечь его, рассказывал что-то о своей работе... А Павел всё переводил разговор на Кирилла. Нина тоже часто приходила к Павлу и, наверное, от отчаяния рассказала, что произошло с Кириллом.

Павел всё не мог успокоиться и, разговаривая с Арием, каждый раз выбредал на эту тему...

– ...Всегда говорил тебе: Кирюша твой – барахло, гниль... Зачем носился с ним, как с сыном?.. Обучал... А он и наплевал на всё твоё обучение, как денежки понадобились...

– Ладно тебе, Павел... В конце концов, это его жизнь... Что мог – то для него сделал, зачем об этом теперь говорить?.. Только воздух сотрясать... А дальше – его собственный выбор... Никто тут не волен... Я не могу на это влиять... На тебя я могу повлиять?..

– Вот ты опять сейчас на меня разговор переведёшь... Понимаю, что тебе о Кирюхе говорить-то больно... И Нинке я говорил, что не любит он её, только использует... Вот ведь что выкинул! Какую стерву себе нашёл... Ну, так ему и надо! Пусть помучается... Хорошо, что от Нинки нашей отстал... Хотя она, бедная, мается, переживает... Ты не подумай – она не жаловалась. Скупое так все поведала... Но я-то вижу – переживает, думает о нём, стервеце...

Арий попытался его остановить, не хотелось ему вообще о Кирилле ни с кем разговаривать...

– ...Не надо так, Паша... Неизвестно, что ему ещё придется в жизни хлебнуть... Не злобствуй... Молод он ещё очень... Может быть, как-нибудь и утрясётся... А с Ниной я и сам понимал, что у них ничего не получится... Какая он Нине опора?.. Нине девочку поднимать нужно.

Арий невольно задел Пашино больное место – и Павел больше не вернулся к этой теме...

Они сидели молча. Каждый думал о своём...

А потом Паша снова завёл свою нудную песню о том, что ему нужно найти укромное местечко, где бы он мог зарабатывать на скромную жизнь да на две-три рюмашки. Арий оборвал его и сказал, что уже не может это слушать в десятый раз, тем более что «одна-две рюмашки», о которых Павел говорил первоначально, в процессе повторения этой темы превратились уже в «две-три»...

Павел улыбнулся, даже растерялся, и они оба рассмеялись.

Арий сказал:

– Ловлю тебя на слове...

А Паша перестал смеяться, опять помрачнел и сказал каким-то плачущим тоном:

– Не могу я, Арий, долго у тебя на шее торчать... Не маленький ведь... Думаешь, я не знаю, что ты и Нинке моей помогаешь...

И совсем тихо прибавил:

– Да... Никчемный я отец...

Паша замолчал. Совсем сник. И вдруг встрепенулся, покачал головой:

– А ты... Ты ведь из-за нас-то всех так никогда и не соберёшь на свой музей... Ведь всё, наверняка, вытряхнул на мои болячки...

Арий махнул рукой и устало сказал:

– Брось это, Паша, не буду слушать...

Они ещё посидели так, допили уже холодный чай, и Арий начал собираться...

9

Кирилл уже много раз просил Нину встречаться с ним, приехал к её дому, и они шли всё в тот же скверик, на ту же единственную скамейку.

Он жаловался, рассказывал подробности своей жизни, подробности своих неудач на работе, приходил в отчаяние, не скрывая это от Нины, но с ослиным упрямством держался за эту жизнь и боялся что-либо изменить. И каждый раз Нина давала ему деньги, чтобы он мог вырваться куда-нибудь и не отдавать отчёта. Кирилл не просил её об этом, как тогда, в первый раз, когда в отчаянии приехал к ней, но от денег не отказывался, благодарил и действительно тайком недалеко ездил.

Нина не знала, как ещё помочь, видела, что Кириллу тяжело живётся, и отдала ему постепенно на эти поездки почти все свои сбережения. Надеялась найти ещё несколько частных уроков. А Кирилл привык и даже не стеснялся брать у неё деньги.

С тех пор, как Кирилл первый раз прибежал к Нине после разрыва и попросил денег, Нина жила с постоянным ощущением надвигающейся беды и, давая деньги Кириллу, надеялась, что она сможет предотвратить эту беду или, по крайней мере, уменьшить её масштабы.

Арию она говорила, что они видятся, рассказывала, что с ним происходит, но о деньгах, которые давала Кириллу, молчала.

И вот однажды, совсем уже поздно, когда Нина сворачивала свой бесконечно длинный, тяжёлый и однообразный день, позвонил Кирилл, сказал, что стоит внизу, у её дома, и просил разрешения зайти. С того дня, как Кирилл снова появился в Нининой жизни, такого ещё ни разу не было, он всегда категорически отказывался зайти к ней, хотя каждый раз приезжал к дому и ждал её внизу. И теперь, когда он попросил разрешения подняться, Нина поняла, что случилась беда.

Кирилл не снял куртку, не зашёл в комнату, как просила его Нина, а стоял в коридоре, суетился, не знал, куда деть свои глаза, руки, да и всего себя... Говорил он отрывочно, комкано, начинал мысль и, не заканчивая её, перепрыгивал на другую, вдруг начинал говорить о каких-то пустяках, но в конце концов смог сказать Нине, что ему срочно нужны деньги, но уже не на поездку, что у него большая растрата и от него требуют немедленно всё вернуть. Кирилл просил у Нины большую сумму.

Нина растерялась. Она уже отдала Кириллу все свои сбережения, у неё оставались какие-то крохи. Денег не было. Кирилл не смутился, не извинился, а раздраженно начал говорить, что ему не к кому обратиться, что он не знает, где ему достать эти деньги, что он пропал и его просто выгонят из дома... Нина в отчаянии оправдывалась, чувствовала себя виноватой и даже не понимала всю чудовищность его претензий и бесосновательность своего чувства вины... Казалось, что выхода – просто нет...

Кирилл молчал. Смотрел мимо Нины и что-то судорожно соображал. А Нина стояла, опустив бессильно голову, руки, и как будто ждала приговора...

Наконец Кирилл сказал:

– Попроси деньги у Ария... Скажи, что тебе срочно нужно на лечение... Нет, лучше на лечение дочери... В общем, что-то придумай... Что сможешь... Только выпроси у него эти деньги... Я даже не знаю, смогу ли отдать тебе их... Не знаю... Только возьми у него...

Нина механически сказала:

– Хорошо, я постараюсь...

А Кирилл торопил её:

– Сделай это завтра утром... Ну, если не получится утром, в течение дня... Только прошу тебя, как можно скорее...

Нина кивнула.

Кириллу больше нечего было сказать Нине. Он сказал всё, за чем пришел... А Нина стояла, так же опустив голову, сжавшись, как человек, которого били и который ожидает продолжения побоев...

Но Кирилл ничего не говорил. Он развернулся к двери и начал открывать замок. Он нервничал, путался, у него не получилось сразу открыть дверь, и он тихо и твёрдо сказал:

– Выпусти меня... И позвони сразу, как возьмёшь деньги...

Нина бесшумно подошла, открыла дверь, выпустила его и закрыла за ним дверь на ключ.

Она долго стояла в прихожей и не могла сообразить, зачем она там стоит. Ей казалось, что она что-то забыла сделать. Вдруг она подошла к двери и начала проверять, закрыта ли дверь – она совершенно не помнила, повернула ли она ключ.

Потом она пошла к комнате дочери, приоткрыла дверь и проверила, спит ли девочка, но там было всё в порядке. Затем она кинулась в кухню проверять, выключена ли плита, но и там всё было закрыто.

И так она ещё несколько раз обошла всю квартиру в поисках чего-нибудь забытого и не сделанного. Но всё было на местах. Всё было сделано.

И Нина поняла, что не сделано и неизвестно как сделать только одно – как и где достать деньги для Кирилла. Она чувствовала, что не может просить их у Ария и уж тем более обманывать его, что деньги нужны для дочери.

Она сидела на своей кровати, не ложилась и думала только об одном – где взять деньги. Она не осознавала всю недопустимость поведения Кирилла в отношении нее, не осознавала вероломства его требований, она не осознавала и того, что ничем ему не обязана и не должна взваливать это на себя. У неё даже мысли такой не мелькнуло...

Нина перебирала всех своих знакомых по работе, родителей своих учеников, но всё это были малоимущие люди, и вряд ли они могли ей одолжить такую сумму. Да и она не была с ними в таких отношениях, чтобы вот так вдруг начать просить их об этом. Круг людей, которых она перебрала, был и так очень узок, а после недолгих размышлений – просто сомкнулся и исчез. Просить ей было не у кого. И Нина поняла, что обратиться можно только к Арию. И больше – ни к кому. Но сказать надо – правду.

Было уже очень поздно, но Нина знала, что Арий еще не спит, а после своей работы на ремонте глубоко за полночь мастерит куклу. И она позвонила ему...

Сказала, что прибежал к ней Кирилл, что он в отчаянии, просил дать денег, но у неё их уже нет, и что она не знает, где найти ему деньги. И спрашивала, может ли он что-нибудь придумать...

Арий сразу почувствовал во всем этом что-то неладное.

– ...А почему он к тебе обратился? Разве он не знает, что ты тянешь одна дочь и лишних денег у тебя быть не может?..

Нина молчала.

Арий додумывал дальше...

– ...Ты что, давала ему уже деньги? Почему он просил у тебя, а не у меня?.. Он не мог не понимать, что у тебя их нет... Это он тебя попросил взять их у меня?..

Но Нина все отрицала.

Арий чувствовал, что она что-то недоговаривает, скрывает. Он слышал по телефону, что она измучена, нервничает, и решил осмыслить всё сам. Спросил её, всё ли у неё в порядке, просил успокоиться и прийти к нему завтра после её работы. Обещал, что постарается разобраться во всём. Они попрощались и положили трубки.

Нина поплелась и рухнула в постель.

А Арий ещё долго сидел за своим рабочим столом, не мог принятьсь за работу и не мог отогнать от себя ощущения чего-то нехорошего, злого, что его ждало завтра... И чувствовал полную свою беспомощность перед этим... И даже – покорность...

10

Арий в эту ночь не спал. Он осмыслял разговор с Ниной и долго думал над тем, что произошло. Во-первых, Арий с горечью и болью осознал то, что чувствовал уже давно – до какой же степени Кирилл отделился от него и не доверял больше ему, что они постепенно становились чужими людьми... Во-вторых, Арий был уверен, что Кирилл уже не первый раз брал деньги у Нины... И в-третьих, Арий догадался, что, узнав об отсутствии нужной суммы у Нины, Кирилл заставил её обратиться к нему. Арий знал, что Нина никогда не попросила бы его сама об этом. Он едва справлялся с гневом и от всего этого чувствовал себя раздавленным и больным...

Когда Арий всё это осознал, он утром позвонил Кириллу, потратил немало душевных сил, чтобы говорить спокойно, и, ничего не объясняя, попросил Кирилла прийти к нему вечером после работы. Кирилл струсил, ничего не спросил у Ария, но у него не было выбора, и он сказал, что придёт.

Арий был потрясён поведением Кирилла, его отношением к Нине, и сознательно вызвал его тогда, когда просил прийти к нему и Нину.

Днём, работая на своем ремонте, Арий, к ужасу своему, сообщил и то, что сумма, которая у него осталась после всех трат и болезни Паши и которую он считал уже неприкосновенной для музея, эта сумма была лишь частью от того, что требовалось Кириллу. Но делать было нечего – надо было отдавать и эти деньги.

...Арий нервничал, не мог сосредоточиться на этом треклятом ремонте, не мог совсем есть и, сделав несравненно меньше, чем намечал себе утром, собрался и ушёл домой. И ушёл он намного раньше, чем позволял себе в течение стольких уже месяцев...

...Вечером первой, сразу после работы, пришла Нина. Видно было, что и она не спала ночь...

Арий сидел за своим рабочим столом, на столе лежала кукла, которую он мастерил, но он ничего не делал. Нина стояла у окна и грела на батарее замёрзшие руки. Арий настолько был выбит из своей колеи, что даже не предложил Нине поесть...

– ...Я, конечно же, дам ему деньги... Вот они, здесь... Но это только часть от того, что ему нужно... Больше у меня просто нет...

Нина тихо сказала:

– Спасибо, Арий Михайлович...

Арий еле сдерживался:

– Ты благодаришь меня, как будто это тебе нужно, а не ему... Как вообще он смел брать у тебя деньги?!.. И как он мог не обратиться напрямую ко мне, а посылать тебя?! Ведь это так было?! Так?!?!

Но Нина тихо ответила:

– Нет, Арий Михайлович...

Арий, безнадежно махнув рукой, сказал:

– Не хочешь говорить... Его выгораживаешь. Кстати, я его вызвал, он должен сейчас прийти... Так нельзя... Я бы ему в любом случае дал деньги, но вот так манипулировать тобой, а я знаю, что именно так и было... Вот что меня убивает... Он должен понимать, что это – низость.

Нина сказала:

– Ни к чему это, Арий Михайлович, только нервы трепать себе будете... При чём здесь я?.. Не обо мне речь... Ему вы можете – и ладно...

Арий взорвался:

– Что значит: «при чём здесь я, не обо мне речь»? Ты что, не человек?! С тобой можно так поступать?! И вообще, разве так можно поступать с людьми?!..

Нина молчала...

Арий вскочил из-за стола и начал ходить из угла в угол... Ему и в голову не приходило, что Кирилл практически так же предательски поступал и с ним. Они одинаково оба в отношении

себя это не чувствовали. Но Арий смог это почувствовать лишь в отношении к другому человеку, к Нине...

Наконец пришёл Кирилл. Увидев Нину, он сразу понял, что она сказала Арию, для кого ей нужны деньги. Кирилл оцетинился, начал дергаться и злобно сказал:

– Я же просил тебя не говорить...

Нина молчала, опустив голову, чувствуя свою вину, как накануне у себя в прихожей...

А Арий ужаснулся. Ужаснулся тому, как выглядел Кирилл, ведь он его долго не видел. Это был совершенно другой человек, с жёсткими, почти квадратными чертами лица. Но главное – глаза... Глаза были блёклыми, пустыми, деревянными и как будто даже незрячими...

И ужаснулся Арий тому, что Кирилл сказал. Он невольно подтвердил догадку Ария. Как будто Арий еще надеялся, что Нина сказала правду и он, Арий, всё-таки ошибся...

Он тихо и твердо сказал:

– Я сам догадался... Она ничего мне не сказала... Я догадался, потому что Нина никогда, слышишь, никогда не просила ничего для себя!..

Кирилл ничего не опровергал и только смотрел куда-то мимо Ария. Его вдруг перестало заботить, что по этому поводу думает Арий. Его волновало только одно – даст ли Арий деньги. Он даже перестал замечать уже Нину и забыл вообще, что она здесь... А Нина стояла у окна, всё так же сжавшись и всё так же ожидая себе приговора...

Арий взял деньги и подошел к Кириллу:

– Возьми эти деньги... Но здесь только часть того, что тебе нужно... Это все, что у меня есть...

Кирилл взял деньги и, не поблагодарив Ария, начал причитать:

– Где же мне взять еще денег?.. Она меня выгонит... Где мне их достать?.. Это нужно сегодня...

Арий раздражённо ответил:

– Что ты меня спрашиваешь? Разве ты спрашивал меня, когда всё это затевал? Ты же от меня всё скрывал, обманывал... И это при наших-то отношениях...

И вдруг глаза Кирилла стали стальными:

– Это при каких таких «наших отношениях»? Какие у нас такие были отношения?.. Профессиональные – вот какие они были – профессиональные...

Арий обмер... В точности эти же слова, очень давно, почти целую жизнь назад, он произнёс сам... Арий понял, что сейчас происходит, и в память о ком к нему это вернулось, и ему придется это пройти...

И будто во сне он вдруг увидел, как Нина подлетела к Кириллу и со всего размаха ударила его по щеке.

Раздался звериный ор Кирилла:

– Что?.. Что?.. А ты откуда?.. Ты откуда взялась тут?..

Он орал, захлёбываясь, как невменяемый:

– ...Мне осточертели вы все! Ваши бредни!.. Ваши копейки!.. Месите без меня вашу нищету! Играйтесь без меня в ваши куклы!.. Ваши куклы мне сломали всю жизнь!.. Будь они прокляты!.. Прокляты!!!

И Кирилл в неистовстве схватил стоящий рядом старый тяжёлый стул с металлическими ногами и с яростью запустил его прямо на стол, где лежала новая Ариева кукла. Стул летел прямо в неё...

Арий молниеносно метнулся к столу, левой рукой схватил куклу, а правой прикрыл её, пытаясь защитить...

И в это мгновение стул всей своей металлической тяжестью грохнулся на руки Ария...

Нина страшно кричала...

И Арий всё-таки – услышал её крик...

ЭПИЛОГ

1

Месяц Арий пролежал в больнице. У него была полностью раздроблена кисть правой руки и очень повреждена левая. Сутки он не приходил в сознание и не мог выйти из болевого шока.

Врачи по крохам собирали правую руку, сделали всё, что было в их силах, но прогноз был очень плохой – пальцы, возможно, двигаться будут, но работать этой рукой он не сможет уже никогда.

Арий старался об этом не думать, не верил этому и надеялся, что всё же разработает руку и заставить её двигаться. Его не разубеждали. Даже иногда подыгрывали. Но правда – была другой.

В больницу приходили Нина, Павел, бывшие ученики Ария, нынешние ученики. Несколько раз приходил Кирилл, но Нина его непустила...

Арию было плохо. Боль была нескончаемой...

Потом Арий месяц просидел уже дома, с загипсованными руками. Пальцы левой руки постепенно восстанавливались, начинали шевелиться, а правая рука была мёртвой.

Нина приходила почти каждый день, прибежал часто Паша, приходили ученики.

Так Арий прожил самые тяжкие два месяца. Руки болели и день, и ночь. Он почти не спал.

А потом полегчало. Левая рука начала двигаться, гипс сменили на тугую повязку. Боль в этой руке становилась ноющей и привычной. А правая рука... В правой руке – боль ушла. Но Арий её – не чувствовал. Как будто её и не было... Он старался левой рукой растирать открытые, уже без гипса, пальцы правой, но ничего не ощущал, как будто растирал посторонний предмет...

Ария накрывало отчаяние... Но он выбирался из него, жил дальше и надеялся, что заставит руку выжить... Он слышал когда-то, что людям удавалось с помощью титанического труда сотворить чудо и заставить двигаться руки или ноги, которые уже считались погибшими...

И он собирался так трудиться...

Арий весь этот месяц, что был уже дома, ни разу не вошёл в комнату, где стояли шкафы с куклами. Он не мог их прибрать, почистить... И он не мог работать, чтобы выстроить для них задуменный музей... Ему казалось, что он их предал...

Он не мог себя заставить войти к ним... Показать им свою немощь...

Арий даже боялся, что, переступив порог и увидев их, заплачется...

И комната была заперта на ключ. Вот уже больше двух месяцев.

С того самого страшного дня...

Арий сидел на кухне с Ниной, она пришла после работы, что-то приготовила для него, а после они пили чай и говорили всё об одном и том же: что будет с правой рукой, что будет с Ариевой работой, что будет с музеем. И опять начинали сначала – рука, работа, музей, да и вся дальнейшая жизнь...

Говорили о Кирилле...

Кирилл звонил Нине, узнавал об Арии, просил разрешения прийти к нему, но Нина его до сих пор не пускала. А Арию так было бы это тяжело, что он не возражал и соглашался с Ниной... Кирилл рассказал Нине, что живёт уже один и работает кладовщиком в магазине.

Нина всегда сидела у Ария долго, почти до полуночи. Девочка её научилась сама укладываться спать, понимала, что мама заботится об Арии. Иногда они сидели у него допоздна вдвоём...

И сейчас Нина долго не уходила, старалась побыть подольше, чтобы Арий не был один...

– ...Ниночка, мне бы заставить эту деревяшку только шевелиться, чтобы она могла делать простую, грубую работу. Понятно, что куклы она делать уже не сможет... Но это ладно... Теперь уже – не до моих кукол... Главное – это её куклы. Главное – музей... Мне нужно смочь заработать на выкуп чердака... Я уже думал, может быть, эту мою квартиру продать и отделить закуток прямо там, на чердачке... Господи, сколько мне нужно?.. Ведь там очень большое помещение, почти во весь этот дом. Для кровати с тумбочкой уголок найду...

– Арий Михайлович, ну что вы говорите? А кухня? Где готовить? А жить как?

– Да что ты, сколько мне нужно?.. Пообедаю в столовой в школе, а чайник – электрический. Это всё ерунда... Главное – что-нибудь придумать... И выкупить чердачок... Нужно же их защитить... Нужен музей... Когда-то я надеялся, что всё оставлю Кириллу и он будет охранять их, смотреть за ними...

Нина перебила Ария:

– Не надо, Арий Михайлович...

– А знаешь, Нина, ведь он в конце концов всё осознает... Всё... И, возможно, даже вернётся в профессию... Может быть, это произойдёт уже не при мне... Я не доживу, но ты – увидишь...

Нина грустно сказала:

– Что об этом гадать...

И Арий опять начал говорить о музее, о куклах и о своём долге перед ними, о долге перед женщиной, создавшей их...

– ...Главное – это музей... Её музей... Это мой долг... Долг...

Арий умолк. Задумался... Как будто остался один... И казалось, он далеко-далеко ушёл от Нины, из этой квартиры, из этого дома, из этого города... И время ушло вслед за ним...

На мгновение Нина почувствовала, что осталась одна в каком-то странном пространстве...

Но Арий вдруг повернул голову к ней и сказал тихо-тихо, как будто просил... Как просят дети:

– ...И знаешь, Ниночка... Я часто об этом думаю... Я хотел бы, чтобы существовало бессмертие хотя бы только для того, чтобы люди, которых уже нет и перед которыми мы виноваты, знали, что мы раскаялись...

От неожиданности Нина растерялась... Не знала, что на это ответить... И надо ли...

Потом сказала:

– Не знаю, Арий Михайлович... Главное, чтобы мы раскаялись, а видят они это или нет... Какое это имеет значение?..

Арий затрепетал, запротестовал:

– Что ты, Ниночка!.. Главное – не мы! Главное – это они. Они, мучимые нами, преданные нами... Главное, чтобы они видели это раскаяние, эту справедливость... А что мы?.. Что мы, со своей жалкой совестью?..

Нина покачала головой:

– Ох, Арий Михайлович, когда-то вы меня учили, что мы – тоже люди...

Арий промолчал. Молчал долго... А потом поднял глаза на Нину и сказал:

– ...А знаешь, Нина, я, кажется, догадался, что будет на Страшном суде...

Он опять умолк, а потом тихо, но твёрдо сказал:

– Нам вернуться все наши обманы и предательства... Нам вернуться все те страдания, которые мы причинили другим... И нам вернуться все их слёзы... И больше – ничего...

2

Много времени спустя, в одну из ночей, Арий наконец решил войти в заветную комнату. Он уже многому научился и многое мог делать левой рукой без помощи правой.

Арий взял левой рукой ключ от комнаты, повернул замок, открыл дверь и переступил порог... Вошёл... И – разрыдался...

Куклы стояли, сидели, смотрели на него и как будто приветствовали...

Они были всё такие же, как прежде – родные и преданные... Они не изменили ему... Они ждали его... И даже пылинок на них было совсем не много...

Арий бросился к шкапам, прижался к ним лицом и целовал стекла...

А руками как будто обнимал их: одной – уже здоровой, а другой – всё так же закованной в гипс...

Он переходил от одного шкафа к другому, от одних кукол к другим, и не мог наглядеться на них. И всё держал руки на стекле, будто обнимал и эти шкафы, и эти куклы, сидящие в них...

А по стеклу – текли его слёзы...

Арий пришёл на свидание...

А потом он оторвался от шкафов, опустил руки, отнял губы и отошёл. Оглядел их и с ужасом увидел мокрые подтеки на стеклах от его слез. Он схватил левой рукой тряпку и с силой начал

оттирать и высушивать мокрые стёкла. И эта работа успокоила его. Он снова начал заботиться о своих куклах...

Когда стекла были высушены, Арий левой рукой выдвинул высокий стульчик, на котором всегда сидела одна из кукол, ногой придвинул свою маленькую скамейку, потом левой же рукой вынул из шкатулки ключик и открыл дверцу шкафа.

И левой рукой, помогая загипсованной правой, бережно достал и посадил на высокий стульчик куклу. Ту самую куклу, того самого человечка – с длинными старинными локонами, сидящего на краешке старинного кресла, небрежно набросившего ногу на ногу, что-то показывающего взмахом изящной руки и почти взлетающего, готового вот-вот сорваться и улететь куда-то из этого резного старинного кресла, с этой старой и большой земли... Того самого человечка, с которого началось всё: его любовь к куклам, его профессия и главный человек его жизни.

Арий сначала боялся, а потом всё смелее и смелее, всё ловчее и ловчее одной левой рукой подчищал, отряхивал, протирал, помогая себе почти неподвижной, как колода, правой рукой, очень старался, приспособливался и от волнения и напряжения у него выступили капли пота на лбу, на щеках, на шее. Он гипсом вытирал лицо и шею и продолжал свою медленную и кропотливую работу.

Когда же он увидел, что всё сумел сделать, что всё у него получилось, он заулыбался, рассмеялся и, положив на место тряпочки, придвинулся поближе к высокому стульчику, на котором сидел этот человечек, поцеловал ему ручку и обнял ножки стульчика обеими руками – одной уже здоровой, а другой – колодой, закованной в гипс...

Он убедился, что всё-таки может ухаживать за куклами, чистить, прибирать их, заботиться о них, как прежде...

Он улыбался, смеялся, смотрел на свою полумёртвую, замурованную руку и тихо-тихо приговаривал, обращаясь к самому себе: «...Это ничего... Ничего... Всё так и надо было... За мой обман... За моё предательство... За те её слезы... Всё хорошо... Хорошо...».

И вдруг прикрыл глаза и как будто там, под прикрытыми веками вглядывался в кого-то...

– ...Мусенька моя... Это – в честь твою... Это – во имя твоё... Это в память о тебе...

И долго он еще так сидел на своей скамейке, обнимая этот стульчик с человечком, улыбался, светился и ликовал, что опять может заботиться о её куклах, охранять и защищать их, даже одной левой рукой...

И был – счастлив...

* * *

С тех пор прошёл год. Арий затеял продажу своей квартиры, как и говорил Нине.

Он стоял у окна, левой рукой держался за ручку и даже как будто повис на ней. И с ним свисала и его правая рука – как плеть, худая и безжизненная.

Он смотрел в окно, на то самое место, где когда-то стояла пятиэтажка, как раз напротив его дома. Арий помнил, как из этой пятиэтажки отселяли людей, как постепенно они выезжали, оставляя пустые квартиры, как по вечерам зажигалось всё меньше и меньше окон, и как, наконец, весь дом почернел. Потухли все окна...

Потом из дома начал вываливаться весь хлам, его разбирали по частям, по его останкам днем шарили люди, на них слетались птицы, а ночью по нему рыскали собаки, глухо перекликались между собой и переругивались из-за добычи...

Потом долго ещё стоял этот остов, продуваемый насквозь ветром, зиял чёрными дырами, а ветер метался в этих чёрных дырах, жаловался, выл и не находил пристанища...

А потом и эти останки разрушил бульдозер.

И на место людей, птиц и собак пришли огромные самосвалы. Они взваливали на себя эти груды отходов, тяжело ревели и как будто тоже воевали за свою долю...

А потом и самосвалы ушли... И все утихло...

Лежала пустая, голая земля...

Арий смотрел в окно на это опустошенное место и думал о том, что когда-нибудь здесь будет вложено много труда и опять вырастет новый дом, где будут жить и умирать люди, около людей будут приживаться и перекликаться друг с другом собаки, а вокруг дома вновь поднимутся деревья, в которых с утра и до позднего вечера будут копошиться и болтать птицы...

И кто-то уже другой будет стоять у Ариева окна, смотреть на всё это и, наблюдая за этим, уже другим, домом, другими людьми, собаками и птицами, проживать уже совсем другую, чужую, совсем незнакомую и неведомую ему жизнь...

Любовь ЗЕМНАЯ

Любовь Земная (Людмила Владимировна Морозова) – поэт, прозаик. Родилась в г. Краснодаре в семье учителей. С 1990 г. по 1998 г., после окончания физического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова работала по специальности. В 1993 г. обратилась к литературному творчеству, выбрав себе псевдоним «Любовь Земная». С 1999 г. активно публикуется. С 2004 г. по 2014 г. участница литературного клуба при Литературном институте им. А.М. Горького (руководитель – профессор Э.В. Балашов). В 2006 г. Любовь Земная принята в Московскую городскую организацию Союза писателей России. Автор девяти книг стихотворений и прозы и книги переводов стихов для детей. За литературные заслуги Л. Земная отмечена медалями «И.А. Бунин. 1870–1953», «А.П. Чехов. 1860–1904», «М.Ю. Лермонтов. 1814–1841», «А.С. Грибоедов. 1795–1829», «Серебряный Крест» и другими наградами МГО СПР. Лауреат конкурсов «Неопалимая Купина» (2012 г.) и «Галерея избранного стихотворения» в номинации «Женский космос» (2009 г.). Л. Земная – дипломант конкурсов им. Анны Ахматовой и «Великие Звёзды Победы» (2014 г.), финалист конкурса «Слово к русскому народу» (2021 г.). Она дипломант литературно-общественной премии «Лучшая книга» за книги стихов «Миг прозренья и Любви» (2015 г.), «Монисто» (2016 г.), «Пою и радость, и печаль» (2020 г.), за книгу рассказов «Перья Жар-птицы» (2017 г.), за книгу переводов (2019 г.).

Живёт в Москве.

МОЛИТВОЙ ДУША МОЯ ДЫШИТ...

ПОЭЗИЯ

У поэзии нет имени.

Некий поэт

Поэзия
совсем не безымянна,
Она –
Дант, Пушкин, Гёте и Шекспир...
Блок, Брюсов
и божественная Анна
Своей строкою
озарили мир.

Они
вошли в историю планеты
Не обезличенным
трезвоним голосом,
А новизною
образов воспетых
И сочетаньем звучным
звёздных слов.

Хоть жизнь сама
за них стихи слагала,
Почти избавив
от исканий тем,
Поэтам
только личность позволяла
Быть и вне времени,
и вне систем.

Поэзия
совсем не безымянна,
Она –
Дант, Пушкин, Гёте и Шекспир...
Блок, Брюсов
и божественная Анна
Строкой своею
озарили мир.

ПОКА

Вижу в небе полночном – луна,
И призывно сверкает ваража.
Слышу – снова зовут Письмена,
Слышу стоны Донецкого кряжа.
Снова с Запада вести о смерти
К нам ползут словно Ада миражи.
Против Дьявольской круговерти
Снова Русь у мира на страже.
Пусть же Солнце скорее взойдёт
И погибнет Посланник вражий.
А пока отправляет в полёт
Ангел звёздные экипажи.

МОЛИТВА МУЗЫКИ

Памяти Г.Я. Гродберга

Плывут под пальцами регистры
То невесомо, то тяжело.
Взмывают струи звуков чистых
И замирают, вздохнув светло.

С небес спустился Сам Агнец Божий,
В его ладонях свеча-душа,
Она трепещет блаженной дрожью,
Молитвой музыки дыша.

В груди органа такой же трепет,
И Отчим Словом зовёт хорал.
Великий Мастер Предвечным Светом
Любви Вселенской заполнил зал.

НЕ СПЕШИ

Я люблю тебя просто так,
За то, что ты есть.
Рассекает житейский мрак
Святая песнь.
Ангел песней любви зовёт
В ночной тиши.
Не отвергай души полёт!
Не спеши...

РАССТАВАНИЕ

Журавлиным криком небо разломило,
И сентябрь стекает на асфальт дождём.
Видно, нам с тобою не бывать, мой милый,
По Москве дождливой не бродить вдвоём.
И старинных улиц дворики чудные
Смотрят сиротливо на одну меня.
Расстаюсь с любовью, а глаза родные
В памяти застыли, полные огня.
На Цветном бульваре поверну направо,
А потом по Трубной побегу я вниз,
И потру на пальце у кольца оправу...
Журавлиным криком разломило высь.

ВПЕЧАТЛЕНИЕ

*На выставке, посвящённой
150-летию со дня рождения
Константина Коровина.*

Воздух, тени,
Всплески света,
Море цвета,
Миг прозрений.
Кисть ложится
К краске краска.
Словно сказка,
Мир рождается,
Плавно льётся
Леля песней.
Радость вестью
В сердце бьётся.

ПУТЬ

По мотивам притчи об Ангеле-Хранителе

Странник шёл под Небом чистым
с Ангелом вдвоём,
их следы ложились рядом
на песке морском.
Было зыбко,
было топко,
прямо не везде...
Но всегда вблизи Хранитель.
Лишь в большой беде
вдруг одни следы терялись,
будто с высоты

путник видел берег моря.
 «Ангел! Где был ты?!
 Почему меня оставил
 в самый трудный час?» –
 странник в страхе и печали
 крикнул как-то раз.
 Ангел путнику ответил:
 «Ни к чему твой страх,
 нёс тебя я в дни несчастий
 на своих руках».

В ТИСКАХ ЛИСТА

Блестает в сумраке ваража,
 Мечта стремится в высоту,
 Фортепианного пассажа
 Слух постигает красоту.
 А ты, любимый, был ли – нё был
 В моей судьбе?.. В тисках листа
 Твои глаза оттенка вербы
 Рисую... Падает звезда...

ПРЕДЗИМЬЕ

Смотрят грустные звёзды
 В опустелые гнёзда.
 Листья все облетели,
 Лишь красуются ели.
 Тонким льдом-недотрогой
 Чуть прикрыта дорога.
 Спят прозрачные дали...
 Дни любви миновали,
 Но в разгаре предзимья
 Я шепчу твоё имя...

ОТКЛИК

Люблю морозец и свежесть,
 Поздний зимний восход,
 Снежинок детскую нежность,
 Что силы мне придаёт,
 Серое, сизое, синее
 Небо за краешком туч,
 Белое золото инея,
 Солнца мятущийся луч,
 Воздух хмельной и живительный,
 Звон одинокой тиши,
 Утренний вздох упоительный –
 Отклик взбодрённой души.

ПОРЫВ

Молитвой душа моя дышит,
 В порыве стремится к Небу,
 И всех наслаждений превыше
 Желанье насущного хлеба.
 «Прииди же, Царствие Божье! –
 Читаю, радость храня, –
 От ослепления ложью,
 Мой Отче, избави меня».

СВЕТЛЫЙ ШТРИХ

Я не люблю сонетов мирных,
 Мне сладость образов чужда,
 Но призываньям звуков лирных
 Я эхом вторила всегда
 То звонким – гор, то дробным – леса,
 То гулким – арок городских,

За волей следуя небесной
И уходя от дел мирских.
И пусть меня поэтом сердца
Не посчитает критик мой,
Ловлю я связь реминисценций,
Интроспектирую порой,
И, как плечо мужское, опыт
Опорой мне в стихах моих.
И я черчу звездой далёкой
В туманной жизни светлый штрих.

Игорь РОДИН

Игорь Олегович Родин – прозаик, переводчик, драматург. Родился в 1965 году в Москве. Окончил филологический факультет Московского государственного педагогического института им. Ленина (1988 г.), преподавал в московских школах, затем окончил аспирантуру Института мировой литературы им. А.М. Горького. С 1993 г. занимался издательской деятельностью, возглавляя фирму «Родин и компания», в рамках которой сотрудничал с крупнейшими издательствами России. Автор более 200 книг. Среди них учебные книги для школьников и абитуриентов по русскому языку, литературе, истории, географии и даже математике, переводы с английского языка детской классики, детективы и психологические романы, иронические стихи и пьесы, песни и мюзиклы, книги по бизнесу и киносценарии. Член МГО СП России. Победитель литературных конкурсов им. И.А. Крылова, Ф.М. Достоевского, А.И. Куприна, А.А. Блока. Награждён медалями «За вклад в литературу XXI века» и «За мастерство и подвижническую деятельность во благо русской литературы».

Живёт в Москве.

ПУЗЫРИ

Рассказ

Что может быть лучше и интересней разговора со случайным попутчиком? Вы ничем друг другу не обязаны, зачастую даже не знаете имён друг друга, но вас это ничуть не смущает. Наоборот, анонимность подталкивает к общению и заставляет говорить о сокровенном. Вдвойне приятней, когда тебе попадается умный попутчик. Тогда разговор льётся сам собой – под звон ложек в стаканах с подстаканниками, тусклый свет лампы и мельканье деревьев, столбов и безымянных полустанков за окном.

В этот раз я возвращался из Ялты. Поскольку я не знал, сколько пробуду на отдыхе, то не озаботился покупкой обратного билета, что было, конечно же, ошибкой в разгар сезона. Плацкарта не осталось, и пришлось брать более дорогой купейный билет, несмотря на то, что денег у меня после курортных трат было в обрез. Отправлялся поезд днём, так что я, забравшись на верхнюю полку, успел отоспаться, что оказалось весьма кстати, поскольку в купе, как это часто бывает, оказался «храпун». И не просто храпун, а прямо-таки ас в этом деле. Его храп был подобен то стуку отбойного молотка, то дрели, вгрызающейся в стену соседней квартиры. Он напоминал то звуки детской свистульки, то бульканье путешествующего по дну водолаза... Устав слушать эту симфонию, я пошёл к проводнику и спросил, нельзя ли переселиться куда-нибудь на свободное место. Тот замялся, потом сказал, что свободное место есть, но...

Уловив намёк, я вынул одну из последних купюр и сунул ему в карман.

– Есть одно прекрасное место в СВ, – тут же сообщил проводник. – Там всего один мужчина едет. Берите постель – и за мной...

Я скатал матрас и, взяв его подмышку, проследовал за проводником.

Внутри и правда был один пассажир. Худой, стриженный, в очках на носу, он сидел у столика и читал какую-то книгу.

– Прошу, – сказал проводник.

Я вошёл. Видя, что проводник собирается уйти, я попросил:

– Хорошо бы чаю, – затем повернулся к мужчине. – Вы не против?

Тот удивлённо приподнял бровь.

– Отчего же против? Как раз наоборот. Два чая, – добавил он уже проводнику. – Да, и к чаю чего-нибудь...

– Коньячку? – с надеждой поинтересовался проводник.

– Нет. Я не пью. Я имел в виду – конфет, баранок...

– Есть только печенье, – с нескрываемым разочарованием ответил проводник.

– Ну, тогда пару пачек печенья.

Проводник скрылся за дверью, а я сел напротив мужчины.

– Прошу простить за вторжение, – счёл я нужным извиниться. – У меня в купе такой храп стоит, что стены трясутся.

– Бывает, – усмехнулся попутчик, затем протянул мне руку. – Алексей.

Я представился в ответ. Сразу же завязался непринуждённый разговор – о погоде в Крыму, об отдыхе на побережье, о том, насколько комфортнее стало ездить в поездах – в общем, о всякой бесполезной чепухе.

Минут через десять проводник принёс чай с печеньем, и беседа пошла ещё живей.

– Выходит, вы отдыхали в Ялте? – спросил назвавший себя Алексеем пассажир.

– Да, я тут часто бываю. Порой надо развеяться, отдохнуть от суеты. А здесь это сделать проще всего.

– Простите, а вы кто будете по профессии?

– Я писатель. Ну, и журналист к тому же. Пишу...

– Надеюсь, не в «жёлтую прессу»?

– Почему я должен писать что-то в «жёлтую» прессу? – удивился я.

– А у нас сейчас есть другая?

– Вообще-то есть. И много.

Я почувствовал себя уязвлённым и кинул ответный шар:

– А вы на какой ниве трудитесь, если не секрет?

– Никакого секрета. Я физик.

– Ядерные бомбы, ракеты и прочие прелести?

– Нет. Я больше теоретик.

– А-а, понятно. Пытаетесь ответить хоть на один фундаментальный вопрос? Или отстаиваете осыпающееся здание старой науки?

– Да как вам сказать... Пытаюсь удержаться на тонкой грани здравого смысла.

– Ну, это трудно, насколько я знаю. Писал об этом. Наконец ваш брат физик дошел до осознания – ничто из того, чему учит данная наука, он толком объяснить не может. Ни что такое поле, ни что такое электричество, ни время, ни пространство. Даже, казалось бы, такой простой вопрос, как из чего состоит вещество, всех ставит в тупик. То ли кварки, то ли струны какие-то, которые настолько малы, что если бы они были размером с дерево, то атом был бы размером с галактику... Правда, из чего сделаны эти самые струны, умалчивается. Кто-то предположил, что всё вообще закольцовывается. Вроде как один из атомов – это и есть наша галактика. Малая частица одной из песчинок где-нибудь в центре Сахары. На самый главный вопрос ответить не могут – почему свет ведёт себя одновременно и как частица, и как волна. Каких-то звёздных скоплений наоткрывали, которые попросту существовать не могут, если верна теория большого взрыва. А теория эта – одно из важнейших следствий теории Эйнштейна... Так что ваша физика мало чем отличается от нашей «жёлтой прессы». Пишут абы что.

Неожиданно мой собеседник рассмеялся.

– Знаете, а я с вами согласен! Как ни странно это звучит, но вы по-своему правы. Несмотря на моторы, электростанции, передачу энергии по проводам на любые расстояния, компьютеры и прочую бутафорию, у меня иногда перед глазами встаёт такая картина. Идёт первобытный человек по саванне. Вдруг нашёл микроскоп. «Классная вещь, – решил, – копать ею можно, бить по голове разную живность, ну, или своего же собрата, чтобы

у него что-нибудь отобрать...» Полезная вещь – микроскоп? Безусловно. Знает что-нибудь наш неандерталец о его устройстве? Что-то знает. То, что ему в данный момент нужно.

– Аллегория более чем прозрачная, – отозвался я. – Но тогда получается, что мы в принципе ничего не можем узнать о строении мира?

– Почему же? Что-то можем. Но мы слишком ограничены рамками пространственно-временного существования. Все наши понятия, все знания основаны на этих фундаментальных вещах. Что существует вне времени и пространства, мы даже представить себе не можем. Само слово «существует» уже предполагает наличие того и другого.

– Но тогда чем вы занимаетесь? Если всё сводится только к эксперименту..

– Так или иначе, к нему всё и сводится. Поставил сто экспериментов, на их основе – статистический вывод: в сто первый раз должно произойти то же, что и в ста предыдущих.

– А как же познание законов мироздания? Стремление объять необъятное?

– В свободное от работы время, – рассмеялся Алексей. – К слову сказать, вы очень точно определили – «объять необъятное».

– Это не я. Это Козьма Прутков.

– Не важно. Некоторые полагают, что мир – это мультивселенная, и в ней существует не только то, что есть, но и то, что могло бы быть. Триллионы триллионов миров, воплощающих бесчисленное множество возможных событий. А мы всего лишь путешествуем по ним, сами того не замечая. Каждую секунду через десятки, а то и сотни поворотов проскакиваем.

– Выходит, есть мир, в котором я не стал менять купе, и у нас этого разговора не состоялось?

– Уверяю вас, и не один. Есть миры, в которых динозавры не вымерли. Есть и те, где люди не появились.

– Я что-то подобное читал, кажется... Ну, а вы сами что думаете на этот счёт?

Алексей посмотрел на меня, и взгляд его неожиданно стал серьёзным.

– Не поверите, – произнёс он после паузы. – О подобных вещах я задумывался с детства. Хотел понять, как устроен мир. Видимо, что-то мне в окружающей действительности казалось нелогичным, неправильным... Вначале хотел стать астрономом, потом астрофизиком, потом – просто физиком. Задолго до всех этих теорий о мультивселенных я придумал свою теорию. Теорию пузырей.

– Гм... Интересно.

– В принципе, это даже не теория, поскольку она экспериментально не подтверждена. Если, конечно, не считать экспериментом свою собственную жизнь. Можно сказать, это просто метафора, своего рода аллегория.

– Я в нетерпении, – счёл я нужным подтолкнуть своего собеседника.

– Я много думал над особенностями взаимодействия людей друг с другом, а также людей и универсума. Микрокосма и макрокосма. В итоге сочинил такую картину. Представьте себе стакан с мыльной пеной. Только очень большой. Если через соломинку в него начать дуть, то станут образовываться мыльные пузыри. Большие и маленькие, яркие и не очень... Потом каждый пузырь начнёт своё собственное путешествие в пространстве. Каждый пузырь – это отдельный человек... Точнее, человек и мир, в котором он живёт. Всё, что человек видит, – это изображения на внутренней поверхности пузыря – переливчатые, разнообразные... Он летит сквозь пустоту, иногда его пузырь сближается с другими пузырями, они слипаются, и на том участке, которым один пузырь приклеился к другому, люди видят одну и ту же картину. Есть большие пузыри, к которым прилипает много других, есть помельче, есть огромные, а есть и совсем маленькие. Всё зависит от стартовых условий – насколько, к примеру, мама с папой надули пузырь, ну и, разумеется, от усилий самого человека. Траектория пузыря не случайна. Вкладываешь силы в развитие, растёшь над собой – пузырь поднимается вверх, где летают похожие пузыри. Бездельничаешь и прожигаешь жизнь – пузырь сдувается и отпускается вниз, к таким же лентяям. Двигаешься в сторону общественной жизни – пузырь летит

вправо, совершенствуешься в духовных практиках – влево. И так далее. Такая вот незатейливая картина. Огромная великая река времени, и мы – маленькие пузырьки в ней.

– А что находится за пределами пузыря?

– Кто знает? – Алексей пожал плечами. – Попробуешь выйти за границы – пузырь сразу лопнет.

– Понятно. А кто же изначально надувает эти пузыри? Бог?

– Понятия не имею. Может, и Бог... Только я не об этом хотел сказать. Если взять тех, кто находится от нас достаточно далеко, то там возникают такие миры, такие странные, почти нечеловеческие сферы, что не дай Бог. Хорошо, что таких скачков практически не бывает. Пузыри движутся плавно, так что нам почти ничто не угрожает.

– Вы сказали «почти»?

– Да, вы верно подметили. Вот об этом «почти» я и хотел рассказать. Вам никогда не доводилось общаться... Как бы это сказать? С психически ненормальными людьми. Не с теми, у кого присутствует явное поражение мозга или нервной системы, а с теми, у кого видимых поражений нет, – с шизофрениками, аутистами, параноиками?

– Нет, – признался я. – Бог миловал. Но следуя вашей логике, не сложно догадаться: вы полагаете, что все эти люди – лишь обитатели миров, отлетевших от нас слишком далеко?

– Вы зрите в корень. В их словах и действиях есть последовательность и руководящая идея. Только последовательность для нас дикая и идея невообразимая... Впрочем, прошу прощения, здесь я должен дать некоторые пояснения. Дело в том, что воспитывался я в не слишком благополучной семье. Отец пил, дома постоянно были скандалы, моего стремления к науке и вообще учению никто не только не понимал, но и не одобрял. Я множество раз убегал из дома. Однажды на протяжении двух месяцев жил – вначале на улице, потом в детском приёмнике-распределителе... Одним словом, пузырь мне достался небольшой и к тому же сплошь дырявый. Я изо всех сил пытался его надуть, но это было сделать не так-то просто. Поэтому мотало его во все стороны, заноса туда, куда, как говорится, Макар те-

лят не гонял. Думаю, не в последнюю очередь именно поэтому ко мне были крайне равнодушны разные психи. Или просто неуравновешенные личности. Я буквально как магнит притягивал их. Было множество связанных с этим историй – впрочем, вполне банальных. Но две из них были особенными, ни на что не похожими...

Алексей откинулся на сиденье и перевёл дух. Меня, надо сказать, его речь заинтриговала, но я старался не показывать вида и просто ждал, когда он начнёт рассказ. Не дождавшись моей реакции, Алексей перешёл к делу.

– Я тогда учился классе в пятом или шестом. Жили мы на Дмитровке, рядом с кинотеатром «Комсомолец». Своего рода отдушиной и возможностью уйти от домашних скандалов для меня было чтение. Особенно я любил фантастику. Далекие миры, космические приключения, образы невероятного, прекрасного будущего...

Помню, была осень. Я шел мимо кинотеатра, внезапно меня остановил вопрос, обращённый непосредственно ко мне:

– Юноша, вы не хотели бы стать каким-нибудь внеземным существом?

От такого вопроса я несколько оторопел, но всё же обернулся и увидел перед собой высокого худощавого мужчину. У него были резко очерченные скулы и постриженные ёжиком волосы. Мужчина стоял и пристально смотрел на меня. Немного отойдя от удивления, я почувствовал любопытство. Согласитесь, не каждый день шестиклассника называют «юношей», а уж тем более предлагают воплотиться в неведомое существо.

– Ну... – неопределенно протянул я. – Иногда подумывал...

Весь дальнейший разговор, а продолжался он не менее часа, оказался ещё более странным. Он шёл по каким-то синусоидам, то отклоняясь в сторону, то возвращаясь к началу. Суть его состояла в следующем. Собеседник мой считал, что за происходящим на Земле стоит высокоразвитая цивилизация, которая извне управляет всеми процессами. Земля и населяющие её люди для них – что-то вроде лабораторных крыс, над которыми они ставят опыты. Стриженный даже нарисовал мне в блокноте схе-

му. С одной стороны – Земля в виде шара с сеткой параллелей и меридианов, а с другой – некая другая планета, заштрихованная чёрным, и от неё идут волнистые стрелки к Земле. В столь униженном положении люди находятся уже очень давно, но такому состоянию дел надо положить конец.

– И как же это сделать? – спросил я.

– Надо уничтожить весь этот инкубатор, – без запинки отозвался мужчина. – Надо сделать так, чтобы крысы передружили друг друга.

– И как же это можно осуществить?

– Надо развязать ядерную войну.

После такого заявления я, что называется, выпал в осадок. Смутные подозрения, возникшие у меня ещё минут двадцать назад, обрели плоть и кровь, превратившись в уверенность – передо мной вражеский шпион, которого следует обмануть, а потом сдать куда следует.

– Вы согласны послужить этой высокой цели? – поинтересовался между тем мужчина.

– Ну, в принципе, был бы не против...

– Тогда вам надо выбрать псевдоним.

И он принялся листать записную книжку. Наконец он нашёл нужную страницу и протянул книжку мне. Я взял и увидел слова, записанные в столбик (видимо, псевдонимы). Напротив некоторых стояли точки и какие-то непонятные кресты.

– Выбирайте среди тех, где нет отметок.

«Выходит, это лист со списком агентуры», – сообразил я и поразился, что в ней насчитываются десятки людей.

Просмотрев пару страниц, я выбрал псевдоним «Кристалл». Мужчина едва заметно кивнул и поставил возле слова «Кристалл» жирную точку. Затем вытащил из кармана бумажку примерно в треть тетрадного листа. На ней был написан какой-то текст. В одном месте стояло многоточие. На его место мужчины вписал: «Кристалл». Затем отдал мне листок. Там было написано следующее:

«Порт-Артур, Порт-Артур, я Кристалл. Вызываю Жар-птицу. Вся власть Чёрным троллям!»

– Это что? – удивился я.

– Этот текст нужно каждый день ровно в 21:00 мысленно повторять, предварительно уединившись. Энергия мысли будет идти в нужном направлении, затем отражаться и наводить помехи на ПВО.

После этих слов я окончательно утвердился в мысли, что передо мной вражеский лазутчик, и я обязан доложить обо всём куда следует. Заверив странного гражданина, что именно так всё и сделаю, я собрался уходить, но он остановил меня и назначил следующую встречу – как сейчас помню, на второе ноября.

На следующий день, придя в школу, я обо всём в красках поведал своему приятелю. Из литературы и кинематографа я знал, что самые важные милицейские начальники сидят на Петровке 38. Предварительно договорившись, мы с приятелем сбежали с трёх последних уроков, сели на троллейбус и отправились к овечьему славою зданию на Петровке. Однако чем ближе мы подходили, тем сильнее у моего приятеля проявлялись признаки беспокойства. Метров за двести до пункта назначения он попросту взял и сбежал. Так что ко входу я подошел в гордом одиночестве. Мысленно я уже просверлил себе в лацкане школьного пиджака дырку для ордена за поимку особо опасного шпиона, поэтому со всей серьезностью, на какую был только способен, сказал охраннику:

– Извините, кто у вас тут самый главный начальник?

От такого вопроса, озвученного школьником, стоящий на воротах милиционер слегка растерялся, но потом всё же произнес дежурное:

– А по какому вопросу?

– Об этом я скажу только начальнику. Потому что дело важное и очень секретное.

Охранник обалдел ещё больше от таких заявлений, но пускать меня по-прежнему не хотел. Минут пять мы пререкались. В это время к воротам подошел еще какой-то милиционер. По звездам на погонах было видно, что он в чинах.

– Что тут такое? – спросил он.

– Да вот, начальника требует, – развёл руками охранник.

– Ну, пойдём, – сказал милиционер и провёл меня через ворота. Мы прошли через двор и начали подниматься по ступенькам ко входу.

– Знаешь, сейчас начальника на месте нет. Уехал по важному делу. Так что пока можешь рассказать мне.

– А какое у вас звание? – поинтересовался я.

– Майор.

На минуту я задумался, но потом решил всё рассказать симпатичному майору. Торопясь и то и дело поправляя себя, так как вспомнил очередную важную деталь, я поведал ему о коварном шпионе, который затеял, ни много ни мало, разжечь мировую войну и уничтожить человечество. В конце я достал из кармана свой главный козырь – ту самую бумажку, на которой было написано про Порт-Артур, Жар-птицу и Чёрных троллей. Майор повертел записку, с любопытством разглядывая со всех сторон.

– Ну, и что теперь делать? – нетерпеливо спросил я. – Надо как можно быстрее его арестовать.

– Ну... – протянул майор. – Изолировать его действительно не мешало бы. Только сдаётся мне, что никакой он не шпион.

– А кто же?

– Скорее всего, просто не совсем нормальный человек. Проще говоря, псих.

Возвращение с небес на землю было стремительным и болезненным.

– Как это – псих?

– Ну, бывает такое... Больной человек. Надо обратиться в отделение милиции по месту жительства. Пусть они отправят его в специальную клинику.

– А как же тролли и помехи на ПВО? – спросил я почти жалобно.

– Да глупости это. Ну, сам посуди. Если было бы так просто вывести из строя нашу ПВО, враги это давно бы сделали...

Домой я возвращался крайне расстроенным. Местное отделение милиции было явно не тем масштабом, на который я рассчитывал. Плюнув на это дело, я стал жить своей обычной жизнью.

Между тем постепенно приближалось 2 ноября. И с его приближением я испытывал всё больший дискомфорт. Беспокойство нарастало и достигло пика в означенный день. Взяв листок с абракадаброй про Порт-Артур и троллей, я пошёл к кинотеатру. Долговязую стриженую фигуру я увидел издалека. Мужчина нервно ходил туда-сюда и выказывал явные признаки нетерпения. Я подошёл ближе и сходу выпалил:

– Знаете, я тут подумал – и решил отказаться от этой затеи, – и протянул ему записку.

Тот взял листок, внимательно посмотрел на меня, потом спросил:

– Вы решили предать эту великую идею?

– Ну, в целом, да, – развел я руками и, повернувшись, пошёл домой.

– Как горько я в вас ошибся! – услышал я вдогонку..

Алексей откинулся на спинку сиденья и сделал паузу.

– Забавно, – счёл я нужным оценить услышанное. Но Алексей не дал мне развить свою мысль.

– Возможно, это бы так и осталось забавным эпизодом из детства, сюжетом для юмористического рассказа. Но это не конец истории.

– Было ещё продолжение? – удивился я.

– Было. Ещё какое. Прошло без малого десять лет. Я благополучно окончил школу, Поступил в институт. И вот как-то в воскресенье, часов в девять утра, в нашей квартире раздался звонок. Дверь открыл отец. Из коридора донеслось невнятное «бу-бу-бу», затем отец заглянул в мою комнату:

– Это к тебе.

Я запрыгнул в штаны, накинул рубашку и вышел в коридор. Тут у меня, как говорится, душа ушла в пятки. В дверях стоял тот самый персонаж, великую идею которого я предал десять лет назад. Я узнал его сразу. Надо сказать, он ничуть не изменился. Всё такой же худой, с резко очерченными скулами, стриженный под ёжик.

– Это вы...?, – сказал он мне и назвал мои имя и фамилию.

– Да, – выдавил я из себя. – А собственно, в чём дело?

– Помните, десять лет назад возле кинотеатра мы с вами встретились и говорили...

– Нет, – поспешно оборвал я его. – Ничего такого я не помню!

Посетитель внимательно всмотрелся в меня, потом пробормотал, обращаясь к отцу:

– Да, похоже, это не он.

После чего вышел за дверь.

Отец, как всегда злой с похмелья, буркнул, обращаясь ко мне:

– Это ещё кто?

– Понятия не имею! – отозвался я.

Однако отец не поверил и, проявив внезапную расторопность, надел ботинки, куртку и выскочил на лестничную клетку.

Вернулся он минут через двадцать.

– Ну и что, догнал? – спросил я.

– Он пошёл к железной дороге, потом вдоль неё. А потом куда-то пропал. Как под землю провалился!

«Ну и слава Богу», – подумал я, но вслух ничего не сказал.

Алексей сделал паузу, затем усмехнулся.

– Ну, как вам история? – поинтересовался у меня.

– Не знаю... История, конечно, нетривиальная. А тип этот и правда на психа похож. По внешним проявлениям напоминает шизофреника. Что же касается явления спустя десять лет, то вполне возможно, он не на летающей тарелке путешествовал на Альфу Центавра и обратно, а обретался где-нибудь в специальном стационаре. Выпустили – пошёл по старым адресам. Побрился, постригся, как привык, – и вперёд. У шизофреников бывает очень жёсткая фиксация на неких сверхидеях. На протяжении многих лет. Их так и называют – идея-фикс.

– А как он узнал мой адрес?

– Ну, мало ли... Навёл справки. Или тогда же, ещё десять лет назад, проследил вас до дома. Шизофреники бывают вообще очень изобретательны. Особенно в отношении своих бредовых идей.

– Понятно, – Алексей улыбнулся. – Тогда расскажу вам ещё одну историю. Тоже из детства. Хочу сразу предупредить, что

не собираюсь выдумывать ни слова. Все, что будет рассказано, – чистая правда. Хотя в это и трудно поверить.

Было это в Карпатах. Когда я учился в седьмом или восьмом классе, то пару раз ездил туда в лагерь летом. От школы премировали за успехи в физике и математике.

Лагерь располагался у подножия каких-то холмов, вокруг простиралась почти нетронутая природа, километрах в трёх от лагеря была деревня, куда мы частенько нелегально отлучались – купить в магазине сладостей, а то и сигарет с выпивкой. Педагоги нас не особо притесняли, и большую часть времени мы были предоставлены сами себе. Мы бегали на речку купаться, два раза ходили в поход в горы... Одним словом, мне там очень понравилось, и на следующий год я с удовольствием отправился туда же.

В компании нас было трое. С одним я был знаком ещё с прошлого года, его звали Глеб. Со вторым подружился в этот раз. Имя его было Костя. Среди прочих в отряде находился странный парень – по виду дурачок. Был он белесым, как моль, – практически полный альбинос. Речь у него была очень медленная, как будто он постоянно мучительно подыскивал слова. Движения у него тоже были какие-то несуразные, угловатые, словно он собирался одновременно пойти сразу в нескольких разных направлениях. То ли недоразвитый, то ли аутист – не поймёшь. Один из отрядных хулиганов начал его задирать. Мы пару раз вступились, но потом хулиган как-то сам отстал и, похоже, начал обходить дурачка стороной. Звали аутиста Алесь, и он был то ли из гуцулов, то ли из русинов, мы так и не поняли. Одним словом, местный. Каким-то непонятным образом он к нам прибился и повсюду ходил следом, как хвостик. Особо он нам не мешал, и мы относились к этому спокойно.

Как-то раз мы собрались совершить вылазку в соседнюю деревню, и дурачок увязался за нами.

Дорога шла вдоль леса по краю поля. Вокруг не было никого, и мы дурачились, орали какие-то песни, швырялись друг в друга шишками, которые подбирали у обочины. Дурачок плёлся следом в отдалении и не принимал участия в общем веселье. Когда

до сельповского магазина оставалось метров сто, мы увидели, что из его дверей вышла старуха с объёмистой кошёлкой и двинулась нам навстречу. Когда она почти поравнялась с нами, Глеб сказал:

– Бабуся, какая у вас большая кошёлка! Может, вам помочь?

Старуха даже не повернулась в его сторону.

– Бабуся! – позвал Глеб, но ответа снова не получил. – Похоже, глухая как пень, – сказал он Косте. – Бабуся, вам бы лежать на печке, кашу гречневую из чугунок кушать, а за покупками внуков посылать!

Бабка остановилась, поставила кошелку на землю, достала откуда-то из складок юбки трубку с длинным мундштуком, засунула в рот и закурила.

– Ничего себе! – пробормотал Глеб. – Она ещё и курит! Ну, бабуся даёт!

Бабка огляделась по сторонам. Взгляд её скользнул по нам и прошёл дальше, точно это были не мы, а пустое место.

В это время из-за деревьев показалась фигура дурачка. Бабкин взгляд уперся в него, а когда дурачок проходил мимо, она, как нам показалось, ему что-то сказала, а тот даже кивнул в ответ. Этот странный факт нас немного удивил, но тогда мы не придали этому никакого значения. Мы вошли в магазин и стали разглядывать товары. Стояло раннее утро, и в магазине, кроме продавщицы, никого не было. Вдруг я заметил, что продавщица знаком подзывает нас к себе. Мы подошли ближе.

– Зря вы с бабкой этой разговаривали. Да ещё вот так.

– Как? – не поняли мы.

– Так, как вы это делали. Эта бабка у нас не простая. Она на самом краю деревни живёт. Ее все боятся.

– И почему же?

– Ведьма.

Мы рассмеялись.

– Зря смееетесь. То, что она ведьма, у нас все знают. Она скотину ставить умеет.

– Ставить? Куда?

– Куда! – передразнила продавщица. – То-то оно и видно, что балбесы. Придёт эта бабка к тем, кто её обидел, или чем-то разозлил, и сделает так, что вся скотина из хлева пропадёт.

– Ворует, что ли?

– В том-то и дело, что нет. Скотина как была, так и стоит в хлеву. Только нет её, не видно. Скотина есть хочет, мычит, а видимой снова стать не может. Чего только ни делали! С сетью по хлеву ходили. Пусто! Нет ничего! А скотина мычать продолжает, мучится.

– Ну да, – скептически отозвался Костик. – Враки все это.

– Ну-ну. У нас кузнец тоже так считал. До поры. Ругаться он был горазд. И выпить. Как-то хватил лишнего, шёл по дороге и ругался скверными словами на всю округу. Здоровый был, связываться с ним все боялись. А тут это бабка ему по дороге попалась.

– Что ж ты, – говорит, – ругаешься так? Слушать противно!

А тот возьми и ответь:

– Хочу – и ругаюсь! И никто мне не указ!

– Ну, коли хочешь ругаться, да ещё чтобы тебе никто не перечил, – ругайся на здоровье.

И ушла. А кузнец остался. Только видно его не стало. И сдвинуться с места, судя по всему, не может. Представьте – никого нет, пустота – и ругань стоит невозможная. Дня три это продолжалось. Вся деревня туда ходить боялась. Пока кузнец не взмолился – «Больше не могу!» – и пообещал впредь не ругаться. Отыскали бабку – она к родным в соседнюю деревню на три дня уходила. В общем, что-то она там сделала, кузнец снова появился. Присмиривший такой.

– И ругаться перестал?

– А то. Вежливый стал. Словно подменили.

Мы немного помолчали.

– Да ну, вранье это всё, – махнул рукой Глеб.

Мы купили то, что нам было нужно, и пошли назад, по-прежнему смеясь и дурачась.

По вечерам в лагере вожатый нам обычно рассказывал какие-то интересные или познавательные истории, показывал фильм,

или обучал какому-то полезному навыку. В этот раз он заговорил об археологических раскопках и тайнах давнего прошлого. Потом пояснил – здесь неподалёку в прошлом году археологи раскопали какое-то древнее поселение. Сезон закончился, всё законсервировали, даже колючей проволокой обнесли, но на этот год у них что-то не сложилось – то ли финансирование прикрыли, то ли людей набрать не смогли – в общем, работы пока остановлены.

– Я знаю где это, – сказал Костик. – Я...

– Тише ты! – пихнул его локтем Глеб. – Хочешь, чтобы все узнали, что мы самовольно ходили в деревню?

Я наклонился к Костику:

– Чего ты там знаешь?

– По дороге вчера я видел на холме участок, огороженный проволокой.

– Не врешь?

– Нет.

– И как ты там что-то разглядел?

– Зрение хорошее, – пожал Костик плечами.

Следующее утро прошло спокойно. Скука толкала вперед, на поиски приключений, и я сказал приятелям:

– А что если нам пойти туда?

– Куда?

– На раскопки.

– Зачем?

– Обследуем там всё. Вдруг что-нибудь найдём? А если там клад зарыт?

– Вряд ли, – протянул Глеб, но я видел, что идея ему приглянулась.

Короче говоря, часов в десять мы выбрались за территорию и пошли туда, где Костик видел ограду. Мы надеялись обернуться часа за три и успеть как раз к обеду.

Дурачок снова увязался за нами. Мы пытались прогнать его, но безуспешно. Он лишь отстал метров на тридцать, но продолжал плестись следом.

Скоро мы дошли до подножия холма.

– Стой! Ложись! – скомандовал вдруг Глеб, и мы разом плюхнулись в траву.

– Ты чего?

– Там эта бабка, – Глеб показал в сторону, и мы увидели вчерашнюю старуху. Она шла в противоположную сторону – к лесу. В руке у неё была корзинка: не иначе, за грибами собралась. Или за ягодами.

Обернувшись, мы увидели дурачка, который, не скрываясь, стоял посередине тропинки и махал рукой старухе.

– Вот идиот! – прошипел Глеб. – И на кой черт мы его с собой взяли!

Между тем старуха оглянулась и теперь внимательно всматривалась в дурачка. А дальше произошло и вовсе невероятное. Старуха вдруг взяла и поклонилась дурачку. И не просто кивком, а в пояс. После чего снова пошла своей дорогой. Мы так и обалдели. С минуту молчали. Потом Глеб предположил:

– Обозналась старуха. Точно говорю.

– Точно! – подхватили мы и двинулись вверх по склону холма. Заграждение мы преодолели легко. Да и какое заграждение – одно название. Колышки вбитые и колючка, в большинстве мест провисшая и лежащая на земле.

Примерно полчаса мы лазили по траншеям и раскопам, обследовали ямы и полуразвалившиеся фундаменты каких-то строений.

Наконец нам это надоело, и мы уже собирались отправиться в обратный путь, как вдруг раздался треск, и Костик, стоявший до того на дне одного из раскопов, исчез. Только туча пыли вздымалась на этом месте. Наконец пыль рассеялась, и мы увидели дыру в земле. Похоже, там было что-то вроде подвала.

Глеб лег возле дыры и прокричал в нее:

– Эй! Костян! Ты в порядке?

– Да! – донеслось снизу. – Ногу только ушиб.

– И что там?

– Каземат какой-то. Залезайте, тут невысоко.

Мы спрыгнули в дыру. Подвал был тёмным. Правда, глаза скоро привыкли, и мы начали различать очертания предметов. По краям подземелья была старая каменная кладка. На полу валялись какие-то крупные кости и маленькие мышинные скелеты. Ощущения были жутковатые, и мы невольно притихли. Потом Глеб сказал:

– Ну, если уж залезли, давайте посмотрим, что тут есть.

Подвал был довольно большой, не менее чем двадцать метров в длину и примерно десять в ширину. Арочные своды поддерживали полуразвалившиеся колонны.

Глеб зажёл зажигалку, я последовал его примеру и достал из кармана спички. Но этого было недостаточно – слабые источники света выхватывали из тьмы не более метра пространства.

– А, чёрт! – услышали мы где-то впереди голос Глеба.

– Ты чего?

– Да упал... Эй, идите-ка сюда! Смотрите, что здесь!

Мы поспешили на зов. Глеб стоял на коленях возле обсыпавшейся стены. В кладке чернела небольшая дыра, а на земле возле, в пыли, валялись старинные золотые и серебряные монеты, украшения с драгоценными камнями.

– Смотрите! Я, понимаешь, упал, об стену ударился, а оно оттуда и посыпалось!

Мы не верили своим глазам. Однако через минуту оторопь прошла, и мы начали набивать карманы сокровищами. Алчность и азарт овладели нами. Когда драгоценности закончились, Глеб осторожно сунул руку в дыру. Некоторое время он шарил там. Наконец его сопение стихло.

– Там какой-то сундучок. Или шкатулка.

Мы расширили проём в стене и извлекли шкатулку размером примерно сантиметров тридцать на пятнадцать.

– Вскроем? – глаза Глеба и Костика блестели даже в темноте.

Мы попытались это сделать, но замок не поддавался. Глеб попробовал как следует стукнуть камнем, после чего стало ясно – не испортив шкатулку, её не вскрыть. Решив это отложить на потом, мы кое-как вылезли наружу.

Дурачок стоял возле раскопа и внимательно смотрел на нас. При этом взгляд был осмысленным и даже немного зловещим. И вообще – всё вокруг отчего-то выглядело пугающим, хотя никакой причины к тому не было. Близился полдень, ярко светило солнце, но мы шли и нервно оглядывались по сторонам. Путь шёл под горку, и мы, не стовариваясь, прибавили шаг. Дурачок остался позади. Он стоял, засунув руки в карманы, и не отрываясь смотрел нам вслед. Внезапно он рассмеялся. Каким-то громким, раскатистым басом, ничего общего не имеющим с его обычным вечно запинаящимся писклявым голосом.

Мы остановились, как вкопанные. От этого смеха у нас мурашки побежали по телу, а сердца сумасшедше забились.

– Ай! Что это? – внезапно вскричал Костик и выдернул руку из кармана. К его руке прицепился большой чёрный жук. Костик с отвращением отбросил его в сторону.

– Откуда ты его... – хотел было я задать вопрос, но в этот момент почувствовал, как в кармане у меня что-то шевелится. Через секунду оттуда выскочила зелёная ящерица и скрылась в траве.

– Что за чёрт! – вскричал Глеб и, извиваясь, скинул с себя джинсовую куртку. Она упала на землю, и из её кармана выполз уж. Он лениво свернулся кольцом и уставился на нас своими немигающими глазами. Но нам было не до него. Мы с воплями выбрасывали из своих карманов мышей, лягушек, червяков и пиявок. Наконец карманы опустели. Однако в этот момент послышался какой-то низкий гул. Он постепенно нарастал и вскоре сделался оглушительным. При этом стало очевидно, что исходит он от шкатулки, валяющейся в траве. Шкатулка начала вибрировать, из неё послышалось какое-то невнятное бормотание... Но мы этого уже не слышали. Мы стремглав неслись вниз по склону, не замечая ни колдобин, ни камней, ни кустов. Страх гнал нас вперёд со скоростью, на какую мы только были способны. А когда мы добежали до конца склона, вдруг раздался мощный, густой бас. Это был голос взрослого человека, и при этом он не шёл с какой-то одной стороны. Он словно был везде, со всех сторон. Мы понимали, что голос не может принадлежать нашему дурачку, но тем не менее говорил он.

– Остановитесь! – услышали мы. – Вернитесь! Будьте благо-разумны!

Такого всеобъемлющего, животного ужаса я не испытывал никогда в жизни – ни до, ни после описываемых событий. Как мы оказались на территории лагеря, я не помню. Помню только полубезумные глаза своих приятелей, которые не могли произнести ни слова и лишь в страхе озирались по сторонам.

Более или менее пришли в себя мы лишь часа через полтора. Однако друг с другом мы не говорили почти до вечера. Просто потому, что ничего не приходило на ум. В голове была пустота и лишь какие-то невнятные обрывки.

Вечером выяснилось, что дурачок пропал. Некоторое время его искали, потом кто-то предположил, что он отправился домой. Стали искать адрес, и тут выяснилось, что никаких данных о нашем дурачке просто не существует. Ну, то есть совсем. И даже то, что его зовут Алесь, все знали с его слов.

Утром в лагерь приехала милиция. Человек пять, не меньше. Они что-то выясняли, потом допрашивали всех, кто общался с пропавшим, в том числе и нас. А нас чем дальше, тем больше охватывал страх. Поэтому мы ничего не рассказали следовательно, заявив, что понятия не имеем, куда дурачок мог подеваться. Совместно с милицией работники лагеря ещё раз прочесали близлежащие территории. Потом долго терзали директора, почему в лагере оказался ребёнок без каких бы то ни было документов. Тот ничего не мог сказать и только отвечал, что и сам ничего не понимает. Так ничего и не выяснив, милиция уехала. А через неделю все отправились по домам. Интересно то, как реагировал на происходящее тот хулиган, который в начале смены пытался прессовать дурачка. Он то и дело как-то заговорщически, понимающе смотрел на нас, словно знал что-то, что мы хотим скрыть, и, самое главное, понимал, почему мы хотим это сделать.

Алексей остановился.

– И что, его так и не нашли?

– Нет, насколько я знаю.

– А тот хулиган что конкретно знал?

– Понятия не имею. Мы так и не выяснили. Вообще, всё, что было связано с данными событиями, вызывало у нас безотчётный страх и желание как можно скорее об этом забыть.

– Странная история, – проговорил я.

– Да уж... Странная – слабо сказано.

– Хотя при желании можно объяснить.

– И как же?

– Гипноз. Бабка та явно обладала соответствующими способностями. А дурачок был лишь своего рода ретранслятором, проводником. Предположим, она почему-то не хотела, чтобы дети лазали по раскопкам. Не исключено, что и к завершению работы археологической экспедиции она приложила руку.

– Ну да. Это, пожалуй, наиболее вероятное объяснение. Только бабки, как выяснил ещё тогда Глеб, не было в поселке. Она накануне уехала в гости к родственникам в Брянск.

Алексей взглянул на часы.

– О, уже почти два часа ночи. А завтра рано вставать. Давайте, пожалуй, укладываться. Да и чай с печеньем уже закончился.

Примерно ещё полчаса я ворочался на своём месте и не мог заснуть. В голове крутилась странная история, которой я пытался придумать хоть какое-то объяснение.

Когда я проснулся, в окно ярко светило солнце. В купе я был один. На другом месте я увидел аккуратно сложенное стопочкой бельё. Ни моего попутчика, ни его вещей нигде не было. Я выглянул из купе и, увидев проводника, спросил, куда подевался мой сосед.

– Сошёл. Еще часа два назад. Сам встал, даже будить не пришлось.

– Да, похоже, разлетелись пузыри снова в разные стороны... – пробормотал я.

– Не понял, – отозвался проводник.

– Да нет, это я про себя, – поспешил я пояснить.

Через полчаса поезд пришёл в Москву. Я взял вещи и вышел на перрон. Народу было много, но скоро он отхлынул и вокруг

всё снова опустело. Я поставил сумку на асфальт и огляделся по сторонам. В просвете между вокзальными крышами виднелся кусочек ярко-голубого августовского неба. Нужно было куда-то идти, а я всё стоял и думал. А думал я о том, что человечество всё время стремится вырваться за пределы Земли, хочет полететь к далеким звёздам, исследовать неведомые планеты. И не подозревает о том, что оно уже летит, постоянно совершая бесконечное путешествие по бескрайним просторам мироздания. Что каждый человек, словно один из тех самых пузырей, о которых говорил мой сосед, летит куда-то в космической пустоте, и только от него самого зависит, в какую сторону он свернёт и какие у него при этом будут попутчики. Каждую секунду своего существования человек определяет маршрут, которым он будет двигаться по великой бескрайней реке, и надо, чтобы движение это происходило осмысленно, искренне, верно...

Я поднял сумку и пошёл вперёд.

– Десять секунд – полёт нормальный! – пробормотал про себя и улыбнулся новому, ещё только начинающемуся дню.

Ирина КОСОВА

Ирина Геннадьевна Косова – поэт, музыкант, художник. Член МГО Союза писателей России. Автор книг «Радость на ладонках», «Смею ли...», «Полутона души моей» и публикаций в периодике. Живёт в Москве.

ПРЕКРАСНОЙ ОСЕНИ МГНОВЕНИЯ...

* * *

Сквозь янтарную листву
Солнце лучики роняет
И озябшую траву
Ласково обогревает.
Опустел наш старый дворик,
Обнажились тополя.
А с утра холодный дождик
Барабанит в подоконник
Зря.
К ночи лужи подморозил
Первый зимний холодок.
И летит ко мне с берёзы,
Оторвавшийся листок.

* * *

Полоска розовой зари
Печально теплилась вдали,
А у дороги клён кудрявый
Ронял на землю лист багряный.
Летели клином журавли
И песнь прощанья вдаль несли.
Я с упоением наслаждаюсь
Багряно-красною листвой,
В пруду холодной водой
Я руки жадно умываю...
Меня всё радует кругом:
И гриб под красным колпаком,
И паутинок ожерелья –
Прекрасной осени мгновения.

* * *

Как-то в одночасье наступила осень.
 Полетели листья с тополей.
 Тело продолженья лета просит,
 А душа – похолодания скорей.
 Серой тучею по небосклону,
 Улетает от меня печаль.
 Пусть она летит к другому,
 Мне её совсем не жаль.

* * *

В осени пора есть золотая,
 В сентябре она особенно прекрасна.
 Жёлтых листьев стайки пролетают,
 Задевая огоньки рябины красной.
 В парке пахнет марципаном,
 Радуют на клумбах астры.
 Небо голубое с облаками.
 Тишина.
 Что может быть прекрасней?!

* * *

Лист кленовый,
 Лист узорный
 Падает на гладь пруда,
 И несёт его вдоль берега
 Торопливая вода.
 А рябинки, наклонившись,
 Смотрят в зеркало воды.
 Щедро ягоды роняют,
 Делят осени плоды.

И поёт тихонько песню
 Распушившийся камыш.
 Жаль, ты этого не видишь,
 В городской квартире спишь.

* * *

Люблю я в осени печальной
 Холодность воздуха и тишину,
 Воды озёрной нервное роптание,
 И неба серого тоску и глубину.
 Люблю я в осени печальной
 Седую дымку от костра,
 Цветов и трав немое увядание,
 И пряный запах вялого листа

* * *

Хрустят под ногами бурые свитки
 Мёртвой, опавшей листвы.
 Седых паутин разлетаются нитки,
 В прелести вялой застыли цветы.
 Лишь догорает в роще осина,
 Роняя пунцовый листок.
 Грустною кажется леса картина
 В этот осенний денёк.

* * *

Что ты плачешь, красная рябина,
 И роняешь горькую слезу?
 Что так в осени тебе не мило?
 Ведь холодными дождями била
 Осень не тебя одну.
 Уж тоскуешь по зелёным листьям
 И по пышным кружевам цветов,

По весёлым летним дням лучистым,
 По порханью ярких мотыльков?
 Подожди немного, не печалься,
 Вот придёт зима – ты отдохнёшь.
 Под причудливо-волшебным одеяньем
 До Весны-красавицы уснёшь.

* * *

Воет осень, как волчица,
 Серым ветром и дождём.
 В окна грязные стучится:
 «Выходи! Тебя мы ждём!»
 Не люблю я непогоду,
 Я лампадку затеплю,
 Помолюсь, и чаю с мёдом
 Лучше крепкого попью.
 Может, завтра будет ясно,
 Солнце высушит тропинки.
 Побегу по бусам красным
 На свидание к рябинке.

* * *

Молчаливы и печальны
 Нынче клёны за окном.
 Их листва ковром сусальным
 Покрывает двор и дом.
 Соберу в охапку листья,
 Побегу за поворот.
 Там, за лесом серебристым,
 Меня Осень в гости ждёт.
 Вся в цветистым одеянье,
 С медно-золотой косой,
 Осень перед расставаньем
 Поражает красотой!

День осенний, день хороший!
 Можно по лесу бродить,
 Клюквы красные горошины
 У болотца находить.
 Носит по лесу крылатки
 Свежий ветер-озорник.
 В листьях, словно весь в заплатках
 Прячется под ёлкой гриб...
 Листья, ягоды, дождевики,
 Глазь дремотного пруда.
 Дым костра и паутинки –
 Сердцу милые картинки
 Будут в памяти всегда.
 Я подброшу листья смело,
 Закружусь и упаду!
 Засмеётся Осень с неба
 И рассыплет дождик серый,
 Ну, а я не убегу!

* * *

Как хороши, как ярки астры
 Средь пышных, жёлтых хризантем!
 Они по-своему прекрасны,
 Ещё не тронуты никем.
 Их не касался дождь, лишь ветер
 Едва головки наклонял.
 Послушные природы дети,
 Посаженные для меня.

* * *

Облака уже не тают,
 Плотны стали и грузны.
 Парк осенний облетает,
 Онемев от тишины.

Бархатцы и георгины –
Точно в глянце от дождя.
Фонари, ссутулив спины,
Убегают от меня.

* * *

Как я люблю эту жёлтую осень –
Низкий, холодный туман,
Серое небо, меж тучами просинь,
В золоте парк, и, конечно, фонтан.
Старый фонтан для заветных желаний –
Брошено скóлько в него пятаков?
Он был свидетелем наших свиданий.
А сколько он слышал признаний и слов!
Сколько воды утекло... Сколько вёсен
Мы не встречали друг друга, увы...
Но всё же сердце приятно тревожат
Воспоминанья, как добрые сны.

* * *

Февраль с метелицей завьюжил,
Поля морозцем отутюжил,
Ветрами дерзкими запел,
На ёлки колпаки надел.
Потом решил дождём полить –
Хотел нас, видно, удивить.

* * *

Под тяжестью снежного полога
Вдыхает задумчивый лес,
И звёзды смотрят спокойно
С ночных, бездонных небес.

Скоро наступит утро,
Заря упадет на утёс,
И иней седой бахромой,
Ляжет на ветки берёз.

* * *

Небо звездами покрыто,
А луна, как будто сито,
Сыплет, сыплет снег колючий,
А вокруг мороз трескучий.
Да, в такие холода
Стонут даже провода.
Нам с братишкой повезло –
В доме тихо и тепло.
Огонёк в печи мерцает,
Мама сказку нам читает.
Хорошо, хорошо!
Завтра будет веселей,
Завтра ждем к себе гостей.

* * *

Морозный мартовский денёк.
На солнце снег искрится.
Сидит на ветке за окном
Продрогшая синица.
Нахохлилась, как воробей,
Озябли крылья, лапки.
Вот дали б шубку потеплей
Да потеплее тапки!
А на кормушке у ворот
Две старые вороны,
Клюют засохший бутерброд
И мерзлый хлеб зелёный.

* * *

Умыты дождями аллеи, дома.
 Свои акварели разводит весна.
 Пятна деревьев размыты в тумане,
 Солнце не видно,
 Лишь пение птиц
 В леса оживлённые манит и манит,
 Весны вдохновенье не знает границ.
 Вот солнце лучами пробилось сквозь тучи,
 И сосны согрело от утренних грёз.
 Проснулся подснежник у ивы плакучей,
 Ручьи зазвенели меж белых берёз.

* * *

Отчего дождём и мокрым снегом
 Ты, весна, опять грустишь?
 И зачем холодными ночами
 Громко ставнями стучишь?
 Улыбнись нам солнцем и капелью,
 Смой всю грязь, и слякоть подсуши.
 Пусть зальются птицы звонкой трелью.
 Дай тепла и света для души.

* * *

В безмолвном небе звёзды тают,
 Уже рассвет не за горами.
 Стою и жду, когда же солнце
 Вдруг пробудится ото сна.
 В душе приятное волнение,
 В душе безумная весна...
 Гляжу, а озеро с востока
 Всё золотом озарено, –

Да это солнце световым потоком
 Рассвет повсюду разнесло!
 Иду навстречу золотому чуду,
 Горит листва, и свет меня слепит.
 Но глаз не отведу, смотреть я буду,
 Ведь чудо вижу я, а кто-то крепко спит.

* * *

Люблю весны очарование –
 Берёзок стройных наготу,
 И ветра тёплые касания,
 Пушинок вербы красоту.
 Всё затопившие разливы,
 В них отраженье облаков,
 И птичьих песен переливы,
 И появление мотыльков.
 И голубой шатёр небес...
 Люблю весенний мокрый лес.

* * *

Какой-то неистойвой зеленью
 Оделись деревья, кусты.
 И празднуют новоселье
 На клумбах садовых цветы.

Прозрачный воздух колышется,
 Теплом обдувая лицо.
 И так хорошо нынче дышится,
 И хочется снять пальцецо.

И к лугу спуститься пушистому,
 А там – в многотравье нырнуть,
 От запаха меда душистого
 Забыться и сладко уснуть.

* * *

Куда плывёте, облака?
Куда, в какую даль?
Куда несёте, облака,
Вы радость и печаль?
Фигуры дивные свои
Меняете сто раз –
Вот лев плывет средь синевы,
Вот ёж, нет, дикобраз.
Вот странный профиль старика
Растаял в пять минут.
Люблю смотреть на облака –
Куда они плывут?

* * *

Дыханье осени – холодный воздух,
Он вдруг коснулся моего лица.
Уж на деревьях появилась проседь,
На сером небе тучам нет конца.
В душе теснится одиночество,
Я наше лето вспоминаю каждый день.
Как мне увидеться с тобою хочется,
Но обстоятельства на жизнь бросают тень.

Игорь ЗУЕВ

Игорь Александрович Зуев – поэт, прозаик. Родился в 1957 г. на Урале. В 1974 г. окончил школу и поступил в МИСИ им. В.В. Куйбышева, а в 1979 г. защитил диплом инженера-строителя. Работал мастером, прорабом. В 1983–1985 гг. служил в рядах Советской Армии офицером. В 1989–1994 учился в Литературном институте им. А.М. Горького. На третьем курсе был приглашён работать редактором в журнал «Дружба», позже переименованном в «Россияне», где главным редактором был известный русский советский поэт В.И. Фирсов. Автор 8-ми поэтических сборников, включающих в себя как стихи, так и поэмы. Также публиковал в журналах и газетах рассказы, повести, новеллы, стихи.

Живёт в Москве.

ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Рассказ

А вдали, удаляясь с каждым шагом от пробуждающейся, побелевшей за ночь под щедро выпавшим снегом деревни, шли двое, оставляя глубокие следы, очень похожие на знаки препинания, выведенные от досады и разочарования чьей-то рукой на белоснежном равнодушном поле зимы. Солнце блестящей ледяной глыбой скользило по низкому небу и, словно в недоумении, поглядывало вниз на них, конечно же, не подозревая, что за «муха» укусила молодых, заставив в такую рань покинуть жаром печи натопленную избу.

«Скрип, скрип» – жалобно поскрипывали валенки, подбитые на подошвах толстой кожей.

«Вот, так» – слышалось обидной насмешкой Ивану, ушедшему в воспоминания по тёплой, далёкой тропинке памяти.

«Как, так?» – словно отзывались другие валенки, идущей рядом молодой женщины, наглухо закутанной в пушистую чёрную шаль.

...«А как всё начиналось?!» – вспоминал двадцатилетний парень, часто выдыхающий густые клубы пара, тем самым выдавая своё беспокойство.

Перед глазами встала давно отошедшая на дальний план картина, по сей день приятно волнующая его. Он ясно увидел себя в тот знойный летний день, когда земля, растрескавшись от стоящей вторую неделю жары, просила воды. А на небосклоне не было даже намёка не то что на тучи, но и на легчайшее облачко. И солнце, раскалённое, красное солнце словно утюжило землю, выжигая чахлую растительность. А пыль, поднимаемая над дорогой суховеем, утяжеляла и без того трудно переносимую жару.

Иван шёл после обеда на работу, находящуюся в кузнице, на противоположной стороне деревни.

В мыслях он невольно просил у неба дождя, сожалея о том, что давненько не было свежести земле. Вот он дошёл до дома своего друга Кольки, и только хотел крикнуть того, как вдруг увидел невиданное им доселе чудо. По другую сторону дороги, у колонки, тщетно пытаюсь напиться студёной воды, стояла девушка. Она нажимала своей изящной ладонью на рычаг, и вода с шумом вырывалась наружу. Тогда девушка наклонялась, чтобы испить ледяной воды. Но усилие на рычаг ослабевало, и урчащая струя превращалась в тоненькую змейку и исчезала в колонке, дразня случайными каплями жаждущие губы белокурого очарования. При этом разноцветная радуга, зависающая в мельчайших брызгах над головой склонившейся девушки, будто обрамляла светящимся ореолом её волосы. Та выпрямилась, чтобы вновь вызволить из подземного заточения искрящийся поток, и взгляд её небесно-голубых глаз встретился со взором Ивана, так и оставшегося тогда стоять на месте с полуоткрытым от восхищения ртом.

– Помогите, пожалуйста! – донёсся до его сознания девичий голос, выведший из оцепенения.

Иван, всё так же во все глаза смотря на неё, подошёл к колонке и нажатием руки выпустил пенящегося джинна на свободу. Девушка, подставив ладони под струю, отпила несколько глотков и, довольная, метнула озорной взгляд на русоволосого парня, мощной фигурой возвышающегося над ней.

– О, какой вы большой! – со смехом восхитилась она. – Наверное, спортсмен на отдыхе?

– Кузнец я, – смутился он.

– И зовут вас Иван? – предположила девушка.

– Иван – согласился парень – А вы откуда знаете?

– Да так, в детстве любила сказки читать, – лукаво прищурилась она, – а в них все богатыри – Иваны.

– А-а, – протяжно согласился парень и тут же подыграл вопросом: – А ты Марья?

– Валентиной меня мама назвала, а сюда я по распределению, учительницей математики буду работать.

– Ух ты! – удивился Иван. – Все в город, а ты в деревню.

Затем, немного полюбовавшись на Валентину, предложил:

– Может, помочь?

– Помоги, – смеясь согласилась она...

Молодые уже давно оставили пределы деревни и шли по наезженному большаку, что тянулся через снежные развалы петляющей лентой, теряясь где-то вдали, в черноте продрогшего леса. Снежные вихри, выписывая кренделя в морозном воздухе, кружились, будто приглашая идущих порезвиться вместе с ними.

– Да, – в задумчивости проговорил Иван, устремляя взгляд вдаль, откуда плыли тяжёлые облака, сливались с белой простыней земли. – Не нравится мне это, похоже, буран будет.

– «Будет», «будет» – передразнила Валентина. – Тебе бы не рассуждать надо, а о лошади позаботиться. Попросил бы у председателя. Не месили бы снег ногами.

– Лошадь! – взбеленился Иван. – Я, что ли, всё это придумал?! Я к Ефимихе тайком бегал?! Все знают, чем эта ведьма занимается! От детей бегала освобождаться!

Услышав эти слова, словно кнутом стеганувшие ей по душе, Валентина как-то вся съёжилась, вобрав голову в плечи и, замолчав на полуслове, пошла на другую сторону дороги, теперь, пролегающей между деревьями, вздымающимися к небу свои убелённые снегом кроны.

Двое шли по разные стороны дороги, как по противоположным берегам реки. Валентина машинально передвигала ногами, похоже, забыв, куда и зачем идёт. Её память предательски высвечивала из дальних закутков души давно прошедшую боль. И оттого она, будто вновь, как и тогда, будучи студенткой института, пережила горечь утраты для неё дорогого и невозвратимого.

Она ясно увидела себя и свою первую любовь – черноволосого, высокого, худощавого парня, постоянно вышагивающего по комнате на вечно полусогнутых ногах и читающего ей мораль.

– Ну, глупышка, конечно же я тебя люблю и хочу, чтобы ты была моею и только моею. Но...

И это «но» как и его огромный, смешной нос, вызывающе зависало над ней.

– Но, дорогая. Ты же должна понимать, что пока ещё не время заводить детей. Тебе сейчас сколько лет? – Он на секунду делал паузу и многозначительно продолжал: – Двадцать, а выглядишь ты гораздо моложе. А родишь, что тогда? Бабой станешь. Ты понимаешь, бабой! Сама себя за рутину ежедневных забот запряжёшь. Живи и радуйся! Пользуйся молодостью и свободой!

Он говорил, смешно жестикулируя руками, стараясь придать своим словам пущую убедительность. Но ей было не до смеха, а наоборот, грустно и обидно, и, что греха таить, даже хотелось плакать. Она чувствовала, что слёзы вот-вот потекут по её лицу от жалости к самой себе и к не вовремя оказавшемуся в ней ребёнку, что слабой искоркой зародился под её сердцем и вызвал о помощи и любви...

Валентина затрясла головой, желая отогнать эти воспоминания, но те, наоборот, ещё более яркой картиной, щемящей её сердце, всплывали в сознании. И ей показалось, что она опять на операционном столе, где холодный нож хирурга отнял у неё сокровенное желание держать на руках трепетное маленькое тельце. Она вновь почувствовала пропасть, что пролегла между ней и той Валентиной, не знающей ножа, ножа врача, разделившего её судьбу на «до» и «после». И это «после» – чёрной полосой перечеркнуло все её мечты. Тот, кого, кого любила, по её выходу из больницы как-то незаметно стал от неё отдаляться и в конце концов исчез. Искать его она не стала, природная гордость не позволяла выпрашивать чьего-либо участия. Позже узнала, что «грач», так называли его в общежитии, женился на дочери декана, над которой не раз смеялся, проводя время с Валентиной.

– В аспирантуру полез, – судачили однокурсницы...

Но вот издалека до слуха Ивана донёсся слабый звон колокольчика, задуваемый порывами ветра. Иван обернулся и увидел приближающуюся к ним лошадь, запряжённую в сани.

– Кажется, кто едет? – заключил он.

– Точно – с раздражением подтвердила идущая. – Кому надо по морозу?

– Да тише ты, сорока, – оборвал её муж. – Коль едут, может, и подбросят.

– Может, и подбросят – с иронией усмехнулась она. – Дед Мороз едет нам помогать.

– Ну вот, вечно ты такая. А ведь и впрямь едут.

– Тпру, – натягивая вожжи, осадил вороного Ермолай, здоровенный бородатый мужик, широко распахнувший овечью шубу.

– Не холодно? – удивлённо спросила Валентина, похлопывая себя по бока, руками, облачёнными в рукавицы.

– Не-а, жарко, – пылая румяным лицом, засмеялся мужчина.

– А тебе всегда жарко, будто в груди два сердца горят, – не унималась женщина.

– Точно – согласился подъехавший и спросил:

– Куда ж вы в такую погоду путь держите?

Валентина, не желая раскрывать причины столь ранней прогулки, нарочито весело ответила:

– Идём в район, людей посмотреть да себя показать.

– Что пешком-то, али ног не жалко?

– Да вот, опростоволосились, – вздохнула Валентина. – Не подбросите до райцентра?

– Полезайте, места всем хватит. А по снежку «Воронок» и не почует прибавки.

Двое живо примостились в санях.

Ермолай, присвистнув через щербинку на верхнем, центральном зубе, щёлкнул в воздухе кнутом и погнал лошадь по большаку. Валентина подняла воротник шубы и спряталась за ним, будто улитка в ракушке. Иван глядел назад, где, набирая силу, невидимым зверем резвился ветер. Ветер, порой будто затаясь, готовился к прыжку. Тогда степь замирала, и только лёгкая позёмка струилась за санями. Но вот ветер, будто дождавшись жертвы, стремительно вылетал из незримой засады, и начиналась такая круговерть, что приходилось с головой прятаться в

шубу, спасая лицо от колючих нападков летящего со всех сторон снега. Попутчики молча въехали в лес, и лишь только понукание Ермолаем коня нарушало молчание.

Но Валентина вновь заговорила:

– А вы куда путь держите?

– На станцию. Сегодня к Ефимихе племянница приезжает, надо уважить старуху.

Услышав это имя, Иван, побледнев, сжал зубы. А Ермолай, развязав узелок разговора, продолжал:

– Вон, давеча она моего «Воронка» из такой хвори вытащила. Думал всё, конец ему, сдохнет. Ан нет, спасла. Добрая она, людям помогает.

– Ведьма – процедил сквозь зубы Иван.

Валентина, услышав это, побледнела и замолчала, словно прикусила язык.

– А как обратно-то? – не унимался Ермолай.

– Что? – сбрасывая с себя оцепенение, переспросила женщина.

– Как обратно-то?

– Обратно? А как-нибудь, – ответила та, но спохватившись, спросила: – Может, и обратно подбросите?

– Может, и подброшу, коли поезд не опоздает. Вон в том году как замело, так на целые сутки поезд в пути застрял.

– И что, ждать будешь?

– А как же, надо. Чать внучка из самой столицы едет. Да и бабка много добра по жизни людям делает. В деревне-то, поди, каждый к ней за советом бегал – со значением взглянув на Валентину, добавил Ермолай. Но, увидев, что этим высказыванием сконфузил её, щёлкнул над головой кнутовищем и подбадривая окриками коня, ускорил его бег.

– Но-о, залётная! – только и услышали муж и жена, сидя на сене, вспоминая каждый своё.

Память Ивана вновь вернула его к тем замечательным летним дням. И ему показалось, что он только вчера познакомился со своей женой, проводив первый раз до дома, где девушка остановилась.

Тогда Иван пошёл на работу, где весь день боролся со странными, но приятными мыслями, назойливо лезшими в его голову. А к вечеру, наскоро побросав в ящик инструменты, чего с ним никогда не было, чуть-ли не побежал к Валентине. Долго ждал у калитки её прихода, но дождался. Вскоре молодые поженились.

Иван, всматриваясь в мелькающие деревья, ясно представил её в том первом дне, после регистрации, перед своим домом, куда привёл жить свою жену.

Валентина робко остановилась перед дверью, не решаясь ступить за порог. Тогда он подхватил её на свои могучие руки и внёс в дом.

– Здесь, мы и будем жить, радость моя, – бережно опуская свою любовь на пол, сказал молодой муж...

– Тпру, приехали! – вывел из задумчивого состояния молодых Ермолай, останавливая разгорячённого коня перед парадным крыльцом райсовета.

– Благодарствую, за мной не заржавеет – отозвался Иван, слезая с саней.

– Так значит, и назад подбросите? – неуверенно спросила Валентина.

– Подброшу – подтвердил Ермолай, трогая с места лошадь.

В кабинет вошли двое. Женщина, подталкивая молодого мужчину, тихонько прикрыла за собой дверь и покашляла в кулак, желая привлечь к себе внимание сидящего за столом пожилого председателя райсовета, правую сторону лица и шею которого пересекал шрам, теряясь где-то за воротом гимнастёрки. Его левая рука безжизненным протезом лежала на столе, прижимая какие-то бумаги. Правой что-то писал. Он, конечно, сразу заметил вошедших, но не поднимал головы, продолжая заниматься своими делами.

«Опять пожаловали, – подумал Пётр Андреевич. – И ведь не надоест. Который раз приходят, всё разводятся. Чего неймётся? Ведь любят друг друга. Неужто приходят лишь для того, чтобы их помирили? А если и разойдутся? Всё равно друг без друга жить не смогут».

– Ты даже здесь стараешься, чтобы я первой была, – с раздражением прошептала Валентина, вновь подталкивая вперёд мужа.

Иван, нервно теребя в руках шапку, будто подкрадываясь, продвигался к столу.

– Мы, – покашливая, проговорил он – вот, пришли.

Пётр Андреевич, оторвав взгляд от бумаг, пытливым взглядом посмотрел на вошедших: – Что, опять разводиться пришли? Не надоело?

– Всё, пожили! – Выпалил Иван.

– Так уж и всё? – недоверчиво переспросил председатель.

– Всё! – рубанув рукой воздух, уточнил вошедший.

Он, по-видимому, со словом «всё» выдохнул всю свою смелость, а потому, опустив голову, молча стоял, теребя руками шапку.

Валентина же, нерешительно выглядывая из-за его спины и всхлипывала. Пётр Андреевич понимал, что и сейчас, как и раньше, сможет их помирить, но в то же время был уверен, что через некоторое время двери его кабинета вновь откроются и на пороге появятся они. А потому решил раз и навсегда покончить с этим.

«Далеко не разбегутся, любят же», – вертелась в голове мысль.

Он, не спеша, открыл стол, вынул бланки, взял в руку печать и, подышав на неё, строго спросил:

– Может, одумаетесь?

При этом хмурый прищур левого глаза взглядом устремился на Валентину, и та, словно прячась от него, зажмурилась и лишь едва слышно произнесла:

– Мы не можем вместе, – закрепив сказанное слабыми всхлипываниями.

– Ну! – ещё раз переспросил председатель.

– Нет. Нет. На это раз всё, баста! – выдохнул Иван.

В следующий момент, когда после сказанных слов в кабинете наступила тишина, в которой лишь слышалось, как идут настенные часы, рука председателя высоко взметнулась в воз-

духе, на мгновение застыв, словно ожидая обратного решения, и опустила на бланк, останавливая время совместной жизни для этих двоих.

Затем председатель взял бланк в руки и, подышав на печать, то ли утвердительно, то ли подытожив, повторил:

– Всё...

– Всё?! – только и вырвалось вопросом у Ивана.

– Всё!.. – испуганно подхватила Валентина.

И это «всё» будто из ниоткуда прилетевшей птицей зависло в кабинете. Иван вдруг будто увидел себя перед пропастью, которая в одно мгновение разделила его с женой. И он физически почувствовал силу, раскидавшую их по разные стороны этой пропасти. И он, в порыве жалости к себе и Валентине, которая вся съёжилась от свершившегося, хотел подать ей руку, но только, с шумом выдохнув воздух, рванул с места и выбежал за дверь.

Валентина же как-то обречённо взглянула на Петра Андреевича и со слезами на глазах спросила:

– А как же я?..

Затем тихо, даже незаметно, вышла в коридор, откуда доносились до председателя её шаркающие шаги.

«Ничего, поживут так. Может, поймут, как друг без друга жить? Далеко не разбегутся, любят же».

Иван распахнул входную дверь и выбежал на крыльцо.

– Ух! – только и вырвалось у него удивлением.

Это хлесткий морозный ветер бросил ему в лицо порцию колючего снега.

– Однако, – натягивая на голову шапку, сказал Иван.

А на дворе уже смеркалось. Чёрные тяжёлые облака ещё ниже прижались к земле, угнетая и без того безрадостное настроение у человека, только что потерявшего свою мечту. Над домами из труб, под порывами ветра тянулись рваными хвостами дымы. Струили тёплый свет окна. Вокруг не было ни души, а потому создавалось впечатление заброшенности и ненужности всего окружающего мира. Лишь изредка за забором начинали лаять собаки.

Иван запахнул полушубок и быстрым шагом стал удаляться от райсовета. Но вдруг остановился, огляделся вокруг и направился назад.

– Никак, буран затевается, – пробормотал он.

Лишь только он подошёл к райсовету, как открылась дверь и появилась заплаканная Валентина.

– Что сырость-то разводишь? Сама добивалась.

– Что пристал? Иди себе и иди. Кто я тебе? Никто. И в провозатых не нуждаюсь, сама дойду.

– Ничего – не отступал Иван, – провожу, а там не моё дело. Глянь-ка, как метёт. Так что и не выдумывай. Всё-таки ты моя жена. хоть и бывшая.

И он взял Валентину за руку и, не ожидая возражений, повёл по дороге домой, где ещё совсем недавно вместе с ними жили высокие чувства: Вера, Надежда, Любовь, да ещё Мечта.

– Ах, кабы Ермолая нам опять встретить – вслух подумала Валя.

– Вот бабы. «Кабы» да «кабы», – не сдержался Иван. – Вся жизнь на «кабы». И семьи уже нет, и вроде не было, а ты всё «кабы» да «кабы». У других хоть дети остаются. Опять же, смысл жизни. А у нас что? Так, распутица. И следов-то не осталось.

Слова, сказанные Иваном, были услышаны всем существом Валентины, и она почувствовала пустоту, которая как-то сразу поглотила её. Она стала всматриваться в сумерки. Ей показалось, что вдали промелькнуло кровавое тельце её неродившегося ребёнка, просящего у своей матери пощады. И ей стало до боли жаль неродившегося младенца, так и не увидевшего свет. И оттого женщина будто заново пережила острую боль той невосполнимой потери. Она вскрикнула, схватилась за живот руками и упала. Иван, увидев это, рванул к Валентине, лежащей на снегу, на краю дороги.

– Валя, Валюшка, – тормошил он её. – что с тобой?!

Женщина без движения лежала на снегу. Тогда он снял рукавицу и провёл ладонью по лицу. По щекам бывшей жены текли горячие слёзы.

– Не плачь, глупышка. Не надо, – гладил её Иван. – Что теперь делать? Сама захотела. Сама бегала к Ефимиhi, от беременности освобождалась. Все знают, чем она занимается.

Валя открыла глаза и чуть слышно проговорила:

– Да, бегала. Совсем немного, и вылечила бы Ефимиha меня, и я бы смогла родить.

Теперь у Ивана помутнело в глазах, и он чуть не задохнулся от услышанного, поняв, что, накручивая себя чёрными мыслями недоверия и недопонимания к любимой жене, сам разрушил их счастье.

– Так ты не для прерывания беременности бегала к ней?!

Валя взглянула в глаза Ивану и ответила:

– Нет, конечно. Какой ветер это тебе в уши надул? Она многим помогла, лечила она меня.

Двое молча шли по дороге, возвращаясь в свой дом.

Вероника АЛЕЕВА-НЕДОБРОВО

Вероника Мстиславовна Алеева-Недоброво – поэт. Родилась в Москве. Окончила филологический факультет Ивановского государственного университета. Член МГО Союза писателей России, член Клуба писателей Центрального Дома литераторов.

Живёт в Москве.

ТЕПЕРЬ Я ЗНАЮ — СЧАСТЬЕ ЕСТЬ...

КАК ВРЕМЯ НЕСЁТСЯ

Как время несётся – его не унять,
И не повернуть никогда его вспять.

Но, право, не надо об этом грустить.
Давайте любить, восхищаться и жить!

С годами мудрее и пристальней взгляд,
Прекрасны ручей, и поляна, и сад.

И дружба с годами мудрей и тесней,
Сердечен и верен круг добрых друзей.

И дочка-кровинка – чудесный цветок,
Как капля росы и как солнца глоток.

МОЕМУ МОЛЧАЛИВОМУ ДРУГУ

Моему молчаливому другу
Я открыто в глаза посмотрю:
«Жизнь бежит, как шальная, по кругу,
И заря догоняет зарю.

Всё плохое забудется скоро,
И останется в сердце добро,
И смешною покажется ссора,
Пустьяком – слово, что серебро.

А молчанье – оно золотое,
По поступкам мы судим людей.
И с душевной чистотою
Проживи до скончания дней».

ДЕРЕВНЯ

Жить бы безвыездно в старой деревне
И наблюдать, как под окнами пруд
Тонким ледком затянулся наемни
И камыши заковал там и тут;

Как прихватило морозцем рябину,
Здесь не сорвали её на компот;
Как вдоль забора, взваливши корзину,
Яблок ядрёных дед внукам несёт.

Видеть бы, как в умирающей неге,
Ах, забелела трава-мурава,
Как по дороге на шаткой телеге
Добрый сосед возит к дому дрова.

В детстве бы жить без конца и начала.
В сердце желание это таю,
Чтобы симфония мира звучала
Сказками, ласковым: «Баю-баю».

Я – ЛЯГУШОНОК ИЗУМРУДНЫЙ

Я – лягушонок изумрудный –
На валуне, покрытом мхом;
Я обессилел: путь был трудный,
Зато на камне – я верхом.

И, лапки нежные расставив,
С подрагивающим брюшком,
Я крикнул, солнышко восславив,
Висящее, как жёлтый ком.

Такое мягкое участие
В судьбе любого существа
Сравнимо только лишь со счастьем,
И звонко пронеслось: «Ква, ква!»

Сегодня праздную победу
На валуне замшелом я:
Став ближе к солнечному свету,
Узнал о смысле бытия.

ПОЕДЕМ, САША, В КРАЙ...

Поедем, Саша, в край,
Где всё осталось:
Душистый ветер,
Сочная трава,
Где детская
Безудержная шалость
И юная любовь
Во всём права.

Поедем, Саша,
Навестим Ветлугу,
Любимую из всех
Российских рек.
Поклонимся мы
Заливному лугу,
Где средь ромашек
Вырос человек.

КАПЛИ ЛЕТНЕГО ДОЖДЯ ВЕСЕЛЯТ ВЕТЛУГУ

Капли летнего дождя веселят Ветлугу.
Чайка рыбкой (это чудо!) потчует подругу.
Там и тут рыбачьи лодки – в поисках удачи.
«Милая, любимая, почему ты плачешь?»

Бесконечный горизонт весь объят закатом.
Засыпают цветики по зелёным скатам.
Ах, кузнечик запоздалый, замер и не скачешь.
«Милая, любимая, почему ты плачешь?»

Невесомым молоком залиты долины.
Утренние облака – словно исполины.
В целом мире ты одна ничего не значишь.
«Милая, любимая, почему ты плачешь?»

В РЕКЕ Я ПОЛОЩУ СВОИ ПЕЧАЛИ

В реке я полощу свои печали,
Где чёлн невзгод и бед моих причалил.
Печаль-косынку опущу я в воду.
Прозрачна и легка. За ней без броду
Пойду с закрытыми глазами. Боже!
Печаль-косынка меньше всех. До дрожи
Я холожу в реке свои ладони,
Распластан саван и никак не тонет,
Такая уж печаль! Бела до боли –
Всё время подсыпает в рану соли.
Как парус корабля, печаль другая.
Простёрлась так, что не видать и края.

Не удержу, так рвёт её теченьем.
 Всё. Поплыла (смотрю я вслед с волненьем),
 С собою увлекая все печали.
 И чёлн невзгод и бед моих отчалил.

Я НЕ МОГУ СОРВАТЬ ЦВЕТОК

Я не могу сорвать цветок
 Ни в поле, ни в саду.
 Любуюсь так. Зрю на восток,
 Где луч готов к труду –

Раскрыть прекрасные уста
 Божественных цветов.
 О, как заговорят тогда!
 Без человеческих слов.

Они поведают о том,
 Как переменчив мир,
 Что жизнь и смерть в краю родном –
 Лишь путь на брачный пир*.

ОДНО НА СВЕТЕ ВЕЧНО И НЕТЛЕННО

ОДНО на свете вечно и нетленно,
 Чему служить мы можем не боясь,
 Что бросят нас, что предадут мгновенно
 Или, злорадствуя, нас втопчут в грязь.

ОДНО, чему себя доверить можно,
 Свою любовь и честь, и даже жизнь...
 Я прикасаюсь к Слову осторожно.
 О, Творчество, блаженством окажись!

ПОЭТ

Поэт, в несчастьи ты велик:
 Чарующе-прекрасны речи,
 И благородно-светел лик,
 Хотя душа – как после сечи,

Изранена, умерщвлена,
 И будто мёртвою водою
 Обагрена, окроплена
 Под несчастливою звездою.

Звездою, чей колочий свет
 Летит, не ведая препятствий,
 Вонзаясь в снег, и, как навет,
 Он леденит. И снег в убранстве

Безумных отсветов звезды
 Так манит душу человечесью.
 Так путника после езды
 Пленяют огоньком и речью.

Душа – на снег. Снег – на губах...
 И вот уже под грудью тает,
 Вода мертва. Вселенский Бах
 С душой поэта улетает

* Брачный пир – одна из притч Иисуса Христа о Царствии Небесном.

К высотам, никакой звезде
Не сившимся ни до, ни после.
И музыка стихов – везде.
Везде и всюду. До и после.

**ТЕПЕРЬ Я ЗНАЮ –
СЧАСТЬЕ ЕСТЬ**

Теперь я знаю – счастье есть:
В нетронутых листах бумаги,
В словах «поэзия» и «честь»...
И в поэтической отваге.

**ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

Светлана Георгиевна Замлелова – прозаик, публицист, переводчик, драматург, критик, литературовед. Родилась в Алма-Ате. Окончила Российский Государственный Гуманитарный Университет (Москва). Автор романов «Блудные дети», «Скверное происшествие. История одного человека, рассказанная им посмертно», «Исход», философской монографии «Приблизился предающий...

Трансгрессия мифа об Иуде Искарите в XX–XXI вв.», книг «Гностики и фарисеи» (рассказы и повести), «Разочарование» (рассказы и фельетоны), «Нам американцы объявляли санкции», «В переплёте» (сборники статей), «Французские лирики XIX века» (переводы французской поэзии), «Посадские сказки», «Эдуард Стрельцов: Воля к жизни», «Александр Алехин: Партия с судьбой» и др. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Член Высшего творческого совета МГО СП России. Кандидат философских наук (МГУ им. М.В. Ломоносова), защитила кандидатскую диссертацию на тему «Современные теологические и философские трактовки образа Иуды Искариота». Автор многочисленных публикаций в периодической печати и в интернете. Творчество отмечено литературными премиями и региональными наградами.

Живёт в г. Сергиев Посад МО.

Сказка

ГЛАВА I, В КОТОРОЙ ПАВЛИК ЗАПИСЫВАЕТСЯ В БИБЛИОТЕКУ

Павлик Зотов – самый обыкновенный мальчик. У него русые волосы и голубые глаза. Он неплохо учится, хотя мог бы учиться гораздо лучше, немного ленится, немного боится больших мальчишек во дворе, немного смущается девочек и от смущения даже может огреть кого-нибудь из них рюкзаком по голове. А ещё он очень стесняется, когда нужно что-нибудь выяснить у незнакомых людей. Павлик терпеть не может, когда взрослые спрашивают его, кем он хочет быть, потому что он не просто этого не знает, но и не желает об этом думать. По правде говоря, Павлику хотелось бы стать путешественником – всю жизнь ходить, ездить, странствовать, увидеть, где сходится небо с землёй, коснуться радуги и найти клад. Но говорить об этом со взрослыми значило бы навлечь на себя насмешки. Уж это он хорошо усвоил.

Павлик живёт в Москве на улице Зорге. Но каждое лето родители отвозят его к бабушке с дедушкой в город Валдай. Бабушка с дедушкой живут не в квартире, а в своём собственном доме – довольно маленьком, но удобном и очень уютном. Во всяком случае Павлику там очень нравится. За домом есть сад, огород, пёстрые куры в курятнике и чёрно-белый пёс Тобик никому не ведомой породы. Правда, дедушка уверяет, что Тобик – южноафриканская борзая.

Но Павлик бывал не только в Валдае. Вместе с родителями он ездил в Санкт-Петербург или, как говорит бабушка, в Ленинград. А ещё в Ярославль, в Астрахань, в Сочи, в Иркутск и даже в Египет и на остров Кипр. В Египте и на острове Павлику очень понравилось, потому что можно было весь день сидеть в море или в бассейне, вылезая на сушу только ради обеда или сна.

В Валдае тоже можно купаться – в большом озере. Но беда в том, что в Валдае не всегда так жарко, как на острове Кипр. И порой за целое лето Павлик успевал выкупаться от силы два раза, потому что всё время шёл дождь и было холодно.

Вот и в прошлом году лето выдалось холодным и пасмурным, купаться Павлику запретили. Да он и сам не стремился окунаться в холодную воду. Конечно, он ходил на озеро, посмотрел на катер, на купола монастыря, видневшиеся на другом берегу, за лесом, побросал в воду камни, покормил уток. И побрёл домой, потому что возле озера делать было больше нечего. В такую погоду Павлик любил читать. Но все книги в доме у бабушки с дедушкой он уже прочёл. Ну, конечно, не все, а только те, что были ему интересны – про Гарри Поттера, про ведьмака, про хоббитов и про Дракулу. Правда, дедушка отчего-то ругался и грозился выбросить эти книги. Но бабушка сказала – их подарили Павлику, и пусть лучше он их читает, чем вообще ничего. К тому же, Гарри Поттер – книга приличная. Так она и сказала: «Приличная книга». Тут они стали спорить, но выбрасывать «Гарри Поттера» дедушка передумал.

Ни смартфона, ни планшета у Павлика не было. Гаджеты остались в Москве: родители сказали, что каникулы даны человеку не для того, чтобы пялиться в экран и что в десять лет нужно больше гулять и читать книги, а не писать разные глупости в социальных сетях. И Павлику пришлось развлекать себя другими возможными способами.

Когда же он посетовал, что даже почитать ему нечего, дедушка опять разворчался и стал возражать, что, во-первых, дома ещё много интересных книг, а во-вторых, в двух шагах от дома есть старинная библиотека. И если уж он не хочет читать то, что есть дома, то пусть запишется в библиотеку, тем более это не составляет никакого труда, а книжек там хватит на тысячу Павликов.

Павлику было интересно посмотреть на старинную библиотеку, и он отправился записываться. Дедушка оказался прав: записаться было нетрудно. А сама библиотека Павлику даже очень понравилась: это и в самом деле было старинное здание из тёмного кирпича, и пахло там тоже как-то по-старинному.

Как только Павлик открыл тяжёлую скрипучую дверь, на него пахнуло чем-то неизвестным, но приятным, как – тут же решил для себя Павлик – пахнет во всех старинных домах, усадьбах и замках. Пока Павлик шёл в читальный зал, крашенные доски у него под ногами таинственно скрипели, пол был неровный, под наклоном – вероятно, доски или лаги начали гнить. В коридоре стояли высокие стеллажи, заполненные книгами, а ещё сидела чёрная кошка. И когда Павлик проходил мимо неё, она с любопытством на него посмотрела и, как показалось Павлику, усмехнулась. Но, конечно, это ему только так показалось.

Библиотекарь Валентина Петровна Павлику тоже понравилась. Она встретила его ласково, завела читательскую карточку и расспросила, что он читал. Потом предложила несколько книг, и внимание Павлика привлекло название «Кортик».

– Это сказка? – спросил он.

– Нет, это быль, – улынулась Валентина Петровна и добавила, что когда она была девочкой, то очень любила фильм по этой книге.

– Я и сейчас его люблю, – сказала она. – А ты не смотрел?

– Зато я смотрел про Гарри Поттера, – счёл нужным пояснить Павлик.

– Понятно! – вздохнула Валентина Петровна и протянула Павлику книгу.

Всю ночь Павлик читал «Кортик» под ночником, а полная луна заглядывала в окно, добавляя света. Валентина Петровна сказала, что у «Кортика» есть продолжение под названием «Бронзовая птица», и Павлик, дочитав книгу и не выспавшись, отправился в библиотеку, горя желанием узнать, что это за птица такая.

Войдя в здание из тёмного кирпича, он поспешил по коридору, уставленному стеллажами с книгами, как вдруг снова заметил вчерашнюю кошку. Она сидела в неосвещённом углу, и глаза её светились зеленоватым светом. Павлику даже стало немного страшно. Кошка внимательно следила за ним, так что можно было подумать, будто она нарочно дожидалась Павлика.

Он прошёл в читальный зал, поздоровался с Валентиной Петровной. Но был рассеян, потому что не переставал думать о странной кошке. И пока Валентина Петровна хвалила его за то, что он прочитал книгу так быстро и сразу вернул, Павлик думал, что надо непременно пойти и посмотреть, что делает кошка в тёмном углу. Когда же Валентина Петровна пошла за «Бронзовой птицей», Павлик выскользнул из зала и свернул налево по коридору – туда, где в углу сидела странная кошка. В это же время кошка встала, как будто и впрямь дожидалась Павлика, и лениво прошла вдоль стены к выкрашенной тёмно-коричневой краской двери в торце коридора. Обернувшись на Павлика, сверкнув глазами и усмехнувшись – в этом Павлик был теперь совершенно уверен, – кошка ткнулась мордой в дверь, и массивная, тяжёлая с виду дверь, к тому же запертая на всякий замок, легко распахнулась. Павлик в недоумении остановился, глядя, как створка бесшумно закрывается, а замок становится на прежнее место. Но в следующую минуту он и сам был уже возле двери, легонько толкнул её и снова удивился, что она распахивается от легчайшего прикосновения.

Сказать по правде, Павлик немного испугался и думал, что сейчас перед ним окажется какая-нибудь таинственная тёмная комната или винтовая лестница, ведущая в подвал, или, может быть, даже склеп. Но ничего похожего Павлик не увидел. Оказалось, что перед ним запасный выход, правда, никак не обозначенный. Павлик мог бы закрыть дверь и спокойно, удовлетворив любопытство, вернуться в читальный зал. Но вместо этого Павлик, влекомый неясным чувством, переступил порог и оказался на улице. Первое, на что он обратил внимание, была чёрная кошка, воспользовавшаяся выходом перед ним. Кошка повернула голову и улыбнулась. Но не успел Павлик подумать про кошку, как вдруг ему пришло в голову, что не далее как десять минут назад, когда он только шёл в библиотеку, на улице моросил дождь, и всё небо было плотно затянуто серыми облаками. А вот теперь над ним сияет солнце, и ни одного, даже самого маленького белого облачка не видно, сколько хватает глаз. Павлик огляделся, но ничего похожего на Валдай не

увидел – вокруг него цвели разноцветные тюльпаны, впереди правее виднелись горы со снежными вершинами, а левее, где-то внизу, плескалось море. «Может быть, это озеро?», – подумал Павлик. Но тут же сообразил, что это глупо, потому что море невозможно ни с чем перепутать. Тогда Павлик обернулся на библиотеку и остолбенел: на месте библиотеки стоял странный дом, сложенный как будто из круглых и разноцветных камней, похожих на камни, из которых делают бусы. Никакой двери, откуда Павлик вышел наружу, не было – стена перед ним была гладкой и не имела ни дверных, ни оконных проёмов.

ГЛАВА II, В КОТОРОЙ ПАВЛИК РАЗГОВАРИВАЕТ С КОШКОЙ

И тут Павлик испугался по-настоящему. Оказывается, можно испугаться не только в тёмной комнате, но и при ярком солнце, когда вокруг растут тюльпаны, а недалеко плещется море. Он хотел обойти странный дом, но едва только сделал шаг в сторону, как услышал чей-то странный голос. Голос был женский вкрадчивый и звучал он совсем рядом. Однако никаких женщин поблизости Павлик не видел.

– Бесплезно, – сказал этот голос.

Павлик обернулся и ещё раз убедился, что никого рядом нет. Только чёрная кошка сидела на прежнем месте и, щуря от солнца глаза, наблюдала за Павликом.

Павлик посмотрел на кошку и отвернулся, всё ещё надеясь найти того, кто это с ним разговаривал. Но в то же мгновение опять услышал за спиной тот же голос:

– Если я говорю бесполезно – значит, бесполезно.

Он резко развернулся и пробормотал:

– Кто это говорит?

И вдруг услышал прямо перед собой:

– Это я говорю.

Но в том-то всё и дело, что голос звучал прямо перед Павликом, а никого кроме кошки рядом не было. Но пока Павлик

смотрел, вытаращив глаза, на кошку и раздумывал, что бы всё это значило, кошка открыла рот, как это делают люди, когда говорят, и сказала:

– Это я, я говорю. Не сомневайся. И я говорю, что бесполезно искать дверь – ты её не найдёшь.

– Извините, – пролепетал Павлик, – я не понимаю...

– Ничего удивительного, – усмехнулась кошка.

– Но ведь кошки...

– Там, откуда ты пришёл, кошки действительно не говорят, – заявила кошка. – А здесь очень даже говорят. И не только кошки. Здесь вообще все говорят.

– Как это? – не понял Павлик.

– Что непонятного? – спросила кошка и так изогнулась, что, если бы речь шла не о кошке, можно было бы сказать: пожалала плечами.

– Где это – «здесь»? А где библиотека? Я открыл дверь и вышел из библиотеки. А теперь двери нет.

– Разве ты не знал, что некоторые двери открываются только в одну сторону?

– Я не знал, – покорно согласился Павлик, всё ещё не веря происходящему.

– Ну так знай: тебе попалась именно такая дверь. В мире несколько дверей, ведущих в Середёю, и все они открываются в разное время. Дверь, сквозь которую вошёл ты, открывается... кажется, в полнолуние. Ты воспользовался ею и оказался в Середее.

– А что такое Середее? – тихо спросил Павлик у кошки.

– Середее – это страна, откуда берут начало пути в сказку. Разве ты не знал, что у каждого человека своя сказка? Нельзя попасть в одну сказку дважды, и тем более нельзя разным людям оказаться в разное время в одной сказке. Каждый должен увидеть что-то своё и научиться тому, что нужно.

– Почему вы всё время говорите «разве»?

– Прости, – улыбнулась кошка и принялась умываться, как это делают все кошки в мире. – Это потому, что я не устаю удивляться людям из-за двери.

– Из-за двери?

– Ну да. Время от времени в Середее кто-то появляется из-за двери и проживает свою сказку, после чего возвращается обратно.

– И что?

– Всякий раз мне кажется, что пребывание здесь не должно пройти даром. Но люди... – тут кошка стала вылизывать передние лапы, то левую, то правую.

Павлик помолчал немного, наблюдая за кошкой, но потом не выдержал:

– И что же люди? – спросил он.

– Они остаются прежними. Вот ты, например. Сколько уже ты задал мне вопросов, но до сих пор не спросил, как меня зовут. Но если ты думаешь, что удивил меня, ты ошибаешься. Я видела это множество раз.

– Простите, – смутился Павлик. – Как вас зовут?

Кошка взглянула на него, прищуриваясь, и ответила:

– Аксилáдис.

– А меня Павлик, – ответил Павлик.

– Знаю, – сказала кошка, вылизывая хвост.

– Скажите, пожалуйста, Аксилáдис, как же мне вернуться обратно?

– Ну, особенного выбора у тебя нет, – усмехнулась Аксилáдис. – Чтобы вернуться домой, тебе нужно...

Тут Павлик весь превратился в слух.

– ...тебе нужно найти ключ.

– Ключ? – Павлик почувствовал себя обманутым и даже немного обиделся. – Какой ещё ключ? От чего?

– От двери сердоликового дома, конечно.

– Но двери-то нет! Зачем нужен ключ, если нет двери?

– Это как посмотреть! – вкрадчиво промурлыкала кошка. – Был бы ключ, а замочная скважина всегда найдётся.

Павлик задумался, потому что слова Аксилáдис показались ему не лишёнными смысла.

– Ну хорошо, – согласился Павлик. – Только где же мне искать этот ключ?

Но кошка так посмотрела на Павлика, что ему отчего-то стало стыдно.

– В том-то вся и штука, – сказала она. – Сначала нужно понять, где искать, а уж потом искать.

– А как можно понять?

– Откуда мне знать! Всё зависит от того, какая тебе достанется сказка. Сказка должна сама подсказать тебе, где искать ключ.

– А как?

– Этого я тоже не знаю. Всё всегда случается в нужное время. Ты можешь оставаться на одном месте, а можешь бежать – не имеет значения. Всё, что должно случиться, всё равно случится с тобой.

Павлик задумался. Если он не может сразу вернуться домой, не лучше ли пойти искупаться? Море так призывно плещется, а солнце так жарко греет.

– Я бы тоже на твоём месте сходила к морю, – услышал он голос Аксиладис. – Так ты скорее узнаешь, с чего начать.

Павлик не удивился, что Аксиладис узнала его мысли.

– А вы будете здесь? – спросил он.

– Пожалуй, – ответила Аксиладис. – Только вряд ли я тебе понадоблюсь.

– Нет, – возразил Павлик. – Я пойду искупаюсь и вернусь. Хорошо? А вы подождите меня, пожалуйста.

Сначала Аксиладис ничего не ответила. Но когда Павлик побежал в сторону моря, он услышал её голос:

– Осторожно со временем!

Он не стал ничего отвечать и побежал дальше. А очень скоро понял две вещи: во-первых, к морю нужно было спуститься, а спуск оказался каменистым и довольно крутым, во-вторых, на самом берегу, на песчаной полосе происходило что-то странное. Внизу и левее от Павлика друг против друга стояли два каких-то существа. Одно из них было совершенно чёрным, другое – совершенно белым. Павлик решил, что это два каких-то зверя, но что именно за звери, он не разобрал. Тогда он остановился и стал наблюдать. Как вдруг чёрное существо издало такой ужасающий рёв, что Павлик от неожиданности подпрыгнул. Но от этого кам-

ни, покрывавшие спуск, покатались вниз и потянули за собой Павлика. Он хотел зацепиться за что-нибудь, но зацепиться было не за что – рядом не оказалось ни дерева, ни кустика. Потеряв равновесие, Павлик упал и, влекомый осыпью, покатился вниз. Он, конечно, понял, что происходит нечто для него нежелательное, и что те существа внизу могут оказаться весьма опасными, да и падение могло сулить ему неприятности. А тут, как назло, снова раздался рёв. Поскольку Павлик уже успел преодолеть порядочное расстояние, то рёв прозвучал ближе, и оттого ещё ужаснее. Павлик, с каждой секундой катившийся вниз быстрее, не выдержал, зажмурился и закричал от охватившего его ужаса. И в следующее мгновение потерял сознание.

ГЛАВА III, В КОТОРОЙ ПАВЛИК ЗНАКОМИТСЯ С АЙБОКЕНОМ

Когда Павлик открыл глаза, он понял, что лежит на тёплом песке, что пахнет морем, а само море совсем рядом – на расстоянии вытянутой руки. В первое мгновение Павлик не сообразил, где это он. Но потом вспомнил и про исчезнувшую дверь библиотеки, и про Аксиладис, и про то, как он катился с горы. Потом вспомнил про двух зверей, и сердце у него сжалось: что если эти чудища стоят рядом и готовятся его съесть? Он вскочил и готов был уже нестись, куда глаза глядят, но тут же нос к носу столкнулся с одним из тех самых чудищ. Поистине это было невиданное существо! Огромный белый медведь, морду которого украшал рог, точь-в-точь как у носорога. Павлик даже не мог бы точно сказать, кого больше напоминало это животное, медведя или носорога. Размеры и пропорции последнего, но при этом когтистые лапы, маленькие прижатые уши и белая шерсть, как на маминой шубе из норки. Павлик тут же вспомнил белого медведя из зоопарка. Шерсть у того была жёсткая и довольно грязная. Чудище выглядело иначе: его короткая шерсть казалась мягкой и совершенно чистой. Павлику даже захотелось его погладить или хотя бы потрогать, но он не решался.

Почти столкнувшись с чудовищем, Павлик уже открыл рот, чтобы закричать. Но зверь опередил его и низким, глухим голосом сказал:

– Ну-ну! Не кричи. И не бойся меня. Ничего плохого я тебе не сделаю. Наоборот! Ты помог мне, а я помогу тебе.

Павлик оторопел. Нет, конечно, он уже разговаривал с кошкой. Так ведь то была кошка, а это кто? Как может разговаривать несуществующий зверь? Он даже хотел сказать всё это новому знакомому, но решил, что это было бы невежливо. И потому сказал так:

– Здравствуйте.

– Здравствуй, – ответило чудище. – Ты кто?

– Я Павлик, – ответил Павлик. – А вы кто?

– А я Айбокэн, – удивился зверь.

– Айбокэн?! – в свою очередь удивился Павлик, потому что никогда прежде не слышал такого слова.

– Конечно.

– Простите, – забормотал Павлик, – «айбокэн» – это ваше имя или...

– Я из породы айбокенов, если ты это имеешь в виду, – гордо заявил зверь. – Но все так и называют меня. А потому Айбокэн – это и моё имя.

Надо сказать, что Павлик очень стеснялся, но понимал, что молчать в его положении было бы совсем странно, а в сложившейся ситуации даже опасно.

– Простите, – пролепетал он, краснея, – вы сказали, что я вам помог. Но это, наверное, ошибка. Я только что появился в... в Середее. И просто не смог бы...

– Ты только что появился, но уже помог мне, – оборвал его Айбокэн. – А это что-нибудь да значит.

Потом он подумал и добавил:

– Значит, ты из-за двери. И сейчас ты хочешь вернуться домой.

– Да, – подтвердил Павлик. – Аксиладис сказала, что...

– О, я знаю всё, что сказала тебе Аксиладис. И я знаю, кто научит тебя, как вернуться домой. Если бы ты не встретил меня,

неизвестно, что пришлось бы тебе предпринять в поисках пути. Но тебе выпало встретить меня. И я готов.

– Всё-таки как же я мог вам помочь? – преодолевая смущение, спросил Павлик.

– Ты помог мне победить чёрного дракона Каракайнга, и я никогда этого не забуду.

– Но этого просто не может быть! – воскликнул Павлик. – Я никогда не видел драконов. И потом, я бы просто не смог... вам помочь.

– Ты ошибаешься. Помощь может быть разной. Тебе суждено было появиться в нужное мне время и в нужном именно мне месте. Значит, я связан с тобой, а ты – со мной. Ты пришёл в час великой битвы и повлиял на неё.

– Но как?! – Павлик так ничего и не понял из того, что сказал ему Айбокэн.

– Ведь это ты упал с горы? – с этими словами Айбокэн улёгся на песок и вытянул вперёд лапы, став похожим на сфинкса, которого Павлик видел в Египте.

– Да, – Павлик уселся рядом с Айбокеном и не сводил с него глаз.

– Ты упал и закричал. Верно?

– Кажется, я кричал, – Павлику показалось, что это было очень давно. Он сложил ноги по-турецки и зачерпнул тёплого золотого песка. – Но я же не мог помочь тем, что кричал.

– Именно этим ты и помог! Ты отвлек Каракайнга, и в этот момент я нанёс ему последний удар.

– А где он? – почему-то шёпотом спросил Павлик.

Айбокэн поднялся и потянулся, как тянутся кошки.

– Пойдём, покажу.

Признаться, Павлику было страшно смотреть на чёрного дракона. Хотя и любопытно. Но показать, что боится, Павлик не хотел и потому пошёл за Айбокеном. Идти было недалеко – Павлик сверху видел битву и свалился неподалёку.

Дракон, совсем недавно так напугавший Павлика своим рёвом, теперь застыл чёрной глыбой, и море украдкой облизывало его бок. Павлик дотронулся до жёсткой, словно

панцирь, складчатой и бугристой шкуры и, отдернув руку, сказал:

– Какой огромный...

И действительно, со стороны могло бы показаться, что Павлик стоит перед небольшим чёрным холмом. Они обошли Каракайнга, и Айбокен показал Павлику рану, ставшую смертельной. Потом Айбокен сказал:

– Теперь нам нужно идти. Мы должны найти Фалиадис, которая знает всё обо всех и сможет указать тебе кратчайший путь домой. Но учти: если бы ты пришёл к ней один, то уже никогда не вернулся бы домой. Лучше не отходи от меня, что бы она ни говорила.

Павлик очень испугался и спросил, кто такая Фалиадис. Айбокен объяснил, что Фалиадис – это ведьма, живущая в самой непроходимой чаще.

– И она злая? – прошептал Павлик.

– Ты рассуждаешь как все, пришедшие из-за двери, – отвечал Айбокен. – Она не злая и не добрая – она лишь... хм... ведает. Делая добро, она способна причинить зло. А зло может обратить во благо. Если бы ты явился к ней один, она, как пить дать, сотворила бы зло. Но я, придя с тобой, заставлю её сделать доброе дело.

– Как это? – не понял Павлик.

– Можно сказать, что она добрая. Но только до тех пор, пока ей не понадобятся... ну, скажем... человеческие глаза... или ногти. Или стаканчик крови.

– А зачем ей... глаза? – пролепетал Павлик.

– Кто её знает! Например, для эликсира вечной молодости. Или какого-нибудь снадобья. Никогда не знаешь, что у неё на уме! Но попроси её о помощи, и она не откажет. Но кто же возьмётся определить, из чего состоят её зелья! Если она поможет тебе, ведь ты сочтёшь её доброй, не так ли?

– Н-наверное, – неуверенно ответил Павлик.

– А если, чтобы помочь тебе, ей понадобится... ну, скажем... моё сердце, которое она истолчёт и перемешает с глазами Аксиладис, назовёшь ли ты её доброй в этом случае?

– Пожалуй, нет, – тихо ответил Павлик, живо представив себе ведьму, толкущую в ступке глаза Аксиладис и сердце Айбокена.

– А разве нельзя по-другому узнать, как мне вернуться домой? – с надеждой спросил Павлик.

– В любом случае нужно с чего-то начать. Я предлагаю самый быстрый способ.

– Но, по-моему, он самый страшный.

– Что ты знаешь страшнее неизвестности?

– А если мы никуда не пойдём и останемся на месте, разве неизвестность не закончится?

– Возможно, – ответил Айбокен. – Но об этом нам тоже ничего не известно. Если тебе предстоит вернуться без испытаний, мы узнаем об этом в дороге – неизбежное всё равно случится. А если не суждено – всё узнаем у Фалиадис.

– Но ведь никто не может знать будущего! – воскликнул Павлик.

– Ерунда. Ты же знаешь, что после дня наступает ночь.

– Но... Это потому что... потому что всегда так!

– Вовсе нет. Это потому что тебе всё известно о смене дня и ночи. Если бы тебе было известно всё обо всём, ты бы тоже знал будущее.

Павлик решил, что препираться бессмысленно, и не стал ничего отвечать. Он понял только одно: Айбокен считает, что нужно куда-то идти, и готов помогать. Конечно, Павлик совсем не знает Айбокена, и может статься, Айбокен пытается его заманить. Но, посмотрев ещё раз на Каракайнга, Павлик решил, что Айбокену, победившему чёрного дракона, ничего не стоило бы схватить Павлика и отнести к любой из существующих в мире колдуний. И Павлик решил принять предложение Айбокена.

Они пошли вдоль моря к скале, врезавшейся в воду. Вдруг Павлик остановился и, смущаясь, сказал:

– Простите, а можно я искупаюсь в море?

Айбокен ничего не имел против и в ожидании улёгся как сфинкс, а набегавшая волна омывала его белые лапы. Павлик долго плавал туда-сюда, нырял, лежал в воде на спине, сделал

под водой стойку на руках, после чего, наконец, вышел на берег. Айбокен ждал, пока Павлик оделся, и пошёл вперёд, огибая скалу. Он вывел Павлика к тропинке, ведущей наверх. Подъём оказался пологим. И Павлик подумал, что если бы раньше знал об этой тропинке, то не свалился бы с горы. Но тогда получалось, что Айбокен не вызвался бы ему помогать. И вообще неизвестно, что было бы.

Они поднялись наверх, и в отдалении справа Павлик увидел сердоликовый дом, откуда он попал в Сереею. Ему даже показалось, что он видит Аксиладис. Впрочем, он не был в этом уверен.

Но оказалось, что идти нужно совсем в другую сторону, так что сердоликовый дом остался у них за спиной. И Аксиладис тоже. Если, конечно, она всё ещё была там, где Павлик видел её первый и последний раз.

Они шли в сторону гор со снеговыми вершинами, и Павлик только сейчас разглядел, что перед горами расстилается лес. Павлик всё время оглядывался и думал, что ничего необычного не видит. Вон море, горы, а там впереди лес, а за лесом снова горы. Где-то, должно быть, в ветвях, пели птицы, в траве стрекотали кузнечики или цикады. Словом, ничего необыкновенного, если не считать, разумеется, уже встреченных им существ. Впрочем, думал Павлик, всё это, может быть, только так кажется. А на самом деле всё совсем наоборот: поют в ветвях цикады, а в траве стрекочут птицы. Но подумав, он тут же забыл об этом.

Поначалу они шагали рядом и разговаривали – Павлик в подробностях рассказывал о том, как оказался в Сереее, о «Кортике», о Валентине Петровне, о бабушке с дедушкой. Но очень скоро Павлик понял, что, во-первых, голоден, а во-вторых, нестерпимо хочет спать. Он подумал, что зря купался, потому что хорошо знал: после воды всегда разыгрывается аппетит и клонит в сон. Но сказать теперь об этом Айбокену он стеснялся. Не скажешь ведь, в самом деле: вы тут подождите, а я немного посплю. Но Айбокен как-то и сам обо всём догадался и сказал:

– Вот что. Залезай мне на спину. Так мы скорее доберёмся до леса. А уж обедать будем у Фалиадис.

Тут Айбокен принял позу сфинкса, а Павлик вскарабкался к нему на спину. Шерсть у Айбокена была такая нежная, а спина такая широкая, что Павлик, сначала намеревавшийся ехать верхом, устроился, как будто на пушистом ковре, и тут же уснул.

ГЛАВА IV, В КОТОРОЙ ПАВЛИК УЗНАЁТ У ФАЛИАДИС, ЧТО ЕМУ ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ

Проснувшись, Павлик понял, что они подошли к лесу.

– Теперь слезай, – сказал Айбокен. – В лесу не стоит спать.

Павлик соскользнул вниз, и они вошли в лес. Очень скоро Павлик обнаружил, что это совсем не обычный лес. Деревья, если судить по листве или хвое, казались ему знакомыми. Но верхушки их терялись в вышине, а стволы были неохватными. И чем дальше, тем деревья становились крупнее, а вокруг – темнее и прохладнее. Впереди шёл Айбокен, следом Павлик, наступавший, как велел ему Айбокен, на отпечатки его лап.

– Так никто не причинит тебе зла, – объяснил он. – Лес полон разными существами, а я дам тебе часть своей силы.

Павлик очень старался не пропускать следы, отчего не смотрел вокруг. Но вскоре они зашли в такую чащу, что продвижение замедлилось. Айбокен своим рогом разрывал сплетшиеся ветви кустарников, а Павлик стал замечать на ветках клочья белой шерсти с красными отметинами. Сначала он подумал, что это ягоды, раздавленные Айбокеном. Но потом догадался, что Айбокен поранился колючками.

Наконец Айбокен остановился перед одной из елей, нижние ветви которой склонялись к земле и напоминали шатёр передвижного цирка. Айбокен раздвинул ветви, и в самой середине шатра Павлик увидел дом. Стоило им оказаться внутри елового шатра, как целая стая каких-то крупных птиц взвилась и с шумом пролетела над их головами. Дом, к которому они подошли,

был совсем небольшим и казался сложенным из моха. Павлику вдруг пришло в голову, что Айбокен не сможет протиснуться в дверь. Но стоило ему подумать и тут же испугаться, что придётся идти в этот дом одному, как Айбокен на глазах у Павлика стал уменьшаться, пока не принял размеры крупной собаки. После чего он трижды стукнул рогом в дверь, и дверь медленно открылась.

– Иди за мной, – сказал Айбокен. – И ничего не бойся.

Павлик уже заметил: стоило Айбокену призвать его не бояться, как тут же накатывал страх. Вот и сейчас после слов Айбокена Павлику стало очень страшно. Но он всё равно вошёл в дом.

Дверь тотчас бесшумно закрылась. Они оказались в обыкновенной комнате. Павлик думал, что в жилище у ведьмы он увидит подвешенные к потолку пучки волшебных трав или мышей, змей и лягушек в банках, котёл с булькающим варевом. И, конечно же, метлу. Но ничего этого не было. Единственное, что было необычно – это огромная книга, лежавшая открытой на подставке вроде церковного аналая. А ещё повсюду горели свечи в подсвечниках, отчего свет в комнате был приглушённым. Вдруг Павлик увидел, что в стене напротив открылась незаметная дверь, через которую к ним навстречу вышла женщина. Павлик ожидал, что Фалиадис окажется старухой с длинным носом и растрёпанными седыми волосами. Но снова ошибся. Причём ошибся дважды. В первый момент Фалиадис показалась ему необыкновенной красавицей – стройной, с правильными чертами лица и нежной кожей, с длинными чёрными локонами. Но стоило Фалиадис подойти ближе и поднять на Павлика глаза, как он вздрогнул. И было от чего – никогда ещё он не видел, чтобы глаза производили такое отталкивающее впечатление. Он не смог бы объяснить, в чём тут дело. Но глаза Фалиадис внушали ему ужас.

– Здравствуй, Айбокен, – сказала Фалиадис вкрадчиво. – Я приветствую и твоего маленького друга.

– И тебе здравствовать, Фалиадис, – поклонился Айбокен.

– Здравствуйте, – пробормотал Павлик, подумавший, что окажется Фалиадис старухой, она не казалась бы такой опасной.

– Что привело тебя ко мне? Должно быть, важное дело?.. – Фалиадис улыбнулась, но улыбка её не сулила ничего доброго.

– Я хочу спросить у тебя, как моему другу вернуться домой.

– Ах, он из-за двери! – проворковала Фалиадис, разглядывая онемевшего от страха Павлика. – Что ж, я могу вам помочь. Но... что я буду иметь в награду за помощь?

– Мы всегда договаривались с тобой, Фалиадис, договоримся и на этот раз.

– Ну что же. Я надеюсь, что не останусь внакладе. Не хочешь ли чего-нибудь вкусного, маленький друг Айбокена?

Ещё недавно Павлик очень хотел есть, но под взглядом Фалиадиса аппетит у него пропал. Фалиадис смотрела так, словно сама была бы не прочь проглотить Павлика.

– Нет, спасибо, – пробормотал он.

– Ну зачем ты отказываешься? – сладко проговорила Фалиадис, и под её взглядом что-то стало меняться в Павлике. Сначала он как будто уснул наяву, мысли исчезли, он хотел о чём-нибудь подумать, но ничего не выходило. Потом мысли стали возвращаться, и первое, что пришло на ум – что Фалиадис прекрасна, что хорошо бы остаться с ней и никуда не идти с Айбокеном. Как это было бы здорово! И каким, должно быть, вкусным окажется её угощение. Вот сейчас он встанет и пойдёт, куда бы она ни позвала... Но вдруг как сквозь сон Павлик услышал рёв Айбокена:

– Оставь его!

Павлик словно проснулся и увидел, что Айбокен на глазах становится всё больше и больше, возвращаясь к своим обычным размерам.

– Я всего лишь хотела угодить твоему маленькому другу, Айбокен, – насмешливо ответила Фалиадис. – Не надо так волноваться.

Айбокен перестал расти, но остался размером с телёнка.

– Так что же вы хотите знать?

– С чего он должен начать, чтобы найти свой ключ.

Фалиадис подошла к книге, и Павлик подумал, что сейчас она станет переворачивать листы в поисках ответа. Но она

углубилась в чтение именно на раскрытой странице. Пока Фалиадис читала, было тихо. Только свечи слегка потрескивали. И снаружи доносились птичьи голоса и шорох птичьих крыльев. Наконец Фалиадис подняла глаза от книги и сказала:

– Всё просто, Айбокен. Его ключ в белых водах. Но при условии, что он выдержит испытание. Если же нет... Если не выдержит, то отправится в Аранифу. Впрочем, вода сама подскажет ему.

– Благодарю тебя, Фалиадис, – сказал Айбокен и поклонился. – Прощай.

– Как? Вы не останетесь пообедать со мной? – она удивилась, но Павлик не поверил, что удивление искреннее.

– В другой раз, Фалиадис.

Айбокен пропустил Павлика к двери, дверь сама открылась, и они – сначала Павлик, потом Айбокен – вышли из домика в еловый шатёр. Павлику показалось, что Фалиадис ещё что-то сказала, но он не расслышал, а переспрашивать не хотелось.

ГЛАВА V, В КОТОРОЙ ПАВЛИК СПУСКАЕТСЯ В ОШВУД

Они выбрались из-под ели, где стоял дом Фалиадис, но пошли совсем в другую сторону.

– Ты понял, что нужно сделать? – спросил Айбокен.

– Нет, – признался Павлик. – Я ни-че-го не понял.

И добавил:

– А она страшная.

– Со мной тебе нечего бояться. Вот если бы ты попал к ней один, тогда, пожалуй, было бы страшно.

– Интересно, что бы она мне сделала? – тихо спросил Павлик.

– Не советую пробовать. Тем более... но об этом лучше не стоит.

– А могла бы она меня съесть? – Павлику вспомнились старые сказки про ведьм, пожирающих детей.

– Она всё могла бы. Но сейчас лучше забудь об этом. Надо сосредоточиться на белых водах. А пока не забывай наступать на мои следы, – сказал Айбокен.

Ещё бы Павлик забыл! Особенно после того, что узнал о Фалиадис. Павлик не поднимал головы – лишь бы не пропустить следы Айбокена. Им снова пришлось продираться сквозь колючий кустарник, прежде чем они вышли из леса. Айбокен вывел Павлика к озеру, похожему на Валдайское. Точно так же оно было окружено лесом, такая же прозрачная вода, даже утки у берега плавали похожие.

– А теперь ты должен послушать меня очень внимательно, – сказал Айбокен и улёгся как сфинкс. – Потому что дальше ты пойдёшь один.

– Почему? – воскликнул Павлик. Он уже привык к Айбокену, а после похода к Фалиадис полностью доверял ему. – Разве вы не пойдёте со мной?

– Нет, Павлик. Дальше ты должен идти один. Во-первых, меня не пустят вместе с тобой. А во-вторых, ты должен сделать это сам. Но я буду дожидаться тебя здесь, на берегу.

– Кто не пропустит? И что я должен сделать?

– Вот об этом я и хочу сказать тебе. Слушай меня очень внимательно и ничего не забудь потом.

Павлик уселся рядом с Айбокеном на мягкий, прогретый солнцем мох. Перед ним блестела вода, кругом тихо шелестел лес, откуда слышались голоса птиц. Вроде бы всё было как обычно в лесу, но в то же время Павлик чувствовал что-то особенное. Было тепло – не жарко и не холодно, а ровно так, как нужно. Тихо, и в то же время птицы и шелест листвы оживляли тишину. Лёгкий и очень приятный запах доносился, должно быть, от растущих вокруг озера цветов. Насекомые не досаждали, страх, ещё недавно изводивший Павлика, куда-то исчез. Стало покойно и радостно. Хотелось навсегда остаться на этом берегу и не вставать с места. Это странное чувство, как показалось Павлику, исходило от воды. Присмотревшись, он даже заметил, что над озером поднималось лёгкое сияние, вид которого почему-то вызвал у Павлика восторг. И когда Айбо-

кен заговорил, Павлик слушал его с удовольствием, радуясь каждому слову.

– Ты попал в Середю, Павлик. И Аксиладис объяснила тебе, что это за место. Отсюда берут начало все пути, отсюда можно попасть в любой из миров. Тот, кому суждено оказаться в Середее, должен сам найти дорогу домой. А для этого нужно пройти испытания и подобрать ключ от двери к себе. Не всем помогает Фалиадис, бывает и так, что люди блуждают по Середее годами, прежде чем отыщут свой ключ. Благо, время здесь и время за дверью протекает по-разному.

– А было такое, чтобы кто-нибудь не нашёл ключа?

– О, нет, это невозможно. Если ты попал в Середю – рано или поздно ты найдёшь свой ключ. Для того и существует Середя. Тебе повезло – ты сразу узнал, где следует искать. Твой путь лежит через белые воды. А это значит, что ты должен спуститься в подводную страну. Вода расступится и пропустит тебя. Ты спустишься в страну Ошвуд. Всё покажется тебе странным в этой стране. Но не удивляйся и ничего не бойся! Те, кого ты увидишь, будут ласковы с тобой. Они либо сами дадут тебе ключ, либо, если ты не угодишь им, наставят на поиски.

– А что нужно делать, чтобы угодить им? – спросил Павлик.

– Скорее, чего не нужно делать. Не нужно бояться, не нужно суетиться, не нужно обманывать... Словом, вести себя так, как ведут себя люди в твоём мире. Больше всего жители Ошвуда ценят свободу. И если ты покажешь им, что и ты свободен, они всё сделают для тебя. Но если они увидят, что ты не имеешь настоящей свободы, тебе придётся продолжать поиски.

А Павлик и не боялся. Наверное, впервые, как попал в Середю. Сначала он испугался, потому что не понимал, что произошло. Потом ему стало страшно, когда он увидел Айбокена и Каракайнга. Покатившись с горы, от страха он даже потерял сознание. Его напугал лес, что уж говорить о Фалиадис... И только теперь на берегу озера, испускавшего сияние, Павлик ничего не боялся. И отмечал про себя, что ему нравится ничего не бояться.

– А как я попаду в эту страну? – спросил он.

– На закате воды расступаются, и ты увидишь проход. Ждать осталось недолго.

В самом деле, уже вечерело. Небо стало белым, и вода в озере как будто побелела, а вскоре над лесом появилась нежная розовая полоса. Павлик подумал, что его хватятся сначала в библиотеке, а потом дома. Но даже это не испугало его.

Сколько прошло времени, Павлик не знал. Но когда розовая полоса стала шире и ярче, произошло нечто странное. Вода в озере заволновалась и как будто начала закипать. Павлик и Айбокен поднялись и отошли назад на несколько шагов. Бурление усиливалось, казалось, вот-вот – и вода закипит. Но произошло совсем другое. Внезапно озеро разделилось на две части, вода, словно прорезанная, раздвинулась – если, конечно, так можно сказать о воде – и посередине появились ступени, ведущие куда-то вниз. Лестница начиналась от берега, где стояли Павлик и Айбокен. Оставалось сделать шаг, чтобы оказаться на первой ступени. Павлик повернулся к Айбокену, и тот сказал:

– Иди. И ничего не бойся. Помни, о чём я говорил тебе. Я буду ждать тебя на этом месте. И мы скоро увидимся.

Павлик, который теперь, к своему удивлению, ничего не боялся, ступил на лестницу. Ступени оказались песчаными, из плотно утрамбованного песка. Откуда-то снизу Павлик услышал необыкновенно красивое и, главное, приятное пение, а кроме того, снизу шёл неяркий, какой-то блестящий, мерцающий свет. Тот нежный, необыкновенно приятный аромат, который Павлик принял за цветочный, теперь усиливался. И Павлик подумал, что свечение над водой было как-то связано с этим подводным светом, и благоухание тоже поднималось отсюда – из Ошвуда. Он спускался и спускался, а лестнице всё не было конца. Неба и леса он уже не видел, теперь над его головой простирался какой-то непонятный стеклянный потолок. И вдруг Павлик понял, что это сомкнувшаяся вода. Наконец он увидел, что лестница кончается. Сойдя с последней ступени, он огляделся. Вокруг было селение, похожее на обычную деревню – ну, вроде Зимогорья, что близ Валдая. Только всё казалось очень чистым и торжественным. На что ни взгляни,

всё было словно пропитано порядком – как будто местные жители готовились к большому празднику. Было светло, но солнца Павлик не видел. Возле домов стояли такие же, как на земле, деревья, росли цветы и трава. И всё излучало неяркое, приятное сияние, всё благоухало. Вместе с тем всё действительно было необычным – было что-то не то и в цветах, и в домах. Приглядевшись, Павлик вдруг понял, что вокруг всё... стеклянное! Но и стекло было необычным – оно казалось живым. Сорвав цветок, Павлик ощутил нежнейший аромат, самый приятный из всех известных ему. На ощупь цветок напоминал земные цветы, а по виду – сделанный из какого-то неведомого мягкого стекла. Стекло это было бесцветным, пропускающим свет, но разглядеть сквозь него Павлик ничего не мог. Тут ему пришло в голову, что это вовсе не стекло, ведь он под водой, значит, всё вокруг – из воды, только преображённой в невиданную на земле материю. Павлик уже знал, что вода бывает жидкой, твёрдой и газообразной. Здесь же он видел четвёртое состояние воды, неизвестное наверху.

Тем временем навстречу ему спешили люди. Это были именно люди, а не какие-то волшебные существа – Павлик в этом не сомневался. При этом вовсе не стеклянные, а самые обычные – из плоти и крови. Но вели они себя необыкновенно, да и выглядели тоже особенно, хотя бы потому, что одеты были в какие-то невиданные, должно быть, старинные одежды.

Павлик, хоть и прожил на свете всего десять лет, но видал разных людей. Но никогда ему не доводилось видеть в одном месте и сразу столько красивых лиц и статных фигур. От людей тоже исходило слабое сияние, вдобавок все лица просто светились радостью. И ещё Павлик подумал, что даже люди в этой стране приятно пахнут. Но больше всего Павлика поразило другое. К нему подошла женщина, положила на плечо руку и заглянула в глаза. Лицо у неё было таким добрым, что Павлику захотелось обнять её. Женщина молчала, только ласково смотрела. И внутри себя Павлик услышал её голос – мягкий, мелодичный голос прозвучал не в ушах, а в голове. Да и губ она не размыкала – в этом Павлик был уверен. «Пойдём в дом,

ты – наш гость», – услышал Павлик. Он хотел что-то ответить, поблагодарить за приглашение, но едва подумал, как снова услышал внутри себя: «Не надо благодарить. Мы рады поделиться с гостем. Раз уж ты спустился сюда, значит, ты достоин, значит, ты свободен». Стоило Павлику подумать, как всё это странно и непонятно, как он тут же услышал ответ на свои мысли: «Нет ничего странного в том, что не нужно говорить. Здесь все понимают друг друга без слов. У нас нет мыслей, которые нужно было бы скрывать друг от друга. Пойдём, ты расскажешь, кто ты и для чего спустился в Ошвуд». Подошли ещё две женщины, двое мужчин и несколько детей возраста Павлика. Дети взяли его за руки и повели в один из домов. Пение, которое Павлик услышал ещё на лестнице, становилось то громче, то затихало. Но громким его всё равно нельзя было назвать. Было похоже, как будто вдалеке поют несколько человек. К удивлению своему, Павлик увидел церковь, очень похожую на виденные им церкви Москвы или Валдая. Оттуда доносилось такое же, едва различимое пение. Слов Павлик не мог разобрать.

Но удивление, испытанное Павликом по поводу «стеклянных» цветов и деревьев, оказалось ничтожным в сравнении с тем, как удивился Павлик, разглядывая убранство дома. Если стены были сложены из того же «стекла» или преображённой воды, то предметы внутри словно ускользали от глаз.

Павлик сел, но не мог сказать, на чём он сидит. Перед ним явно стоял стол, но каким был этот стол, Павлик не понимал. Его пригласили обедать, и тут только он вспомнил, что не ел весь день, отчего аппетит у него разыгрался, а в животе заурчало. Одна из женщин, улыбаясь, наполнила его тарелку неведомым кушаньем. Павлик хотел взять вилку или хотя бы ложку, но приборы ускользали, и всё, что он видел – какие-то прозрачные полоски или пластины. «Это для еды», – ответила на его мысли одна из женщин. Павлик взял в руку полоску, она казалась невесомой и почти неосязаемой. «Угощайся», – услышал он мужской голос. Павлик осторожно попробовал предложенную еду и несказанно удивился – никогда в жизни он не ел ничего более вкусного. Он поднял глаза на хозяев, те улыбались и

смотрели на него ласково. Павлик мысленно всех поблагодарил и стал есть. Ему ответили, чтобы он хорошенько подкрепился, потом, если захочет отдохнул, а уж потом рассказал бы, кто он и зачем пришёл.

Но Павлик почти не слышал, что ему говорят, потому что еда захватила его целиком. Он не мог понять, что именно напоминает ему эта еда. Но было такое чувство, как будто соединили всё вкусное вместе и сразу: и черносмородиновое мороженое, и вафельные трубочки с варёной сгущёнкой, и торт «Москва», и сливочные помадки, и ещё что-то в этом роде. Но всё равно нельзя было описать, каким объедением показалось угощение.

Павлик уплетал, а хозяйева смотрели на него с умилением. И вдруг Павлику пришла в голову мысль, что неплохо было бы прихватить кусочек с собой. А может быть, даже и не один кусочек. И он стал обдумывать, как бы это сделать, чтобы никто не заметил, потому что попросить он стеснялся. Ведь хорошо бы угостить Айбокена, да и обратная дорога неблизкая, так что стоит взять про запас. А ещё хорошо было бы показать эту еду дома. Во-первых, может быть, бабушка объяснит, что это такое, и сумеет приготовить похожее блюдо. Во-вторых, кто же без доказательств ему поверит, что он спускался по лестнице под воду в страну Ошвуд, где всё сделано из воды и где пища... Но вдруг Павлик заметил, что хозяйева смотрят на него с грустью. И в то же самое время услышал такой разговор: «Как жаль...», – молча проговорила та женщина, что первой подошла к нему. «И мне жаль, – отвечал мужчина. – Но что делать? Все знают закон...» «Но ведь он хороший!» – воскликнула девочка. И другие дети стали вторить: «Хороший... Он хороший...» «Конечно, хороший! – отвечала другая женщина. – Он чист, но – увь! – ещё несвободен». «Все знают закон, – повторил мужчина, – только тот, кто поистине свободен, может пребывать в Ошвуде». «Конечно, конечно, – как будто заговорили все разом, – ничего не поделаешь...»

И тут всё закружилось вокруг Павлика – и стол, и кушанье, и добрые, участливые лица, и длинная лестница... И в следующее мгновение Павлик понял, что лежит ничком на мокром песке,

что в руке зажата прозрачная полоска, а во рту сохраняется вкус неведомого кушанья. Причём лежит аккуратно в том самом месте, где не так давно возникла первая ступень лестницы, позволившей спуститься в Ошвуд. Солнце вставало – наступало утро, первые птицы встречали его новой песней, и вода в озере казалась розовой. Чуть поодаль на мхе лежал в позе сфинкса Айбокен и внимательно смотрел на Павлика, чуть наклонив голову набок.

ГЛАВА VI, В КОТОРОЙ ПАВЛИКУ НУЖНО ПРОЙТИ СКВОЗЬ ТОННЕЛЬ

– Выгнали? – сочувственно спросил Айбокен.

Павлику было очень стыдно, он ждал, что Айбокен начнёт стыдить его. Или молча презирать. Но Айбокен, казалось, нисколько не осуждал Павлика. И всё-таки Павлик без слов кивнул и опустил глаза. Но, к его удивлению, Айбокен сказал:

– Даже не думай стыдиться. Все твои ошибки – это твои же учителя. Ошибки стоит любить, а не стыдиться их. Разумеется, если ты понял, что ошибся. Впрочем, нет понимания – нет и ошибки. Лучше расскажи-ка, что ты сделал там такого, из-за чего тебя изгнали?

Павлик не всегда понимал, что говорит ему Айбокен, зато неизменно успокаивался, слушая своего нового друга. Никто никогда не говорил Павлику ничего подобного. И, всё более раскрепощаясь, он стал рассказывать о том, что увидел внизу. Айбокен внимательно его слушал и время от времени кивал. Когда же Павлика закончил, он сказал:

– Ну что же, значит, тебе придётся идти в сад Времени.

– В сад времени? – удивился Павлик. – Но зачем?

– В саду Времени растёт золотое дерево, на котором каждый может отыскать свой ключ.

– А далеко этот сад?

– Сад далеко – в стране Аранифа, и дойти туда непросто. Но главное – ключ нужно украсть и при этом не попасться на глаза

Времени, потому что если Время только увидит тебя, неизвестно, когда ты вернёшься домой. Быть может, ты придёшь домой стариком. А может – грудным младенцем.

– А разве время живое? – прошептал Павлик.

– Время – это страшный старик, которого боятся все без исключения, потому что он пожирает всех без разбору. Тебе придётся проникнуть в его сад. Но ни в коем случае не попадайся ему на глаза. Нужно найти свой ключ на золотом древе, но так, чтобы Время этого не видел. Потом ты вернёшься с ключом к сердоликовому дому и откроешь нужную тебе дверь.

И они пошли прочь от леса, в страну Аранифа. Во всяком случае, Павлик именно так и подумал. Но очень скоро выяснилось, что в сад Времени Павлику придётся идти одному.

– Я не могу покинуть Середю, – объяснил Айбокен. – Поэтому ты пойдёшь один и будешь делать то, что я расскажу тебе. К тому же ты должен сам найти и заполучить свой ключ. Никто не сделает этого за тебя! Никому не под силу снять с золотого древа чужой ключ.

Они подошли к горам. И когда Айбокен остановился, Павлик увидел вход в пещеру.

– Слушай внимательно и ничего не пропусти, – сказал Айбокен. – Чем больше ошибок, тем сложнее вернуться домой.

Он что-то поднял с земли и положил Павлику на ладонь. Павлик, увидев серый камень размером с грецкий орех и с дырой посередине, вспомнил, что такой же они нашли с папой у Чёрного моря. И папа сказал, что он называется «куриный бог». Айбокен лизнул «куриного бога», и тот стал рыжим. «Как из стены сердоликового дома», – подумал Павлик.

– Если ты встретишь орла, льва или тура, покажи им этот камень, и они помогут тебе, – сказал Айбокен. – А потому храни его и никогда не теряй.

Павлику в ответ захотелось задать Айбокену кучу вопросов, но пока он думал, что именно хочет спросить, Айбокен продолжал:

– В пещере есть два тоннеля. Кратчайший путь в Аранифу лежит через левый тоннель, но вход в него сторожит Мино-

тавр. И каждого, кто попытается войти, он, разумеется, уничтожит.

– Значит, надо идти в правый?

– Если ты пройдёшь правый насквозь, он выведет тебя туда, где обитает ужас.

– Как это? Что...? Какой ужас? – залепетал Павлик.

– В том-то всё и дело, что у каждого – свой ужас. И каждый встречает именно то, чего боится.

– И что мне делать?

– Нужно войти в правый тоннель, но не идти до конца. Левый тоннель разделён посередине стеной, за которую Минотавр пройти не может. Он охраняет лишь вход. Но в правом тоннеле есть лаз, ведущий в левый. Ты должен найти этот лаз и выйти в левый тоннель, миновав Минотавра и не доходя до ужаса.

Павлик, в голове которого всё перемешалось, чуть не заплакал.

– А какой бывает ужас? – прошептал он.

– Ужас непредсказуем, – покачал головой Айбокен. – Никто не знает, с чем встретится по ту сторону правого тоннеля. Если бы можно было это знать, не стоило бы и бояться.

– А может, нам просто обойти гору и не ходить по этим тоннелям? – Павлик с надеждой смотрел на Айбокена, но тот лишь усмехнулся.

– Ты опять рассуждаешь, как все, кто приходит из-за двери, – вздохнул он. – В Середее невозможно сделать путь легче, чем он есть. Пройдя по тоннелю, ты выйдешь не с той стороны горы. Туда, где ты выйдешь, невозможно попасть иначе, кроме как через тоннели.

– А что потом, когда я выйду?

– Если ты выйдешь из левого тоннеля, всё будет просто – дорога приведёт тебя в Аранифу, прямо в сад Времени. По пути ты обязательно встретишь орла, льва или тура. Покажи им камень, и они научат тебя, как не попасться Времени на глаза. Если же ты пропустишь переход из правого тоннеля в левый, всё осложнится – ты попадёшь в страну Вэнуа. Но не унывай! Ищи орла, льва или тура – они помогут тебе. Главное – снова не ошибись,

Павлик, и не пропусти лаз. Духи этой скалы попытаются отвлечь тебя и, может быть, станут пугать. Ни на что не обращай внимания – в правом тоннеле ты в безопасности. Никто не сможет коснуться тебя, пустые страхи не должны помешать. Поддашься пустому страху – столкнёшься с настоящим. Если пропустишь лаз, обратно хода не будет. Придётся идти через Вену навстречу ужасу.

Павлику очень не хотелось идти в этот тоннель. Но что оставалось? Он слабо улыбнулся и погладил мягкую, чистую шерстку Айбокена.

– Иди, Павлик, – сказал Айбокен. – Будь осторожен, но не бойся. Не теряй времени, но не торопись. Когда ты вернёшься с ключом, первый, кого ты встретишь в Середее – буду я.

Павлик опустил руку в карман джинсов и сжал «куриного бога». Как хорошо было бы сейчас сидеть дома! И пусть даже дождь за окном, пусть пасмурно... Всё лучше, чем стоять перед пещерой с Минотавром.

– Иди, – ласково сказал Айбокен. И Павлик вошёл в пещеру.

Внутри всё оказалось именно так, как описывал Айбокен. Пещера была неглубока, и, войдя, Павлик сразу увидел два тоннеля. Он помнил, что ему нужно войти в тот, что справа. А потом через лаз перебраться в тот, что слева. И всё же первым делом Павлик подошёл к левому тоннелю – уж очень было интересно посмотреть на живого Минотавра или хотя бы заглянуть в его жилище.

Было темно, и Павлик ничего не видел. Услышать, как ни прислушивался, он тоже ничего не смог. Зато запах поразил его сразу – примерно так же пахло от бабушкиного Тобика после хорошего дождя. Но пока Павлик принюхивался и раздумывал, откуда-то из глубины пещеры донёсся странный звук – словно кто-то методично выбивал ритм. Стук приближался, а вскоре Павлик услышал ещё какие-то непонятные звуки. Сначала он сообразил, что непонятные звуки – это чьё-то тяжёлое дыхание, а стук – шаги. И только затем увидел, что к нему приближается неведомое существо. Потом существо вынырнуло из темноты, и Павлик увидел огромного человека

в алой набедренной повязке. Только вместо обычных ступней у человека были тяжёлые копыта. А бычья голова, сидевшая на мускулистом человеческом торсе, венчалась двумя изогнутыми рогами. Существо тяжело дышало и смотрело на Павлика злыми красными глазками. Павлик тоже не мог отвести глаз от существа, и несколько мгновений они молча смотрели друг на друга: один исподлобья, другой – раскрыв от ужаса и удивления рот. Потом вдруг Минотавр, издав оглушительный рык, эхом разлетевшийся по тоннелям, ринулся вперёд. А Павлик с не менее оглушительным визгом метнулся в правый тоннель и, не помня себя от ужаса, помчался по нему что было сил. За спиной он слышал тяжёлое дыхание Минотавра и стук его копыт. Ему казалось, что он не выдержит этой гонки и вот-вот упадёт. Или что Минотавр в следующую секунду догонит и схватит его или подденет рогами. Как вдруг тоннель закончился, и Павлик выскочил наружу, оказавшись на пологом склоне, среди очень старых оливковых деревьев. Светило солнце, было жарко. А ещё хотелось пить, и сердце билось как игральные кости в ладонях завязанного игрока.

Павлик обернулся к скале, ожидая увидеть разъярённого Минотавра. Но ни тоннеля, ни пещеры, ни тем более Минотавра не было. Павлик только сейчас понял, что проскочил мимо лаза и тем самым совершил вторую непоправимую ошибку. Всё ещё надеясь на что-то, Павлик подскочил к скале и стал ощупывать её. Но стоит ли говорить, что ничего не изменилось, и тоннель не появился. Наконец, отчаявшись, Павлик уселся под ближайшим деревом и заплакал. Ну почему он должен искать какой-то ключ, бояться, прятаться?! Ведь он вовсе не хотел попасть в дурацкую страну, откуда невозможно вернуться домой без приключений. Если верить Айбокену, теперь он должен встретить ещё и какой-то ужас. Ну почему, с какой стати он оказался тут?!

Неизвестно, как бы долго Павлик лил слёзы, если бы вдруг среди птичьих голосов, доносившихся со всех сторон, не различил голос человеческий. Вернее, голосов было несколько – тонких, даже писклявых, лопотавших неведомо о чём. И вот в

этом невнятном лопотании Павлик различил слово «спасите!». Он перестал плакать и оглянулся – ему казалось, что голоса доносятся с вершины оливы, под которой он сидел. Любопытство пересилило, и Павлик, всё ещё хлюпая носом, поднялся и отошёл на несколько шагов, чтобы попытаться рассмотреть, кто это может пищать. Это оказалось несложно – в ветвях оливы покоилось огромное, размером с автобусное колесо, гнездо, а из гнезда высовывались трое птенцов, каждый размером с петуха. Павлик смотрел на птенцов, а неумолкавшие птенцы – на Павлика. И снова Павлику явственно услышалось слово «спасите!». Тут уж он счёл, что молчать далее неприлично и сказал:

– Простите, это вы мне?

Птицы запищали громче. И выяснилось, что каждый день, когда их мать отправляется за пищей, на оливу заползает змея Ингоа и уносит одного птенца. Давно пора бы уничтожить змею, сожравшую не один десяток птенцов, но сделать это некому. Если мать не принесёт птенцам еду, они умрут с голоду. Но стоит ей улететь, как появляется змея. Между тем, убить эту ужасную, прожорливую змею очень просто. Нужно сорвать траву пересьяку и, как только змея обовьёт ствол, бросить траву ей в глаза. Змея немедленно издохнет, и птенцы будут спасены. Павлик никогда не слышал о траве пересьяке, о чём тут же и поведал. Но птенцы в ответ пропищали, что найти пересьяку – проще простого. Она всегда растёт возле дикой жёлтой розы, и узнать её можно по длинным раздвоенным листьям, похожим на змеиные языки.

Павлик принялся рассматривать траву. И действительно обнаружил вокруг множество жёлтых цветов, похожих на розы, только на тонких, травянистых стеблях. Он наклонился к цветам и различил тут же траву с длинными, как у осоки, только раздвоенными листьями. Павлик нарвал целый пучок травы пересьяки, после чего отошёл на несколько шагов и замер, не сводя глаз с дерева. Ждать пришлось недолго. Сначала он услышал шорох и приглушённый свист. Потом от земли поднялась голова мшисто-зелёной с бурыми пятнами змеи, похожей на

удава. А в следующий миг змея обвилась вокруг ствола и устремилась вверх. Павлик подскочил к оливе как раз в тот момент, когда голова змеи, опоясавшей дерево уже тремя кольцами, появилась из-за ствола. Змея уставилась на Павлика, высунув и тут же втянув раздвоенный язык, и на плоской морде Павлик увидел узкие жёлтые глаза с вертикальными полосками зрачков. К чести Павлика стоит сказать, что он совершенно не растерялся и, воспользовавшись замешательством змеи, бросил траву. В ответ раздалось пронзительное шипение, змея дёрнула головой, стряхивая убийственную зелень, но в то же время кольца, обвинявшие ствол, разжались. Змея упала.

Птенцы заголосили, а Павлик осторожно подошёл к дереву – чудовище не двигалось. Но не успел Павлик поднять глаза на птенцов, как кто-то схватил его за шиворот и поволок вверх. А через мгновение Павлик уже сидел в гнезде рядом с птенцами, уцелевшими от нападения змеи. Птенцы пищали, а на краю гнезда восседала птица размером с крупную собаку и с собачьей же головой, украшенной массивным, загнутым вниз клювом. Крылья и лапы песочного с зеленью цвета были вполне птичьими. Зато грудь украшалась крупной, с пятак, чешуёй. Хвост у птицы был длинным и гладким, как у льва, только заканчивался не кисточкой, а похожим на веер оперением. Склонив голову вправо, птица с интересом разглядывала Павлика. А Павлик, решив, что это и есть тот ужас, о котором предупреждал его Айбокен, вжался в стенку гнезда.

ГЛАВА VII, В КОТОРОЙ ПАВЛИК ВСТРЕЧАЕТСЯ С ФИРАМИ

– Мои дети говорят, что ты спас их от змеи Ингоа. Правда ли это, маленький человек из-за двери? – вдруг спросила птица низким женским голосом.

– Правда, – пролепетал Павлик.

– Правда, правда, – пищали птенцы. – Он бросил ей в глаза пересьяку.

– Спасибо тебе, маленький человек из-за двери, – сказала птица, обмахиваясь кончиком хвоста, как настоящим веером. – Я хотела разорвать тебя и скормить своим детям, но в благодарность за их спасение не стану этого делать. Кто ты и что ты здесь делаешь? Скажи, и я постараюсь помочь тебе.

– Я... я ищу ключ... в саду Времени... – забормотал Павлик, не оправившийся от страха.

– А как ты попал в Венау? Отсюда далеко до сада Времени, – удивилась птица.

Павлику ничего не оставалось, как рассказать обо всём, что с ним произошло. И он начал с библиотеки, с того, как пошёл за кошкой и оказался за дверью, не пустившей его обратно. Когда же он дошёл до пещеры с тоннелями и «куриного бога», то прервал рассказ и со слабой надеждой спросил:

– Простите, а вы не орёл?

– Нет, маленький человек. Я – Симаргл, – гордо ответила птица. – Я поняла, что приключилось с тобой и зачем ты идёшь в сад Времени. Я не смогу отнести тебя в этот сад, но я укажу тебе дорогу и разьясню, как себя вести.

– Спасибо. А далеко мне идти до сада Времени? – спросил Павлик, разглядывая зеленоватые, чуть блестящие перья птицы. «Бронзовая птица», – подумал он.

– Идти недалеко. Но тебе придётся миновать рощу, где обитают фиры.

– Кто обитает? – не понял Павлик.

– Фиры. В их роще всегда темно, солнце не освещает жилище фир. Здесь – от скалы до роши – всегда день. А у них – всегда ночь. В Аранифе, куда ты идёшь, день сменяется ночью в обычном порядке. Но в Венау всё не так. Фиры появляются в виде прозрачных дев в тонких венках из веток вишнёвого дерева. Но не думай, что фиры безобидны. Фиры внушают ужас, взывая к самым глубинным и потаённым страхам. Если ты поддашься фирам, может произойти самое неожиданное. Поэтому лучше пройти сквозь рощу фир, не останавливаясь и не ускоряя шага. Если ты остановишься или побежишь, фиры станут сильнее и противостоять им будет ещё сложнее. Иди

спокойно и думай о чём угодно, только не слушай, что говорят тебе фиры.

– А нельзя обойти эту рощу? Может быть, есть какая-то другая дорога? – спросил Павлик, догадываясь, что ответит ему Симаргл.

– Нет! Рощу фир нельзя обойти. Если ты попал в Венау, то обязательно должен встретиться с фирами. Вернее так: тот, кто хочет попасть в сад Времени из Венау, непременно должен пройти через рощу фир. Поэтому лучше сюда не попадать. Особенно маленьким людям. А знаешь?.. Пожалуй, я отнесу тебя к роще. Это сократит твой путь.

И тут без лишних слов Симаргл сцапала Павлика за шиворот и полетела, с шумом взмахивая крыльями. Когда птица объявила, что отнесёт его к роще, Павлик решил, что Симаргл предложит ему усесться на неё верхом, забраться на спину. Но вместо этого птица ухватила его за шкурку и потащила, как если бы он был мешком, набитым тряпьем. Сначала это показалось ему обидным, но потом он подумал, что здесь, наверное, так принято, и перестал обижаться.

– Прощай, прощай... – разобрал Павлик голоса птенцов.

– Прощайте, – крикнул он. Но вряд ли был услышан – олива почти исчезла из виду.

Павлик не знал, сколько времени они летят. Он думал только о том, как бы Симаргл не уронила его. Земля была так далеко, что смотреть вниз было страшно. Держаться Павлик не мог и полностью зависел от Симаргл. А вдруг она надумает каркать? Или что она обычно выкрикивает... И будет как в той басне. Только вместо сыра окажется Павлик. А после падения с такой высоты он и в самом деле будет похож на сыр. И пока они летели, эти мысли не давали Павлику покоя.

Наконец они стали снижаться. Павлик, почти всё время летевший с закрытыми глазами, несколько раз моргнул. Но увиденное не показалось ему прекрасным. Напротив. Впереди была ночь. И граница между ночью и днём виднелась отчётливо. Вот сейчас они летят под яркими солнечными лучами, а перед ними – кромешная тьма, словно лучи не могут пробиться сквозь

невидимый глазу покров. Но Симаргл не собиралась пересекать эту границу и стала снижаться в солнечной части. Поставив Павлика на землю, она приземлилась рядом.

– Спасибо, – тихо сказал Павлик и скосил глаза в сторону тёмной рощи.

Это было очень странное зрелище, не уступавшее Ошвуду. Там Павлик побывал под водой, не намочив ног, а здесь он стоял на границе света и тьмы, дня и ночи.

– Иди по этой тропинке, – сказала Симаргл.

И действительно, Павлик увидел кончик тропинки там, куда она кивнула.

– Если ты не собьёшься, то сможешь быстро пересечь рощу фир. Главное – нужно оставаться спокойным. В этом всё дело. Стоит тебе переполошиться и побежать, как фиры слетятся со всего леса. Один кошмар будет сменяться другим. Они не успокоятся, пока ты не обессилишь.

– А что им надо?

– Им надо, чтобы ты боялся. Они питаются страхом. Поэтому если ты увидишь что-нибудь необычное, не останавливайся и проходи мимо. Главное – не думай о своих страхах. Ты можешь петь, говорить, думать о чём угодно, но только не сосредотачивайся на страхе. Чем гуще страх, тем больше пищи для фир. И тем охотнее они слетаются.

– И ничего нельзя сделать, чтобы они не слетались? – поморщился Павлик.

– Можно, – кивнула Симаргл.

– Что?

– Не бояться. А теперь прости, мне нужно возвращаться к моим детям. Ты же видел – они совсем ещё маленькие, их нельзя оставлять надолго одним.

– Да, конечно, – с тоской проговорил Павлик, косясь на страшную рощу.

– Подождите, пожалуйста! – вдруг взмолился он. – Скажите, а какой он – Время?..

– Время? – почему-то удивилась Симаргл. – Какие странные вопросы ты задаёшь. Все знают, какой он, пока их об этом

не спрашивают. Но когда спрашивают, не знает никто. Возьми-ка лучше моё перо, – и Симаргл, вынув перо из крыла, протянула его Павлику. – В роще фир я не смогу тебе помочь. Но если потом, когда ты выйдешь из рощи, тебе понадобится моя помощь, просто сожги моё перо или брось его в огонь. И я помогу тебе.

Тут она расправила крылья, взмахнула ими и медленно, тяжело поднялась над землёй. Павлик с тоской посмотрел на длинные, плотно сложенные вместе лапы у себя над головой и услышал сверху:

– Прощай!

Его обдало воздушной волной, так что он покачнулся. И запах, напомнивший бабушкин курятник, слегка коснулся ноздрей.

– Прощай, – с тоской прошептал Павлик и обернулся к роще.

С виду это была самая обыкновенная роща. Только тёмная. Но если представить вечернюю рощу, или рощу в сумерках или, наконец, ночную рощу, то ведь ничего особенно страшного в этой картинке нет. Совсем другое дело, если знать, что в сумерках обитают внушающие ужас существа, чья пища – страх. Павлик уселся на землю и предался размышлениям о том, что мог бы получить свой ключ в Ошвуде, если бы не начал думать, как умыкнуть кусок той вкуснятины. А ещё мог бы обойти рощу фир, будь он немного повнимательнее и не проскочи переход в левый тоннель. Вместо этого он зачем-то полез глазеть на Минотавра, потом помчался как ошпаренный... А ведь Айбокен предупреждал, что духи скалы будут пугать и что обращать на них внимания не стоит! Поскольку сделать они всё равно ничего не могут. Вот уже второй раз не послушал Павлик Айбокена, отчего приключения становились всё запутанней, похождения затягивались. Но что толку сидеть тут и убиваться, раз уж другого пути всё равно нет. Павлик решил, что уж в этот-то раз он ни за что не ошибётся, не испугается и всё сделает так, как надо, следуя совету Симаргл. Только-то и надо, что идти по дорожке и никуда не сворачивать. Что в этом сложного? А если будут пугать, так он уже пуганный и знает,

как стоит вести себя – просто не обращать внимания. Симаргл сказала, что можно петь или разговаривать, или думать о чём-нибудь приятном...

Павлик сумел настолько взбодрить себя, что перестал пугаться тёмной рощи. Он ещё потоптался перед границей, разделяющей день и ночь, посмотрел, как выглядит его нога, а потом рука, наполовину освящённая солнцем, а наполовину погружённая во тьму; подумал, что всё это похоже на то, когда стоишь в коридоре при включённом свете и смотришь в комнату, где свет выключен. Потом он снова протянул руку и окунул её во тьму. Постоял так немного и шагнул на тропинку.

Первым делом он закрыл глаза, потому что ожидал немедленного нападения или чего-то в этом роде. Но ничего не произошло. Было темно, прохладно и тихо. Пахло землёй и травами. Роща оказалась берёзовой, деревья росли на расстоянии нескольких шагов друг от друга. Тропинка, на которую ступил Павлик, петляла между какими-то бугорками. Павлик опять закрыл глаза и сделал шаг. Потом ещё один и ещё... Поскольку вокруг ничего не происходило и не менялось, он сначала медленно, но постепенно ускоряясь, пошёл вперёд по тропинке, глядя перед собой и даже подсвечивая тьму фонариком. Фонарик и часы – это единственное, на что годился теперь его телефон. И Павлик, не любивший это кнопочное устройство, навязанное ему родителями, даже стеснявшийся его, впервые подумал о нём с хорошим чувством.

Сначала, ожидая появления фир, Павлик светил исключительно под ноги – чтобы не терять из виду тропинку. Однако он шёл вперёд, а с ним не происходило ничего ужасного. И вообще ничего не происходило. Павлик стал подумывать, нет ли здесь ошибки и не перепутала ли Симаргл рощи. Он начал оглядываться, несколько раз остановился и провёл фонариком по сторонам, думая о том, что страхи насчёт этого странного места сильно преувеличены. Ничего толком не увидел. Вокруг всё было спокойно. Берёзы, чудесным образом зеленевшие в полной темноте, шевелили ветвями, иногда под ногой хрустел сухой пруттик. Вот и всё, что видел и слышал Павлик, снова и

снова думавший о том, что рощу, пожалуй, удастся пройти, избежав ненужной встречи с хозяйками. Но вдруг он увидел, что впереди кто-то в белой одежде сидит, судя по всему, на пне.

«Увидишь что-нибудь необычное – не останавливайся и проходи мимо», – вспомнил он слова Симаргл. Потом подумал о том, что в этой ужасной роще он оказался, благодаря страху – ведь не испугайся он в тоннеле, ничего этого не было бы. И, наконец, твёрдо решил, что останавливаться не будет и внимание ни на что не станет обращать. Подойдя ближе к злополучному пню, для верности он даже закрыл глаза. Но вдруг уже за спиной у себя услышал нежный девичий голос:

– На твоём месте я бы смотрела под ноги повнимательнее.

Павлик остановился. Поскольку он ожидал каких-нибудь чудовищных завываний и рыков, этот нежный голос никак не вязался у него со страхом. Да и в самом деле, страшно ему не было. Из этого он заключил, что встретил, должно быть, не фиру, а какое-нибудь другое существо. Например, такую же несчастную, как и он сам, забредшую в эту ужасную рощу на пути в сад Времени. А в этом случае путь можно было бы продолжить вместе... Он обернулся и в слабом свете фонарика увидел на пне необычайно красивую девушку в свободном белом платье. Павлик подумал, что ей, должно быть, лет семнадцать. Не больше. У неё были длинные светлые волосы, слегка вьющиеся и волнами спускавшиеся до земли. В руке она держала гребешок и грустно, не мигая, смотрела на Павлика. Глаза её показались Павлику огромными – он даже подумал, что никогда не видел таких больших глаз. И всем она была бы хороша, когда бы не странный остановившийся взгляд. Павлик вспомнил, что Симаргл говорила о венках из вишнёвых веток, будто бы такие венки носят все фиры. Но у сидевшей на пне девушки никакого венка не было.

Павлик, тяготившийся одиночеством, легко сумел убедить себя, что перед ним не фира. А потому сразу же забыл о своём решении не обращать ни на что внимание и, обрадованный встречей, спросил:

– Почему смотреть повнимательнее?

Девушка наклонила голову к правому плечу, помолчала немного и нежным голосом объявила:

– Потому что нехорошо ходить по могилам и прерывать вечный сон.

Остолбевший Павлик почувствовал, как волосы у него на затылке шевельнулись. Девушка тем временем медленно подняла обе руки, сняла собственную голову с плеч и поставила её себе же на колени лицом к Павлику. Потом, придерживая голову левой рукой, чуть наклонилась и что-то поняла с земли. В следующую секунду Павлик увидел, что этим «что-то» был веночек из тонких веток. Она возложила этот веночек на голову и принялась расчёсывать волосы. Павлику показалось, что голова, стоявшая на коленях, улыбнулась ему. Но подумать об этом он не успел, потому что в то же мгновение закричал и бросился прочь, не разбирая дороги.

Всё это было очень похоже на историю с Минотавром. Снова Павлик бежал, сломя голову. Только на сей раз в ушах звенел нежный девичий голос:

– Остановись! Ты всё равно далеко не убежишь! Ты узнал мою тайну, и теперь ты – мой. Никто не может просто так уйти, узнав мою тайну.

Самое отвратительное было в том, что Павлик понятия не имел, куда он бежит и сколько ещё надо бежать, чтобы выскочить из этой ужасной рощи. С тропы он, понятно, сбился и теперь действительно бежал по холмикам, то и дело о них спотыкаясь. А мысль, что бежит он по могилам и спотыкается о могилы, обжигала ему ступни и гнала вперёд, словно бич погонщика. Но, как часто случается, когда Павлик был близок к изнеможению и отчаянию, впереди он увидел огонь. Не устань Павлик и не будь так напуган, он, скорее всего, обошёл бы костёр стороной. Просто на всякий случай. Но когда человек отчаивается, он, бывает, ведёт себя неразумно в поисках пристанища и опоры. Особенно если этому человеку десять лет, и он в одиночестве оказался в диковинных краях. К тому же голос, преследовавший Павлика, умолк, и Павлик связал это с появлением огня.

И всё-таки он не сразу подошёл к костру, а, выглянув из-за дерева, попытался разглядеть, нет ли кого-нибудь рядом с огнём. Никого не увидев, он осторожно вышел из-за берёзы и, держась за ствол, ещё подождал – не произойдёт ли чего-нибудь. Но было тихо. Тогда Павлик опасливо, крадучись вошёл в круг света и, увидев кем-то приготовленное бревно, уселся рядом с огнём.

Ему хотелось отдохнуть, отдышаться и собраться с мыслями. Нужно было успокоиться и поискать тропу – благо, фонарик он не потерял. Да и факел теперь можно было соорудить. Что ж, пусть он испугался и побежал. Но это было от неожиданности. Теперь, когда он всё понял, он и вести себя будет по-другому. Как советовала Симаргл. Главное – не обращать ни на что внимания. Пройти мимо и не заметить, думать о хорошем и не слушать, что говорят фиры. Вдруг справа где-то в темноте послышался шорох, ветка хрустнула тоненько, а в следующее мгновение в световом круге появилась коза. Совершенно чёрная коза с жёлтыми навывкате глазами. Коза тряхнула головой и заблеяла. В костре надломилось и затрещало полено. Но стоило Павлику отвлечься на движение огня, как, повернувшись к козе, он обнаружил, что никакой козы нет. А на её месте стоит очень грустная девушка и держит в руках кошку-пеструшку. Ни слова не говоря, девушка уселась перед огнём на другое бревно, так что оказалась по правую руку от Павлика, и принялась гладить свою кошку. Выглядела она очень грустной и время от времени тяжело вздыхала. Казалось, ещё чуть-чуть, и она расплачется.

Павлик был озадачен и никак не мог ни на что решиться. Нужно ли просто встать и уйти или наоборот – сидеть себе молча и не обращать ни на кого внимания. Пока он так раздумывал, грустная девушка в очередной раз вздохнула, провела рукой по кошачьей спине, потом склонилась к кошке и прижалась к ней. Павлик, зачарованный этим зрелищем, сначала подумал, что девушка просто целует свою кошку. И даже успел предположить, что эта трёхцветная кошка, должно быть, больна, из-за чего и грустит её хозяйка. Но девушка медленно подняла голову и посмотрела на Павлика. Сначала Павлик сжался, потом вскочил с

бревна и попятился, а уже в следующее мгновение опять мчался напропалую через тёмную рощу, вспоминая пьяную улыбку и обнажившиеся зубы, которые показались в обманчивом освещении красными. Вспоминалась ему и кошка, которая после «поцелуя» напоминала не то тряпку, не то шкурку с воротника старого бабушкиного пальто. В глазах у девушки Павлик уловил выражение, какое бывает у проголодавшихся людей перед накрытым к обеду столом. Проверять, чем это может закончиться, он не стал. Но и пройти мимо, не обращая внимания, снова не получилось. Он опять бежал, преследуемый разногласиями.

ГЛАВА VIII, В КОТОРОЙ ПАВЛИК НАХОДИТ САД ВРЕМЕНИ

– Вернись! – звал один голос. – Ты всё равно останешься здесь!

– Он видел, как королева снимает голову! – взвизгивал где-то поблизости другой. – Он не может уйти из нашей рощи!

– Кровь кошачья нехороша, – вкрадчиво нашёптывал третий, – я жажду человеческой...

– Кровь его наша... наша... наша... – верещал целый хор.

Павлику казалось, что поблизости кружат какие-то тени, чьё-то дыхание касается то щеки, то шеи. Луч фонарика метался между берёз, но тропы всё не было видно. Как вдруг все голоса стихли. Павлик, тяжело дыша, остановился и огляделся. В прошлый раз преследовавший его голос исчез аккуратно перед новой встречей. Вот и сейчас он ничего не видел и не слышал, но каким-то непостижимым образом чувствовал, что кто-то приближается к нему из темноты. Он поворачивался из стороны в сторону, фонарик прыгал в руке, слабый луч лизал темноту, но тьма оставалась плотной, как подмороженный шоколад.

Всё произошло очень быстро. Прямо перед Павликом тьма вдруг ступилась, и дрогнувший фонарик выхватил два больших жёлтых глаза. В следующую секунду Павлик лежал на спине, а на груди у него стояла тяжёлая лапа огромной кошки. Над ним

возвышался лев, в один прыжок поваливший его навзничь и придавивший лапой к земле.

– Что ты делаешь в роще фир, маленький человек из-за двери? – спросил лев и широко зевнул.

Как ни странно, появление льва и заданный им вопрос успокоили Павлика. Во-первых, от льва пахло как от настоящего зверя. Значит, лев был настоящим, а не каким-то там призрачным. Во-вторых, лев говорил, а значит, он мог понять, что скажет ему Павлик. В-третьих, Павлик немедленно вспомнил о «курином боге», подаренном ему Айбокеном. «Ищи орла, льва или тура – они помогут тебе», – сказал тогда Айбокен. Правда, надежды Павлика, что Симаргл окажется орлом, не оправдались. Но лев, судя по всему, всё-таки именно лев.

– Мне... я... мне надо в сад Времени, – залепетал Павлик, стараясь вытащить из кармана «куриного бога», который, как назло, застрял и не спешил вылезать наружу. С трудом, но камень наконец-то был извлечён из кармана, и Павлик сунул его под нос зверю. Давление лапы в то же мгновение ослабло. Лев понохал «куриного бога», лизнул его и сказал:

– Хм...

Но всё же снял свою лапу с груди Павлика.

– Чего же ты хочешь, маленький человек из-за двери? – спросил он уже не так страшно и снова зевнул.

– Помогите мне, пожалуйста, выбраться из этой ужасной рощи, – быстро проговорил Павлик, словно опасаясь, что лев исчезнет. – И ещё... скажите мне, где найти сад Времени.

Лев очень внимательно посмотрел на Павлика, хмыкнул, после чего перевернул его лапой, схватил за шиворот и так ловко подбросил, что Павлик упал точнёхонько льву на спину. При этом он успел подумать, что за короткое время его уже второй раз довольно бесцеремонно хватают за шиворот.

– Держись за мою гриву, маленький человек из-за двери, – сказал лев.

И не успел Павлик как следует ухватиться, как зверь уже трусил прочь. На львиной спине Павлик совершенно успокоился и был уверен, что теперь уж точно не испугается и что ника-

кие выходки фир более не поколеблют его смелости. Но, как ни странно, фирмы больше и не пытались атаковать Павлика. И до тех пор, пока лев не вышел из рощи, Павлик ничего не слышал, кроме хруста веток и шелеста травы под львиными лапами, и ничего больше не видел, кроме жёлтой шерсти невольно осёдланного зверя.

Роща закончилась так же внезапно, как и началась. Было похоже на купание в омуте – нырнул и после барахтанья в мутной и тёмной воде вынырнул на поверхность, купаясь теперь в тёплых солнечных лучах. Сначала на солнце оказалась голова льва. И Павлик, остававшийся пока во тьме рощи, увидел, как львиная грива вспыхнула золотом. Выплывая на свет, Павлик обернулся и вытянул назад руку. Рука по локоть погрузилась в темноту... Потом только кисть... кончики пальцев... Кисточка львиного хвоста прощально дрогнула, и... Роща фир осталась позади. Лев и Павлик полностью освещались солнцем. Лев замедлил шаг и вскоре остановился. Павлик увидел, что стоят они на дороге, бегущей вперёд и теряющейся за холмом.

– Ну что же, маленький человек из-за двери, – степенно сказал лев, поворачиваясь к Павлику в профиль, – первую твою просьбу я выполнил.

– Большое вам спасибо, – проговорил Павлик, меньше всего на свете желавший покинуть удобную и безопасную львиную спину. – А вы не скажете...

– Ты ищешь сад Времени, – перебил Павлика лев.

– Да!

– Я не пойду с тобой в сад Времени, – сказал лев. – Но я расскажу тебе, как туда попасть и что нужно сделать, чтобы вернуться обратно. Ибо войти в сад Времени – это полдела. Важно ещё и выйти оттуда.

Павлику совсем не понравилась эта новость. Он-то считал, что самое страшное и неприятное уже позади. А теперь выясняется, что роща фир – это не последнее препятствие на пути домой.

– За этим холмом, – лев кивнул в ту сторону, куда убегала дорога, – я оставлю тебя, и ты пойдёшь один. Сад Времени уже

недалеко, и как только мы перевалим через холм, ты увидишь сад. Но прежде, чем войти туда, постарайся добыть немного масла, горсть песка и кусок хлеба.

– Зачем это? – вытаращил глаза Павлик.

– Когда ты откроешь калитку в сад, мазни маслом её петли. Времени недосуг смазывать петли, отчего они скрипят, и скрип этот слышен в самой Середее. Когда войдёшь в сад, на дорожке увидишь яму. Высыпи туда свой песок, чтобы не преткнуться ногою, когда побежишь обратно. Наконец, идя по саду, положи на большой плоский камень по правую руку хлеб, чтобы птицы, живущие в саду, не выдали тебя хозяину сада.

– Но где же я возьму всё это?! – взмолился Павлик.

– Если будешь искать, то непременно найдёшь, – ответил, зевая, лев.

А Павлик не нашёлся, что возразить.

Они поднялись на холм, и лев остановился, осматриваясь. Павлик, крутившийся во все стороны, увидел, что впереди, совсем недалеко, словно оазис в пустыне, зеленел среди выжженной солнцем равнины огромный сад. Он был обнесён живой изгородью: ветви розовых кустов, густо покрытых яркими цветами, переплетались и образовывали самое красивое и надёжное ограждение.

Позади осталась роща фир, справа белели верхушки горной гряды, слева клубился туман, разобрать за которым Павлик ничего не смог.

– Взгляни, – сказал ему лев и кивнул на сад. – Это и есть сад Времени. Имей в виду, что Время, особенно при ближайшем знакомстве, могущественен и жесток. Он не знает жалости, любви, пощады и милосердия. Каждый день он умирает и рождается вновь, проживая тысячу лет.

– Как это? – не понял Павлик.

– Ровно в полночь Время умирает, но в следующую секунду рождается вновь. Уже через полчаса он становится двадцатилетним юношей, а через час – сорокалетним мужчиной. И ему нет равных по силе, жестокости и упрямству. Ближе к полуночи Время дряхлеет. Но в десять минут первого он становится злым

семилетним мальчишкой. А потому войти в сад, найти золотое дерево, забрать свой ключ и убраться – на всё про всё у тебя... минут десять, не больше. Но этого мало. Этого очень мало. Потому что главное заключается в том, чтобы не попасться Времени на глаза. Иначе... Иначе никто не скажет тебе, сможешь ли ты вернуться домой.

Такого поворота Павлик никак не ожидал. Все говорили, что достаточно прийти и взять ключ. И вот он, сад Времени. Осталось только войти туда. Но теперь выясняется, что это не так уж просто.

– И что, можно навсегда остаться здесь? – спросил он.

– Если Время только увидит тебя, всё может так перемишаться, что неизвестно, кем ты окажешься – дряхлым стариком или младенцем. Взгляд Времени смертный не может выдержать. А потому старайся всё успеть, пошевеливайся и не жди, когда Время приблизится и увидит тебя.

– А если Время увидит меня издалека?

– Нет, – мотнул головой лев. – Издалека он не видит. Время видит только перед собой. В этом всё дело. Его нельзя обмануть, но можно успеть проскочить мимо него, пока он не набрал силу.

Они спустились с холма, поросшего у подола кустами, похожими на можжевельник. Лев остановился, и Павлик понял, что дальше опять придётся идти одному. В подтверждение этой догадки лев зевнул и сказал:

– Ну что ж, я выполнил и вторую твою просьбу, маленький человек из-за двери. Сад Времени перед тобой. Осталось найти всё то, что понадобится в саду. А это должен сделать только ты сам. Точно так же, как никто не сможет прожить за тебя твою жизнь. Иди с миром, и пусть удача идёт рядом с тобой. А я вернуться в рощу фир.

Павлик уже слез со спины льва и теперь стоял рядом с ним, разглядывая жёлтые глаза и золотистую гриву, сияющую не солнцем как нимб.

– Простите, – сказал он, немного робея, – а зачем вы приходите в рощу фир?

Теперь уже лев смотрел на Павлика с любопытством.

– В рощу фир я прихожу, чтобы спать. Там темно, и никого нет, кроме фир. Мне они не досаждают – напугать меня им не под силу. Поэтому я отлично там высыпаюсь. Люди из-за двери – несчастные посетители рощи, поэтому когда я тебя увидел, то не сразу понял, кто ты такой.

Лев зевнул. А Павлик невольно поёжился, когда прямо перед ним разверзлась розовая пасть с белыми матовыми клыками.

– Ну что ж, – сказал лев. – Иди. И не забывай, что Время никого не ждёт в своём саду.

С этими словами лев развернулся и в несколько прыжков был уже на вершине холма. Там он остановился и посмотрел сверху на Павлика. Мелькнула в воздухе кисточка хвоста, что было воспринято Павликом как прощальный жест. И лев исчез за гребнем холма. Павлик успел махнуть льву рукой. А когда тот скрылся, побрёл по направлению к саду, раздумывая о том, где бы раздобыть масла, песка и хлеба.

ГЛАВА IX, В КОТОРОЙ ПАВЛИК НАХОДИТ ТО, ЧТО НУЖНО

Лев сказал: «Если будешь искать, то непременно найдёшь». И Павлик решил, не откладывая, заняться поисками. Но поскольку всё вокруг было совершенно незнакомо, он рассудил, что для начала обойдёт вокруг сада Времени. Сначала он рассмотрел, что живая изгородь – это плетистые розы, переплетшиеся между собой и образовавшие колючую стену. Из сада веяло приятной душистой прохладой. А снаружи было жарко, и ничего, кроме пожухлой травы да редких кустиков чертополоха, не произрастало вокруг.

Павлик, задумавшийся было, как же выяснить, который час и когда наступает полночь, вспомнил, что в бесполезном вроде бы телефоне есть не только фонарик, но и часы. Он обрадовался и тут же извлёк из кармана телефон. «18:50» высветилось на экране. Значит, осталось пять часов и десять минут. И за это

время нужно найти масло, песок и хлеб. Простые, но ставшие вдруг недосыгаемыми вещи.

Раздумывая о том, что дома всегда есть хлеб с маслом, Павлик плёлся вдоль благоухающей изгороди. Сад, как он подметил ещё с вершины холма, был круглым. Калитка располагалась аккуратно напротив холма. И от калитки Павлик начал свой поход. Сначала на горизонте перед собой он видел горную грядку с белыми пятнами снега. Мало-помалу гряда оказалась по правую руку, а перед Павликом развернулась выжженная солнцем степь. Потом горы остались за спиной, степь справа, а впереди за клубился туман. Но вот уже и туман оказался справа, а впереди Павлик увидел знакомый холм, через который перенёс его лев. Круг замыкался, Павлик снова подходил к калитке, но уже с другой стороны. Между тем ни булочной, ни бакалеи он так и не обнаружил. А значит, в сад ему надлежало идти с пустыми руками. Может быть, в этом и не было ничего страшного, но Павлик, поверивший льву, был уверен, что теперь ничего не выйдет. Он стал озираться, как будто надеялся найти поблизости корку хлеба. И действительно кое-что нашёл: в тумане медленно перемещалось какое-то существо. Павлик понял, что существо перемещается на четырёх ногах, потом разглядел, что существо это белое с большими чёрными пятнами. Привыкший к диковинным встречам, он всё никак не мог разобрать, кого скрывает туман. Как вдруг существо вышло из тумана, и Павлик увидел, что перед ним обыкновенная корова. Он очень обрадовался, потому что, во-первых, не боялся коров, а во-вторых, тут же вспомнил про «куриного бога». «Ищи льва, орла или тура», – сказал ему Айбокен. А Павлик решил, что корова вполне может сойти за тура. Он вытащил из кармана камень и побежал навстречу животному, которое также заметило его и застыло, вытянув шею и наблюдая. Наконец они оказались друг напротив друга.

– Здравствуйте, – после небольшой паузы сказал Павлик, так привыкший к говорящим животным, что ни на секунду не усомнился в ответе коровы.

Но корова, жевавшая листья чертополоха, не спешила с ответом. Тогда Павлик подумал, что, возможно, не все животные

умеют здесь говорить, и расстроился. Но на всякий случай разжал кулак с «куриным богом» и, протянув на ладони камень прямо под нос корове, спросил:

– Простите, а вы случайно не тур?

Нужно сказать, что к удивлению Павлика, камень опять изменил свой цвет, став из рыжего ярко-зелёным – как «Тархун». Жевавшая корова скосила глаза на камень, после чего томно поглядела на Павлика, взмахнула совершенно белыми ресницами и медленно лениво сказала:

– Так тебе что, нужен тур?

– О... – растерялся и обрадовался Павлик. – То есть... в смысле... ну да. Впрочем, а вы не скажете, где тут можно найти кусок хлеба и немного масла?

Корова помолчала, разглядывая Павлика, и так же лениво сказала:

– В деревне.

– В деревне? – Павлик даже рот раскрыл от удивления. – А разве тут есть деревня?

– Почему бы тут не быть деревне? – невозмутимо сказала корова и, если, конечно, так допускается говорить о корове, кивнула в сторону туманной завесы. – Лембóйская деревня.

– Какая? – не понял Павлик и насторожился, опасаясь, как бы эта деревня не оказалась подобием рощи фир.

– Лембóйская, – равнодушно повторила корова. – Лембóи живут.

– Простите, кто там живёт?

– Лембои, – всё так же равнодушно повторила корова.

– А... а кто это?

– Лембои, – вздохнула корова, – это маленькие люди из-за двери, попавшиеся на глаза Времени.

– И что с ними стало? – осторожно спросил Павлик.

– Если интересуешься, спроси у них сам. А мне пора.

И корова, не торопясь, побрела в сторону тумана.

– Подождите! – крикнул Павлик и устремился за ней. – Подождите! А если я приду в деревню, я... они... они мне ничего не сделают?

– Это лембои, а не фиры, – ответила корова, не поворачивая головы.

Павлик задумался, можно ли считать такой ответ исчерпывающим. Но поскольку вдаваться в объяснения корова не собиралась, а добыть хлеба всё равно больше было негде, Павлик потрусил за коровой. К тому же его очень заинтересовали лембои.

Павлик углубился в туман и увидел ещё одну корову, щиплющую, должно быть, листья чертополоха. Через несколько шагов он различил ещё одну корову, потому ещё одну.. Но его спутница шла, не останавливаясь и не обращая ни на кого внимания.

– Отчего этот туман? – спросил у неё Павлик.

– Болото, – лапидарно ответила она.

Тут Павлик заметил и справа, и слева стоячую воду и сообразил, что идут они какой-то вихляющей тропинкой между кочек и тощих, низкорослых деревьев. Наконец вода исчезла, а вместе с ней растаял и туман. Павлик увидел впереди дома, похожие на трансформаторные будки – маленькие каменные домишки.

А ещё он увидел лембоев. Сначала он принял их за детей – лембои были маленького роста. Да и двигались как-то по-детски. Но стоило рассмотреть их лица вблизи, как впечатление изменилось – на Павлика во все глаза глядели маленькие старички. Если только представить себе ребёнка лет десяти или одиннадцати со старческим личиком, то вот и получится готовый портрет лембоа.

Павлик шёл по деревне рядом с коровой, а встречные лембои останавливались и с любопытством провожали его взглядами. Было очевидно, что разглядывают именно его, а не корову. От этих взглядов Павлику стало не по себе, и он придвинулся поближе к своей спутнице. Но корова, поравнявшись с третьим или четвёртым домиком от края деревни, вдруг заявила:

– Я здесь живу.

Навстречу ей вышел такой же низкорослый, шустрый старичок и, увидев Павлика, остолбенел.

– В сад Времени, – объявила корова, ни на кого не глядя. – Ищет масло и хлеб.

И пошла куда-то вглубь двора.

– Здравствуйте, – робко сказал Павлик, провожая глазами корову, к которой уже привык.

– О-о-о! – протянул в ответ хозяин домика и сделал неопределённый жест руками, истолкованный Павликом как желание к нему прикоснуться.

– Вы... оттуда? Из-за двери? – спросил лембой. – Как вы попали сюда?

Павлик стал рассказывать про Валдай и библиотеку, про Аксиладис и Айбокена, про Минотавра и Симаргл, про фир и льва. А в конце добавил:

– Но вообще-то я из Москвы...

– О да, – вздохнул лембой. – А я из Коацакоалькоса.

– Ммм... – сказал Павлик, решив, что речь идёт о каком-то местечке в Аранифе или Середее. Но лембой, сморщившись, что, как понял Павлик, означало улыбку, сказал:

– Это в Мексике.

– В Мексике? – удивился Павлик. – Но как же так... Вы так хорошо говорите...

Лембой снова улыбнулся.

– Нет, нет, – сказал он. – В Аранифе нет языков. Точнее, есть только один язык. Говори, как умеешь, и тебя всё равно все поймут. Именно поэтому здесь говорят все. Решительно все.

– Но... как вы сюда попали? – спросил Павлик, уверенный, что дверь, через которую он попал в Середее, существует в единственном экземпляре в городе Валдае.

– Примерно так же, как и вы, – пожал плечами лембой. – Но это не особенно интересно – есть множество дверей по всему миру. Сейчас гораздо интереснее и важнее другое – как вам отсюда выбраться. Пойдёмте к нам, я постараюсь всё объяснить.

Они вошли в домик, где всё было маленьким, как будто игрушечным. Пришла жена хозяина – девочка со старушечьим лицом. Павлика усадили за стол, поставили перед ним глиняную кружку с молоком, дали какую-то зеленоватую булку и сливочное масло. И Павлик услышал историю Мартина – так звали хозяина. Он не встречал Айбокена и Аксиладис. Да и в Середее попал не через сердоликовый дом.

– Я не буду вдаваться в подробности, – сказал Мартин. – Может быть, в другой раз, если представится возможность. Хотя я всей душой надеюсь и от всей души вам желаю, чтобы возможность не представилась. Но сейчас решительно некогда, уж поверьте мне. Скажу только, что я пренебрёг всеми советами. Я вошёл в сад Времени в полдень и, конечно же, немедленно попался ему на глаза. Своего ключа я даже не видел, потому что Время едва меня не сожрал. Я с трудом унёс ноги и стал лембоем. Каждый, на кого посмотрит Время, становится лембоем. Это как болезнь. Внутренние часы сбиваются и идут наперекосяк. В нашей деревне живут дети со стариковскими лицами. А неподалёку живут старики с лицами детей. Так, знаете ли, проще. Но никто из нас точно не знает, сколько каждому из нас теперь лет.

– И неужели ничего нельзя сделать? – ужаснулся Павлик. – Ну... всё исправить. Выздороветь!

– Можно! – вздохнул Мартин. – Но это очень непросто, и удаётся немногим.

– Да и немногие решаются, – добавила жена Мартина, чьё имя было Абёйю.

– Почему? – не понял Павлик.

– Ну-у... – протянул Мартин, и они с Абёйю переглянулись. – Здесь тоже можно жить. В чём-то здесь даже проще.

– Но ведь вы – это уже не вы! – воскликнул Павлик.

– Думаешь, там, – тихо сказал Мартин и кивнул головой куда-то в пространство, – все остаются сами собой?

– К тому же, – вставила Абёйю, – Время и там никого не жалеет. Просто там его не видят.

– Нет, – сказал Павлик. – Я всё равно вернусь.

Они замолчали. Казалось, каждый погрузился в свои мысли. Молчание нарушил шорох. Павлик, уставившийся в свою кружку с молоком, поднял глаза и увидел, что у порога собралась целая толпа лембоев. И все с интересом разглядывали Павлика.

За окном, между тем, начинались сумерки. Павлик достал часы – было уже половина десятого.

Мартин и Абёйю, увидевшие гостей, стали приглашать их войти, и вскоре комната наполнилась маленькими старичками.

Сначала все подходили в Павлику знакомиться и даже трогали его. Потом заговорили наперебой, и каждый хотел рассказать, в чём была его личная ошибка в саду Времени. Поскольку все говорили одновременно, Павлик не мог проследить за каждой историей. Однако он уловил, что во всех случаях было общим: каждый лембой в бытность свою человеком не верил, что первая же встреча с Временем способна изменить саму человеческую природу.

– Время не терпит легкомыслия, – говорил один.

– Обмануть его невозможно, – уверял другой, – нужно лишь воспользоваться...

Но конец фразы тонул в общем шуме, и вот уже до слуха Павлика доносился ещё чей-то голос:

– Время ненавидит всех, но тех, кто с ним высокомерен или непочтителен, он проглатывает...

Наконец Мартин попросил тишины, и все замолчали.

– Если я правильно понял, – сказал Мартин, – лев уже объяснил тебе, что нужно делать...

Лембой с готовностью принялись кивать.

– Да, – ответил Павлик, – мне нужно войти в сад около полуночи, пройти по дорожке к золотому дереву, снять свой ключ и выйти из сада. На всё у меня – минут десять, пока Время умирает, рождается и ещё не успевает твёрдо встать на ноги. Но мне нужен кусок хлеба, а ещё – немного масла, чтобы смазать калитку и задобрить птиц. Так мне сказал лев.

Тут опять поднялась суета, и все разом заговорили. Но Павлик уже никого не слушал, потому что Абёйю протянула ему небольшой деревянный сосуд, увенчанный деревянной же пробкой, и небольшой свёрток.

– Это масло чертополоха, – объяснила она, – и чертополошный хлеб.

– Большое спасибо, – прошептал Павлик, принимая эти странные дары.

– Скоро будет темно, – сказал Мартин, глядя на сгущающиеся сумерки за окном. – А нам ещё нужно перейти болото. Надо торопиться. Пора!

Он встал, и остальные тоже зашевелились. Все, кто был в комнате, вышли на улицу, и все отправились провожать Павлика. Но дойдя до болота, остановились. Только Мартин вошёл в туман, и Павлик услышал приглушённый мзгой голос:

– Нужно торопиться! Прощайтесь...

Лембои окружили Павлика и снова заговорили все разом:

– Прощайте, удачи...

– Пусть вам повезёт...

– Ничего не забудьте...

– Будьте внимательны и осторожны...

– Прощайте, – сказал Павлик. – Спасибо.

Отыскав глазами Абойо и встретившись с ней взглядом, повторил:

– Спасибо.

И пошёл за Марином.

ГЛАВА X, В КОТОРОЙ ПАВЛИК НАХОДИТ ЗОЛОТОЕ ДРЕВО

Мартин шёл очень быстро, и Павлик, вспомнив Айбокена, старался, на всякий случай, идти след в след. Наконец они вышли из тумана, и Павлик увидел уже знакомую картинку: перед ним за цветущей оградой лежал сад Времени, на горизонте белела гряда, справа высился холм, за которым притаилась роща фир, а вокруг – выжженная солнцем степь с зеленеющим и цветущим чертополохом.

Наконец они остановились, и Мартин сказал:

– Ну всё. Делайте, как сказал лев, ничего не пропустите и не перепутайте. Время – плохой шутник, у него нет чувства юмора. А мне нужно торопиться пройти болото, пока ещё не совсем стемнело.

– Да, да, конечно, – рассеянно сказал Павлик, поминутно оглядывавшийся на сад Времени. – В темноте можно сойти с дорожки.

– Дело не только в дорожке, – улынулся Мартин. – Ночами болото живёт своей жизнью. И лучше бы мне в ней не участвовать. Прощайте, – вздохнул он. – Я желаю вам поскорее вернуться домой. И надеюсь, мы больше не увидимся.

– Прощайте, – прошептал Павлик. – Спасибо.

Мартин исчез в тумане. А Павлик, подождав немного и посмотрев ему вслед, пошёл к саду.

Возле калитки он посмотрел на часы. Было одиннадцать. Он уселся на землю и обхватил колени руками. «Нужно посидеть до половины двенадцатого, – думал он, глядя, как зажигаются звёзды в почерневшем небе. – Потом надо хорошенько смазать калитку. Без пяти... нет! Без семи двенадцать я войду в сад – нужно будет ещё оставить хлеб для птиц...» И вдруг Павлик вспомнил, что говорил ему лев: «Масло, песок и хлеб!» Он совсем забыл про песок. А лев сказал, что песком нужно будет засыпать какую-то яму. Павлик огляделся, но вокруг не было никакого песка. Вернуться в деревню он не мог – времени совсем не оставалось, к тому же Мартин так странно говорил о болоте, что идти туда после его слов совсем не хочется. Как же так?! Ну как он мог забыть?! И что теперь делать?!

Часы показывали без четверти двенадцать. Павлик заметался, но где взять песок, всё равно не мог придумать. Без десяти двенадцать... Павлик упал на колени и руками стал скрести иссохшую землю. Ему удалось собрать какой-то мусор – горсть сухой земли, больше похожей на пыль, клубок иссохшей травы, попался даже камень. Всё это Павлик наскоро запихнул в карман и кинулся к калитке. В малюсеньком, чуть больше спичечной коробки, сосуде было не так уж много масла. Павлик вылил всё до последней капли и с замиранием сердца толкнул калитку. Та беззвучно распахнулась, и перед Павликом открылся прекраснейший из виденных им когда-либо садов.

Огромная жёлтая луна висела над садом так низко, что Павлику казалось – он мог бы, забравшись на дерево, дотянуться до неё рукой. Вдоль дорожки с обеих сторон росли розовые кусты. Ели соседствовали с эвкалиптом, а возле орешника разрослось алоэ. Казалось, растения со всего света были собраны

в этом саду, и ни одно из них не испытывало нужды во влаге или солнечном свете. И даже в лунном сиянии Павлик видел обилие цветов.

Он ступил на дорожку, выложенную неведомым мастером каменными плитами. В нескольких шагах от калитки Павлик увидел скол на одной из плит и небольшой выем у края плиты. Он тут же заполнил ямку собранным только что мусором и с облегчением вздохнул: два задания были выполнены, осталось найти большой плоский камень, чтобы выложить хлеб. Часы показали без пяти двенадцать.

Он побежал вперёд, но вдруг остановился, вспомнив, как проскочил переход из одного тоннеля в другой. Решив, что побегит после того, как найдёт камень, он перешёл на шаг. Казалось, что он идёт уже очень давно, но камня всё не было и не было. Зато он услышал стоны – где-то совсем рядом, не то за кустами жасмина, не то за апельсиновыми деревьями стонал какой-то старик. Павлик остановился и посмотрел на часы – до полуночи оставалось две минуты. Нужно было торопиться, а камень, как назло, всё не показывался. Павлик не удержался и побежал, поминутно оглядываясь в поисках камня. Когда дорожка повернула вправо под девяносто градусов, Павлик наконец-то увидел его. Он лежал с левой стороны от дорожки – огромный белый кусок мрамора, чуть светившийся в лунных лучах. Оказавшись рядом, Павлик заметил на мраморе греческие буквы, но рассматривать было некогда. Он вытащил из кармана свёрток и, развернув, положил на камень. Часы показали полночь. Где-то недалеко за деревьями кто-то вздохнул тяжело, и наступила тишина. И в этой тишине Павлик помчался по дорожке во весь опор.

Он ещё не видел дерева, но уже понял, что нашёл его. Дорожка снова круто свернула, на сей раз влево. Но, не добежав до поворота, Павлик увидел свечение, как будто там, за изгибом дорожки, золотым светом горели яркие лампы. Когда же он повернул, то невольно остановился – золотое дерево и впрямь было золотым. Глядя на это невысокое раскидистое дерево, похожее на вишню, Павлик вспомнил фонтаны на ВДНХ, где

неоднократно бывал, и в Петергофе, куда ездил с родителями прошлым летом. Он подошёл ближе, вглядываясь в ветки и стараясь разглядеть ключ. Лёгкий ветерок, гулявший по саду, шевелил золотые листья, мелодично позвякивавшие при движении. Вблизи Павлик увидел, что на ветвях действительно висят какие-то странные предметы, уместные разве что на новогодней ёлке. На глаза ему попался веер, потом – небольшая шкатулка, миниатюрный молоток... Сердце его ёкнуло – он увидел ключ. Бронзовый с бородкой ключ висел на нижней ветке и легонько покачивался. Павлик даже не понял, как это произошло: стоило ему коснуться ключа, как тот оказался у него в руке. В то же самое время откуда-то из глубины сада послышался крик младенца.

Было уже три минуты первого, когда Павлик, опустив ключ в карман джинсов, бросился бежать назад, к калитке. Из-за деревьев доносился детский плач, но уже не младенческий, слышанный прежде. Павлик припомнил, что вошёл в сад без пяти двенадцать. На всё про всё у него ушло восемь минут. Но это включая остановки и поиски. Если бежать без остановок, вполне можно обернуться за четыре минуты.

Вот один поворот... второй... вот белый камень, на котором, как успел обратить внимание Павлик, уже не было хлеба... И вдруг из-за деревьев Павлик услышал детский капризный голос:

– Кто здесь? Кто это?

От удивления Павлик остановился, но вдруг понял, кому принадлежит этот голос. И тогда уже от страха помчался быстрее.

Но тот же голос капризного ребёнка, только с более уверенными интонациями, раздался вновь:

– Пусть птицы задержат вора, пробравшегося в наш сад.

Павлик, задыхавшийся от страха, помчался ещё быстрее. Вот уже и калитка показалась, оставалось совсем немного.

Вновь раздавшийся голос был громче и звонче. Но самое страшное – говоривший приближался – слова звучали ближе.

– Пусть калитка задержит вора, кто бы он ни был!

Павлик в ужасе смотрел на калитку, до которой оставалось несколько шагов. Как вдруг, споткнувшись, он растянулся на дорожке. И в тот же момент услышал шаги – кто-то приближался, раздвигая кусты. Павлик вскочил и, успев заметить, что споткнулся о принесённый им же камень, в один прыжок очутился возле калитки.

– Пусть калитка задержит вор... – услышал он.

Но калитка легко распахнулась, выпустила Павлика и хлопнулась.

ГЛАВА X, В КОТОРОЙ ПАВЛИК ПОКИДАЕТ АРАНИФУ

Выскочив из сада, Павлик повалился у розовой ограды, пытаясь отдышаться. Наконец дыхание восстановилось. Павлик закрыл глаза, и ему показалось, что он снова бежит, спотыкается о камень, падает и летит куда-то вниз, вниз...

Когда он открыл глаза, было уже светло. Павлик немедленно всё вспомнил, сел и принялся ощупывать лицо – больше всего ему хотелось бы знать, не увидел ли его Время и не стал ли он сам лембоем. Но поскольку зеркала у него не было, приходилось действовать наощупь. Не нащупав у себя морщин, он немного успокоился и занялся имуществом, распиханным по карманам. Наружу были извлечены телефон, лембойский сосуд из-под масла, «куриный бог», перо Симаргл и добытый с таким трудом ключ. Он разложил свои сокровища на ладони и стал думать, что же для него сейчас самое ценное. Но к выводам так и не пришёл, потому что прямо над головой у него раздался скрипучий, старушечий голос:

– Откуда у тебя этот камень?

Павлик перепугался и так вздрогнул, что чуть не выронил все свои драгоценности. Задрав голову, он увидел, что над ним на изгороди сидит бурая птица с жёлтыми лапами и жёлтым крючковатым носом. Склонив голову набок, птица жёлтым глазом рассматривала Павлика и его богатства.

– Ой... – только и смог сказать Павлик.

– Ой! – издевательски передразнила птица.

– Простите, – забормотал Павлик, – вы, наверное, орёл?

– Нет, – проскрипела птица, – соловей.

– Как?!

– Так откуда у тебя этот камень?

– Айбокен дал, – растерянно проговорил Павлик.

– Так я и думал. А теперь отвечай: кто ты такой и что ты здесь делаешь?.. Нет! Не отвечай. Я и так вижу: ты маленький человек из-за двери. А теперь отвечай: что ты здесь делаешь и чьи это вещи у тебя?

И Павлику в очередной раз пришлось повторить всю историю своих походов, начиная библиотекой и заканчивая на сей раз посещением сада Времени. Когда Павлик дошёл до изгнания из Ошвуда, птица закивала довольно головой и сказала:

– Так я и думал: ты суетен, как все из-за двери.

Павлик ничего не ответил на это и продолжил рассказ. Дойдя до своего недавнего пробуждения и внезапного появления птицы, он сказал:

– Вы очень похожи на орла, потому я и спросил...

– А если видишь, что похож, зачем спрашиваешь?

– Ну-у-у... А вдруг вы не орёл, а, скажем, родственник Симаргл...

Тут птица расхохоталась, как будто никогда ничего смешнее не слышала.

– Родственник Симаргл... Скажешь тоже!.. Ладно уж, – отсмеявшись, объявила птица, – пожалуй, я соглашусь с тобой, что я – орёл.

– Зачем соглашаться или не соглашаться? – удивился Павлик. – Если вы – орёл, можно так и сказать об этом. Орёл вы или нет – разве это зависит от того, что я об этом думаю?

– Конечно. Не хочешь ли ты сказать, что не зависишь от того, что о тебе думают?

– Ну только если совсем немного, – подумав, сказал Павлик. – И совсем в другом смысле.

– Значит, по-твоему, выходит, что одно и то же может быть хорошо в одном смысле и плохо в другом?

– Во-первых, может, – сказал Павлик. – Например, Фалиадис. А во-вторых, вы меня совсем запутали.

– Во-первых, не говори мне об этой ведьме! Ничего хорошего в ней нет, с какой стороны ни посмотри. А во-вторых, я думал, что ты хочешь, чтобы я тебя запутал. А чего же ты хочешь на самом деле?

Павлик подумал, что если не свести этот разговор к минимуму, то он, пожалуй, будет продолжаться вечно. Поэтому он снова распахнул свои сокровища по карманам, оставив в руке только «куриного бога», которого протянул орлу и сказал:

– Я хочу, чтобы вы отнесли меня туда, где сейчас Айбокен.

Павлик уже привык, что его таскают за шиворот, а потому не удивился, когда орёл схватил его за воротник рубашки и поднял в воздух. Удивило другое: Павлик воображал, что они полетят над холмом, над рощей фир, что он, возможно, ещё раз увидит Симаргл... Но вместо этого орёл понёс его совсем в другую сторону. Насколько Павлик мог понять, глядя сверху, они летели между холмом и туманом, а значит – деревней лембоев. Но самое удивительное было в том, что весь полёт, по прикидкам Павлика, занял не более пяти минут. Орёл поставил Павлика возле пещеры и сказал:

– Ну вот. Здесь-то уж ты не ошибёшься. Как упрёшься в стену, смотри налево. Перейдёшь в другой тоннель и выйдешь в Середее. Раз уж Айбокен обещал тебя ждать, не сомневайся – первый, кого ты увидишь, выйдя из пещеры, будет он, Айбокен.

– Спасибо, – ответил Павлик, недоверчиво косясь на пещеру. – А это точно?.. В смысле, так быстро...

– Не сомневайся, – повторил орёл. – Обратная дорога всегда короче и занимает меньше времени.

Услышав о времени, Павлик невольно поморщился. Но орёл, заметив его гримасу, сказал на это:

– Что, воспоминания о Времени не доставляют тебе удовольствия?

– Если честно, да. Лучше о нём не думать.

– А вот это зря! Ты же не сможешь во всю жизнь больше не думать о времени. Не выйдет!

Про себя Павлик вынужден был согласиться, но вслух решил ничего не говорить – разговор о времени всё же был ему неприятен.

– Ладно, – проскрипел орёл. – Возвращайся. Если ты не окончательный тупица, то на сей раз с пути не собьёшься.

– А если окончательный? – решил уточнить Павлик.

– Тогда поделом. Иначе не изменишься.

С этими словами орёл расправил крылья, изогнулся и, вытянув жёлтые лапы, взмыл вверх.

– Прощай! – проскрипел он.

– Прощайте! Спасибо, – крикнул Павлик, не отрывавший от птицы взгляда.

Когда орёл исчез, Павлик вздохнул и вошёл в пещеру. Здесь было прохладно. Тропа поднималась выше, потом спускалась. Проход был узким – Павлик не мог даже раскинуть в стороны руки. Когда за подъёмом начался спуск, свет исчез, и Павлику пришлось включить фонарик. А телефон, между тем, почти разрядился и показывал одну «палочку». Павлик начал беспокоиться, что останется в темноте, и прибавил шагу. Но зарядки хватило: Павлик упёрся в стену, а слева заметил тот самый лаз, который пропустил из-за Минотавра. Лаз был довольно низким – Павлику пришлось встать на колени. И он подумал, что взрослый человек на его месте был бы вынужден ползти. Зато, как только он вылез в другом тоннеле, то увидел впереди свет – проход был ровным, без подъёмов и спусков. Он бросился бежать и очень скоро выскочил наружу.

– Айбокен! – закричал Павлик, увидев, что он лежит на том же месте и в той же позе, как Павлик оставил его.

Наверное, никогда и никому Павлик так не радовался, как Айбокену. Обняв за шею, уткнувшись в мягкую шерстку, Павлик силился не расплакаться. Айбокен тёрся о щёку Павлика, издавая звуки, похожие на кошачье мурлыканье.

– Ты принёс ключ? – спросил он, когда Павлик разжал объятия.

– Принёс! – и Павлик вытащил из кармана бронзовый ключик с бородкой.

– Тогда рассказывай!

И Павлик принялся рассказывать со всеми подробностями о своих похождениях. Айбокен слушал молча, а когда речь зашла о льве о об орле, довольно кивал.

А потом они отправились обратно – к сердоликовому дому, где Павлик впервые заговорил с Аксиладис. Павлик не мог понять: он так хотел домой, так боялся, что Время увидит его, но теперь ему грустно и не хочется уходить без Айбокена. И когда они подошли к холму, на котором стоял сердоликовый дом, Павлик сказал:

– Пойдём со мной, Айбокен.

– Куда? – засмеялся тот.

– Со мной, за дверь.

– И что я буду там делать?

– Не знаю...

– Вот и я не знаю. Так что иди уж один.

– А если?..

– Ну если ты когда-нибудь вернёшься и захочешь меня найти, у тебя есть камень.

Павлик не стал уточнять, что нужно будет сделать с камнем, чтобы найти Айбокена. Ведь неизвестно, получится ли когда-нибудь снова оказаться в Середее. А если получится, то тогда обязательно кто-нибудь поможет ему в его поисках.

– А мы ещё встретимся? – спросил Павлик, обнимая Айбокена и поглаживая мягкую, нежную шёрстку.

– Кто знает, – ласково сказал Айбокен. – Всё бывает. И всё может быть.

Айбокен лизнул Павлика в щёку. И Павлик, не оборачиваясь, стал подниматься на холм к сердоликовому дому. Уже издали он заметил Аксиладис, вытянувшуюся полубоком и смотревшую на него сверху вниз.

– Раз уж ты здесь, – сказала она, – значит, надо понимать, ключ ты принёс?

– Принёс, – Павлик немного запыхался.

– И что тебе досталось?

Это был, конечно, странный вопрос. Но Павлик сразу его понял.

– Фалиадис... Ошвуд... Роцца фир... Сад Времени... – сообщил он, отдыхаясь.

– Неплохо, – кивнула Аксиладис. – А то ведь бывает поразному. Кому-то, знаешь ли, совсем не выпадает приключений.

Павлик задумался. Послушать Аксиладис, так получается, что ему несказанно повезло. Но Аксиладис как будто прочитала его мысли и, фыркнув, объявила:

– Стоило попадать в сказку, чтобы не испытать ничего сказочного!

Но Павлик, натерпевшийся страху, не спешил радоваться. Пока что всё, чего ему хотелось, – поскорее попасть домой, сохранив при этом первоначальный облик. Конечно, он успел привыкнуть к Айбокену и даже полюбить его. Но после роцци фир, сада Времени и деревни лембоев думать о приключениях не очень-то хотелось.

– Что ж, – сказала Аксиладис, вылизывая поднятую и вытянутую в струну заднюю лапу, – раз уж ключ у тебя, не задерживайся.

– Но здесь же нет ни двери, ни замочной скважины! – воскликнул Павлик, только сейчас вспомнивший об этой удивительной странности.

– Нет ничего проще, – фыркнула Аксиладис, как всегда с таким видом, как будто вот-вот обидится и уйдёт, – просто приложи ключ к стене и увидишь...

Павлик так и сделал. И тут же стена из сердоликовой стала кирпичной, в ней появилась тёмно-коричневая массивная дверь. Павлик потянул её на себя – дверь легко поддалась. Павлик шагнул через порог и оказался в библиотеке. Под ногами у него путалась Аксиладис, утратившая дар речи.

– Ну где же ты ходишь? – спросила Валентина Петровна, когда Павлик появился в читальном зале. – Я уж думала, заснул.

– Я... – начал было Павлик. – Там Аксиладис...

– Кто-о?! – удивилась Валентина Петровна.

– Ну, кошка...
 – Ах, ты Фросю имеешь в виду! Кошка чёрная? Так ты с кошкой там возился?.. Она у нас такая! Ко всем ластится. Хорошая кошечка.

– Хорошая, – согласился Павлик.

– Ну, что же ты, возьмёшь «Бронзовую птицу»? – спросила Валентина Петровна и показала Павлику старую книгу с орлом на обложке.

– Возьму, – вздохнул Павлик, вспомнивший о Симаргл и задумавшийся, что же это такое с ним было.

В самом деле, теперь он никак не мог понять, сколько прошло времени с тех пор, как он вышел в коридор за кошкой. Он, конечно, догадывался, что Середя и Аранифа, и даже Венуа живут не по московскому времени. Он помнил, что Время проживает тысячу лет за сутки, он понимал, что в обычном мире и там, где он побывал, часы протекают розно. И всё же это было так странно и так непонятно, что Павлик вдруг, к ужасу своему, подумал, что ничего и не было, потому что просто быть не могло. С этой мыслью он пришёл домой, в этой мысли укрепился, глядя как бабушка с дедушкой как ни в чём не бывало смотрят на него, говорят с ним и зовут ужинать. Перед сном Павлик подумал, что всё это ему, должно быть, приснилось. И Айбокен, и Симаргл, и роща фир. Наверное, он задумался, наблюдая за Акси... за Фросей, и задремал как-нибудь...

ЭПИЛОГ

На следующее утро, когда Павлик проснулся, первое, что он услышал, было бабушкино ворчание в коридоре. Потом дедушка спросил:

– Что опять случилось?

– Да вот вещи Пашкины постирать хотела.

– Так в чём проблема? Стирай себе на здоровье.

– Господи! Ты на рубашку его посмотри! Как будто по земле катался – грязная, в дырках, воротник весь истрёпанный. Как

можно так изгваздаться – ума не приложу! А штаны?.. Ведь все карманы приходится выворачивать – чего там только нет! Камни, перья... Флаконы какие-то... Подбирает всё подряд...

– Бабушка! – в следующую секунду Павлик – всклокоченный, босой, в одних трусах – стоял в коридоре и тянул на себя джинсы.

– Да ты что вскочил-то? – удивился дед – Чего вопишь?

– Ты что, выбросила? Выбросила из карманов?

– Да ничего я не выбросила! На вот... Забирай своё добро.

И бабушка извлекала уже из своего кармана «куриного бога», почему-то опять ставшего серым, жёсткое зеленоватое перо, причудливый деревянный сосуд.

– Ишь ты! «Куриный бог»! – восхитился дедушка. – Счастливым будешь, Павел – «куриный бог» – на счастье.

Павлик улыбнулся и пошлёпал босыми ногами в свою комнату. Он и впрямь чувствовал себя счастливым.

